

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2023 № 4(45)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

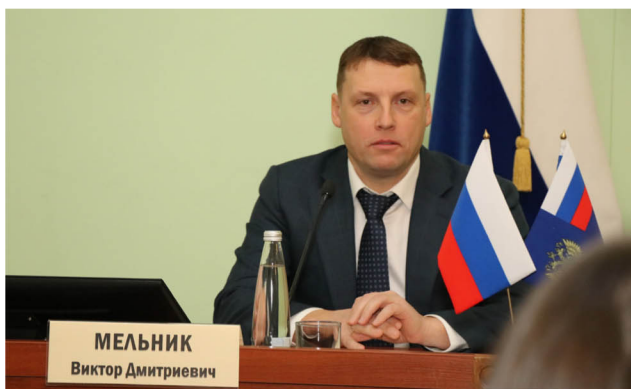
СОБЫТИЯ

ридонов, который отметил важное значение научного мероприятия и обозначил цель: рассмотрение вопросов значения Конституции Российской Федерации в развитии правовой системы России, конституционно-правовых механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина, а также роли прокуратуры Российской Федерации в защите конституционных прав и свобод граждан.

С приветственными словами к участникам обратились начальник Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе Н.Е. Солнышкина; прокурор Санкт-Петербурга В.Д. Мельник.

В конференции приняли участие заместитель прокурора Ленинградской области С.В. Виноградов, и.о. Северо-Западного транспортного прокурора

Р.Ф. Доценко, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке доктор юридических наук, профессор Н.С. Бондарь; заместитель председателя Избирательной комиссии Ленинградской области Ф.Г. Замятин, начальник отдела информационно-аналитического и организационного обеспечения Аппарата Уполномоченного по правам человека Ленинградской области Е.А. Черемшанова; профессорско-преподавательский состав Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации и других вузов России, а также

17 ноября 2023 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина», посвящённая 30-летию Конституции Российской Федерации.

Открыл конференцию директор Института доктор юридических наук, профессор А.П. Спи-

редством видео-конференц-связи – советник Конституционного Суда Российской Федерации А.С. Карцов; профессор кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации А.Ю. Винокуров; советник Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге К.Е. Шарьгин; представители высших учебных заведений Российской Федерации.

СОБЫТИЯ

24 ноября 2023 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась IX Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» (Волженкинские чтения).

С приветственным словом к участникам научно-практической конференции обратился директор Института доктор юридических наук, профессор А.П. Спиридонов.

В мероприятии приняли участие работники Конституционного Суда Российской Федерации, Южной транспортной прокуратуры, Северо-Западной транспортной прокуратуры, прокуратур Ивановской области, Курганской области, Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Управления Федеральной службы по аккредитации по Северо-Западному федеральному округу, Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы Санкт-Петербурга, Следственного управления УМВД России по Псковской области, Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, представители судебного корпуса, Министерства внутренних дел, ведущие ученые в области уголовного права и криминологии, представители образовательных организаций высшего образования Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Владивостока, Дмитровграда, Донецка, Екатеринбургa, Иванова, Иркутска, Кемеровa, Кирова, Новороссийска, Махачкалы, Орла, Пятигорска, Саратова, Симферополя, Ставрополя, Тюмени, Уфы, Челябинска, а также профессорско-преподавательский состав, аспиранты, студенты и слушатели Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации и других вузов России.

Участники конференции обсудили уголовно-правовые, криминологические проблемы противодействия, а также вопросы совершенствования правоприменительной практики по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; **Н. Е. Солнышкина**, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; **Т. А. Ашурбеков**, доктор юридических наук; **Е. Е. Амлеева**, кандидат юридических наук, доцент; **И. А. Антонов**, доктор юридических наук, профессор; **Е. В. Болотина**, доктор юридических наук; **Н. А. Васильчикова**, доктор юридических наук, профессор; **И. В. Гончаров**, доктор юридических наук, профессор; **Л. В. Готчина**, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; **Н. А. Данилова**, доктор юридических наук, профессор; **А. А. Дорская**, доктор юридических наук, профессор; **И. Г. Дудко**, доктор юридических наук, профессор; **Е. В. Емельянова**, доктор юридических наук, профессор; **Е. Р. Ергашев**, доктор юридических наук, профессор; **Г. П. Ермолович**, доктор юридических наук, профессор; **В. Н. Исаенко**, доктор юридических наук, профессор; **А. С. Карцов**, доктор юридических наук; **Н. П. Кириллова**, доктор юридических наук; **О. Н. Коршунова**, доктор юридических наук, профессор; **Э. К. Кутуев**, доктор юридических наук, профессор; **В. В. Лавров**, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; **Ю. В. Мишалченко**, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; **Н. С. Нижник**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; **М. Ю. Павлик**, доктор юридических наук, профессор; **А. Н. Попов**, доктор юридических наук, профессор; **С. М. Прокофьева**, доктор юридических наук, профессор; **Е. Н. Рахманова**, доктор юридических наук; **Р. А. Ромашов**, доктор юридических наук, профессор; **Е. Б. Серова**, кандидат юридических наук, доцент; **С. А. Смирнова**, доктор юридических наук, профессор; **Ю. А. Тимошенко**, доктор юридических наук; **Н. И. Уткин**, доктор юридических наук, профессор; **О. В. Чельшева**, доктор юридических наук, профессор; **Ю. Б. Шубников**, доктор юридических

наук, профессор; **В. С. Шадрин**, доктор юридических наук, профессор; **В. Ф. Щепельков**, доктор юридических наук, профессор; **А. А. Эскархонуло**, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; **Р. Д. Шарапов** (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; **М. А. Григорьева** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **О. А. Гуреева**, кандидат юридических наук; **Е. В. Елагина**, кандидат юридических наук, доцент; **Д. Ю. Краев**, кандидат юридических наук, доцент; **Е. Л. Никитин**, кандидат юридических наук, доцент; **Т. Г. Николаева**, доктор юридических наук, профессор; **А. А. Сапожков**, кандидат юридических наук, доцент; **И. Л. Честнов**, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4

Подписано в печать 04.12.2023. Печ. л. 18,5. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 27/23.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Спиридонов А. П. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции как источник российского права (к 20-летию принятия Конвенции ООН против коррупции)..... 3

Тантасатиен Нарн. Принципы демократии и проверка государственных контрактов органами прокуратуры 10

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ

Абаканова В. А., Шадрин Е. Г. Современные проблемы реализации принципа состязательности сторон при возобновлении судебного следствия 31

Данилова Н. А., Кульпин А. А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) 38

Елагина Е. В., Николаева Т. Г. Некоторые вопросы, возникающие при реализации принципа языка уголовного судопроизводства..... 46

Зайнуллин Р. И. Криминалистическая профилактика — миф или реальность? 53

Карпов В. О. Массовые убийства в образовательных организациях: криминологический анализ..... 59

Кулик Н. В., Ким А. Д. К вопросу о принципе добросовестности в уголовном процессе .. 66

Мальшев Я. В. История развития российского законодательства об ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний..... 73

Морозов В. И., Лосев С. Г. К вопросу о механизме уголовно-правовой охраны оборота углеродных единиц в Российской Федерации..... 78

Равинская А. В. «Несовершеннолетие» через призму уголовного процесса, детской психологии и психиатрии 85

Тюнин В. И., Чабукиани О. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (вопросы правоприменения)..... 92

Федышина П. В. Поджог как общеопасный способ совершения преступления..... 99

Шилин В. В. Особенности доказывания мотива при расследовании сокрытия преступлений от учета..... 105

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ

Анацкая О. К. SWOT-анализ как метод прокурорской проверки исполнения законодательства о несовершеннолетних и соблюдения их прав 112

Коришунова О. Н., Широкова П. В. К вопросу о комплексном подходе к изучению и реализации этических начал в прокурорской деятельности 119

Коряченко С. И. Прокуратура в системе органов государственного контроля и надзора в сфере градостроительной деятельности 127

Никитин Е. Л. Специфика прокурорской проверки исполнения законов в оперативно-разыскной деятельности 133

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Кулик Н. В., Сычев Д. А. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности» 141

Научная статья
УДК 341

**КОНВЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПРОТИВ КОРРУПЦИИ
КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА
(К 20-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ)**

Анастас Павлович СПИРИДОНОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, anastas.spiridonov@bk.ru*

Аннотация. Действующая на протяжении двадцати лет Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции закрепила за собой право называться основным международным правовым актом, установившим общие требования по противодействию противоправному поведению лиц, облеченных публичной властью. Более 180 государств-участников, подписавших и ратифицировавших этот документ, приняли на себя обязательства по реализации мер, направленных на создание мирового пространства, свободного от коррупционных проявлений. Между тем юбилейная дата — это не только повод отметить значение этого документа как основополагающего источника международного права в антикоррупционной сфере, но и возможность оценить его роль в развитии национального законодательства, рассмотреть проблемные вопросы адаптации в структуре отечественного права, предложить видение разрешения имеющихся противоречий. Об этом автор рассуждает в предлагаемой публикации.

Ключевые слова: Конвенция ООН против коррупции, противодействие коррупции, ратификация, имплементация, законодательство, прокурор

Для цитирования: Спиридонов А. П. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции как источник российского права (к 20-летию принятия Конвенции ООН против коррупции) // Криминалистъ. 2023. № 4 (45). С. 3–9.

Original article

**UNITED NATIONS ANTI-CORRUPTION CONVENTION
AS A SOURCE OF RUSSIAN LAW
(ON THE 20TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE UN CONVENTION
AGAINST CORRUPTION)**

Anastas P. SPIRIDONOV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, anastas.spiridonov@bk.ru*

© Спиридонов А. П., 2023

Abstract. The United Nations Convention against Corruption, which has been in force for twenty years, has secured the right to be called the main international legal act that established general requirements for countering illegal behavior of persons vested with public authority. More than 180 member states that have signed and ratified this document have committed themselves to implementing measures aimed at creating a world space free from corruption. Meanwhile, the anniversary date is not only an occasion to note the importance of this legal act as a fundamental source of international law in the anti-corruption sphere, but also an opportunity to assess its place and role in the development of the national legislation, integration into the global legal system of countering corruption, to consider problematic issues of adaptation to the structure of the domestic law, to offer a vision of resolving the existing contradictions. The author discusses this in the proposed publication.

Keywords: UN Convention against Corruption, anti-corruption, ratification, implementation, legislation, prosecutor

For citation: Spiridonov A. P. The United Nations anti-corruption convention as a source of russian law (on the 20th anniversary of the adoption of the UN convention against corruption). *Criminalist*. 2023;4(45):3-9. (In Russ.).

В 2023 году исполняется 20 лет с момента принятия Конвенции ООН против коррупции (далее – Конвенция)¹, которая задала вектор развития антикоррупционного законодательства в мире. Национальные законодательные акты, направленные на минимизацию возможности использования публичными должностными лицами своего положения вопреки интересам службы и извлечения личных выгод, существовали в мире и до принятия данного акта международного права. Также применялись нормы отдельных правовых документов межгосударственного уровня, отражающих позицию стран, их подписавших, по вопросам антикоррупционной деятельности в отдельных сферах правоотношений². Однако Конвенция аккумулировала наработки разных государств в области понятийного аппарата, видение мировым сообществом концептуальных мер, необходимых для устранения влияния коррупции, а также межгосударственного взаимодействия. Нельзя не отметить позитивное влияние положений Конвенции на развитие институтов противодействия противоправной деятельности должностных лиц публичного и частного секторов. Государства-участники, подписывая Конвенцию, выразили обеспокоенность серьезностью порождаемых коррупцией проблем в обществе, влиянием коррупции на другие формы преступности, случаями коррупции, связанными с большими объемами активов, которые могут составлять значительную долю ресурсов государств, и ставящими под угрозу политическую стабильность и устойчивое развитие этих государств, а также убежденность в том, что это социальное явление превратилось в транснациональное и для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней необходим всеобъемлющий и многодисциплинарный подход.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.

² См., напр.: Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях : принята 16 декабря 1996 г. Резолюцией 51/191 на 86-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) : заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г. : текст с изм. и доп. на 15 мая 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9. С. 3–29; Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций : заключена в г. Стамбуле 21 ноября 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7. С. 72–85; Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН : текст с изм. и доп. на 15 нояб. 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33.

Следует отметить, что по мнению некоторых исследователей этот документ не является идеальным с точки зрения отражения определенных тенденций в области противодействия должностным преступлениям. До сих пор не утихают споры относительно имплементации в российское законодательство ряда положений Конвенции, в первую очередь ст. 20, согласно которой уголовно наказуемым деянием должно признаваться незаконное обогащение — значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое не может быть разумным образом обосновано, при условии, что оно совершено умышленно, а также реализации других ее положений [1, с. 128; 2, с. 150–159; 3, с. 46–48; 4, с. 84–87; 5; 6, с. 136].

Несмотря на это, трудно переоценить значение Конвенции для становления и развития отечественного законодательства, поскольку ее положения сегодня представляются очевидными и применяются в юридической практике как должное. Например, согласно п. 2 ст. 3 Конвенции не обязательно, чтобы в результате совершения коррупционного преступления был причинен вред или ущерб государственному имуществу. Тем самым декларировано, что само по себе коррупционное деяние является общественно опасным, т. е. без дополнительных условий должно подвергаться порицанию обществом, а лица, его совершившие, — наказанию государством.

В Конвенции определен перечень мер по предупреждению и противодействию коррупции, таких как разработка и осуществление эффективной и скоординированной политики противодействия коррупции, способствующей участию общества и отражающей принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности; установление и поощрение эффективных видов практики, направленных на предупреждение коррупции; проведение оценки соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней; взаимодействие государств-участников друг с другом и с соответствующими международными и региональными организациями в разработке и содействии осуществлению мер по предупреждению коррупции и по отмыванию денежных средств.

В Конвенции предложено реализовать надлежащие меры для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, в предупреждении коррупции и борьбе с ней, а также для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции и создаваемых ею угроз.

Разработаны меры, которые мировым сообществом предложены в качестве противодействия коррупционным преступлениям, а также меры в сфере международного сотрудничества и др.

Очевидно, что положения российского антикоррупционного законодательства и до ратификации Конвенции соответствовали позиции мирового сообщества в вопросах искоренения правонарушений, совершаемых должностными лицами с использованием служебного положения в личных целях. Однако особое значение Конвенции состоит в том, что в ней были сформулированы принципы комплексного подхода к противодействию коррупции, на которые как на необходимое условие эффективной работы в области обеспечения государственных и общественных интересов указывается в научных работах [1, с. 125; 7, с. 128–129].

Следует согласиться с позицией Ю. В. Скворцовой, что работа по имплементации положений антикоррупционных конвенций приобрела официальный и систем-

ный характер с изданием в 2007 году Указа Президента Российской Федерации «Об образовании межведомственной рабочей группы для подготовки предложений по реализации в законодательстве Российской Федерации положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.»¹ [8]. Уже через два года после ратификации Российской Федерацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции принят основополагающий акт в данной сфере – Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»², который закрепил принципы, созвучные изложенным в Конвенции, а также антикоррупционные меры и компетенцию властных структур по их реализации, предусмотрел правила поведения государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, иных лиц, чьи действия могут быть расценены как коррупционные, и иные важные положения. Обозначенные в акте ООН позиции дали толчок к унификации других федеральных законов, нормы которых регламентируют правила поведения должностных лиц³.

Имплементация в федеральное законодательство норм Конвенции повлекла потребность в усовершенствовании антикоррупционной деятельности с помощью подзаконных правовых актов разного уровня. Такие акты содержат конкретные положения, касающиеся профилактики коррупции, организации деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, а также органов местного самоуправления по выявлению коррупционных правонарушений, устранению и (или) минимизации их последствий. Были созданы органы по профилактике коррупционных правонарушений, что позволило в значительной мере обеспечить исполнение норм права в данной области.

Еще одним немаловажным фактором является то, что Конвенция ориентирована на принятие антикоррупционных мер не только в публичном секторе экономики, но и в частном. Несмотря на то что в силу определенного исторического опыта, полученного в советский период, эта сфера экономики пока еще воспринимается отдельно от публичной, следует признать необходимость реализации и в ней мер противодействия коррупции, на что указывают положения ст. 12 Конвенции, согласно которым государствам-участникам предписано принимать меры по предупреждению коррупции в частном секторе, совершенствованию стандартов бухгалтерского учета и аудита в частном секторе и, в надлежащих случаях, установлению эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие гражданско-правовых, административных или уголовных санкций за несоблюдение

¹ Об образовании межведомственной рабочей группы для подготовки предложений по реализации в законодательстве Российской Федерации положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. : Указ Президента Российской Федерации от 3 февраля 2007 г. № 129 : текст с изм. и доп. на 11 авг. 2007 г. [Указом Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» признан утратившим силу]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ : текст с изм. и доп. на 10 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., напр., Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. от 10 июля 2023 г.) «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральные законы от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О статусе военнослужащих», от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации», от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

таких мер. Эта позиция была не только позитивно воспринята представителями негосударственного сектора экономики [9, с. 91 – 103], но и обеспечена нормами права, устанавливающими обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции¹, а также предусматривающими наказание юридического лица за коррупционные действия, совершенные в его интересах².

Учитывая важность Конвенции для российского общества, Президент Российской Федерации в качестве органа по реализации ее положений по всем вопросам взаимной правовой помощи, за исключением гражданско-правовых, определил Генеральную прокуратуру Российской Федерации³. Такое решение обусловлено ведущей ролью прокуратуры в обеспечении законности и правопорядка, в том числе в сфере противодействия коррупции. Прокуратура вправе осуществлять надзорные полномочия на всех без исключения направлениях деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по реализации антикоррупционных мер⁴.

Отмечая важность положений Конвенции ООН против коррупции, следует обозначить некоторые проблемы их применения в российском законодательстве. Как отмечено выше, одной из наиболее обсуждаемых тем остается имплементация положений этого международного документа в правовую систему Российской Федерации.

В российском законодательстве отсутствует дефиниция «имплементация». Число научных суждений относительно этого термина значительно. Остановимся на определении, которое дал профессор Ю. А. Тихомиров: исполнение государством международно-правовых норм путем их включения в национальную правовую систему, фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне [10, с. 8].

При внедрении норм Конвенции в уголовное законодательство следует учитывать ряд особенностей национального законодательства. В частности, правоприменение в Российской Федерации осуществляется на основании четко установленных норм закона, исключается принятие решения в соответствии с субъективной целесообразностью, что отличает романо-германскую правовую систему, к которой относится российское законодательство, от англосаксонской системы права, на основании которой декларирован ряд положений Конвенции, включая признание преступным деянием умышленное незаконное обогащение. Между тем Конвенция не предусматривает жестких требований по ратификации этого и ряда других положений, указывая, что государство-участник рассматривает возможность принятия законодательных и других мер, которые могут потребоваться для их имплементации. При этом немаловажным обстоятельством является установка, согласно которой это применимо при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы. Несмотря на установленное правило о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. : текст с изм. и доп. на 10 июля 2023 г. Ст. 13.3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ст. 19.28, 19.29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, касающихся взаимной правовой помощи : Указ Президента Российской Федерации от 18 декабря 2008 г. № 1799. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об организации работы по реализации рекомендаций Группы государств против коррупции : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 августа 2009 г. № 282. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации), следует согласиться с мнением Б. А. Шахназарова, что «заключаемые Российской Федерацией международные договоры не должны противоречить Конституции России как основному закону страны, придающему международным договорам юридическую силу» [11, с. 176]. Сложность имплементации норм международного права состоит также в отсутствии у правоприменителя четкого понимания пределов их применения [12, с. 4]. В отдельных работах авторы указывают на различия терминологии, используемой в Конвенции, с одной стороны, и в российском законодательстве — с другой [13, с. 132 – 136]. Подобная ситуация характерна для имплементации норм международного права не только в России, но и в других странах. Например, американские суды настолько широко трактовали понятие «иностранное должностное лицо», что стало возможным привлечение к уголовной ответственности за взяточничество дворника, работающего в иностранном представительстве компании, на том основании, что предприятие финансируется из государственного бюджета [14, с. 8 – 10]. Следовательно, к вопросам имплементации норм Конвенции в российское законодательство следует подходить с определенной долей осторожности и, как указывает В. Д. Зорькин, «в той мере, в какой она по своей юридической природе может быть здесь применена» [15, с. 86 – 102]. Еще более взвешенным должен быть подход в применении норм международного права в сфере уголовного законодательства [16, с. 283 – 319]¹.

Вместе с тем имплементация понятийного аппарата Конвенции в отечественное законодательство путем приведения законов в соответствие с нормами международного акта² не представляется столь значительной проблемой, являющейся серьезным препятствием для использования ее положений в отечественном законодательстве и правоприменительной практике.

Приведенный выше анализ позволяет констатировать, что, не умаляя роли антикоррупционного законодательства Российской Федерации, действовавшего до 2003 года, Конвенция ООН против коррупции стала отправной точкой комплексного развития национального права в данной сфере, дала импульс для выработки принципов и направлений политики по пресечению и предупреждению должностных правонарушений, а также для постановки задач, определения целей и выработки мер, направленных на противодействие коррупции.

При этом процесс имплементации норм данного международного соглашения еще не завершен и требует планомерного и взвешенного подхода, чтобы не допустить дисбаланс в правовой системе и тем самым не снизить возможности правоприменительной практики. Ряд вопросов требуют дополнительной проработки и анализа. Вместе с тем наличие отдельных проблем реализации положений Конвенции не снижает ее правового и исторического значения в противодействии коррупции как одного из основных источников нейтрализации порождаемых этим негативным явлением угроз для безопасности общества, стабильности демократических институтов, этических ценностей и справедливости, нанесения ущерба устойчивому развитию и правопорядку.

¹ Подробнее об имплементации международных норм в российское законодательство см.: Спиридонов А. П. Международное уголовное право и уголовное право Российской Федерации: проблемы влияния и соотношения : монография. М., 2004. 351, [1] с.

² О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 : текст с изм. и доп. на 5 марта 2013 г. П. 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Баранов В. М. Право против коррупции // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 119–130.
2. Зимин В. В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов, касающихся уголовной юрисдикции, в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 150–159.
3. Канкулов А. Х., Керемов И. Р. Споры о ратификации Российской Федерацией ст. 20 Конвенции против коррупции // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. XV, № 3. С. 46–48.
4. Орлова С. В. Некоторые проблемы имплементации статьи 35 Международной конвенции ООН против коррупции в российское законодательство // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 84–87.
5. Примаков Д. Я., Коник К. Анализ результатов имплементации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в России за 2013 год. Москва : Трансперенси Интернешнл – Р, 2013. 186 с. URL: <http://www.gosbook.ru/node/73385> (дата обращения: 10.09.2023).
6. Экимов А. И. Конвенция ООН против коррупции в правовой системе РФ // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2014. № 4. С. 129–137.
7. Шиндяпина Е. Д. Механизмы противодействия коррупции в публично-правовой сфере / Е. Д. Шиндяпина, Д. Я. Примаков, Е. В. Черепанова, О. В. Белоусова // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 119–130.
8. Скворцова Ю. В. Международные нормы о противодействии коррупции в системе российского права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 162–169.
9. Шалимова М. А. Транснациональное антикоррупционное законодательство и его применение в России // Внутренний контроль в кредитной организации. 2014. № 1. С. 91–103.
10. Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 3–15.
11. Шахназаров Б. А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8. С. 174–184.
12. Карандашов И. И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации : специальность 12.00.10 «Международное право. Европейское право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Карандашов Иннокентий Игоревич. Санкт-Петербург, 2013. 26 с.
13. Коновалов В. А. Имплементация норм международного права в сфере противодействия коррупции в законодательную базу Российской Федерации // Современное право. 2015. № 6. С. 132–136.
14. Сидоренко Э. Л. Международные антикоррупционные стандарты в российском уголовном праве: первые итоги имплементации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 1. С. 7–12.
15. Зорькин В. Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 86–102.
16. Спиридонов А. П. Международное уголовное право и уголовное право Российской Федерации: проблемы влияния и соотношения : монография. Москва : Приор-издат, 2004. 352 с.

Информация об авторе

А. П. Спиридонов – директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. P. Spiridonov – Director at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Employee of the Procurator's Office of the Russian Federation.

ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИИ И ПРОВЕРКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Нари ТАНТАСАТИЕН

Советник Генерального прокурора Королевства Таиланд

В Таиланде форма государственного управления представляет собой демократическую систему, возглавляемую монархом. Эта система существует уже на протяжении 90 лет, со дня смены власти в 1932 году, когда высшая суверенная власть была закреплена за тайским народом, а король стал главой государства, реализующим эту власть через законодательную, исполнительную и судебную ветви согласно Конституции. Ни во временной Конституции 1932 года, ни в других многочисленных редакциях Конституции, вплоть до принятия Конституции Королевства Таиланд 1968 года, не содержалось конкретного определения системы государственного управления в Таиланде как демократической системы во главе с монархом, в отличие от современной редакции Конституции. Даже в периоды управления страной революционными комитетами, обладавшими суверенной властью, так или иначе реализовывалась демократическая система управления, возглавляемая королем. Несмотря на то что революционные комитеты не достигли успеха в своих действиях, они тем не менее обладали настоящей властью, и на протяжении уже почти 90 лет демократия развивается и процветает в тайском обществе. В революционный период тайской истории, в эпоху смены правительств демократия не исчезала, но лишь ждала своего часа, каждый раз перерождаясь и укрепляясь с новой силой. Таким образом, демократия является не только лишь элементом в системе управления государством, но и важным направлением всей современной мысли и стилем жизни тайского общества — как в повседневности, так и в рабочей деятельности и исполнении обязанностей госслужащих.

1. ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДЕМОКРАТИЯ»

Термин «демократия» (тайск. — *прачатхипатай*) в тайском языке является относительно новым. Слог «прача» происходит от санскритского корня «парача», означающего «группа», а «атхипатай» восходит корнями к палийскому «атхиптеюй», что означает «величина». В Словаре Королевского института издания 2011 года значение слова «демократия» определено как «система правления, основанная на правлении большинства и принципе большинства голосов». Что касается английского языка, в нем термин *democracy* означает систему управления от лица народа и восходит к греческому слову *demokratia*, использовавшемуся в середине V века до н. э. Термин был образован путем слияния двух корней — *demos*, что переводится как «народ», и *kratos*, что обозначало систему управления в некоторых городах Греции в то время, в частности в Афинах, при которой мужское население города

© Тантасатиен Н., 2023

© Болонова С., перевод с тайского, 2023

принимало прямое участие в голосовании по принятию законов или вынесению решений по разнообразным вопросам¹. В то время были известны в том числе такие системы управления, как монархия — система управления, в которой высшая власть принадлежит одному лицу либо сановнику, и олигархия — система управления, в которой высшая власть в том или ином полисе принадлежит группе или совету лиц.

Когда речь заходит о значении понятия демократия в современном мире, каждому приходят на ум слова Авраама Линкольна, шестнадцатого президента США, занимавшего должность президента в 1861 — 1865 годах, сказавшего: «Демократия — это правление народа посредством народа для народа» (*of the people, by the people, for the people*). Волеизъявление народа осуществляется через голосование по принципу большинства, а народ имеет свободу в выражении своего мнения или несогласия и придании огласке проблем и разногласий. При необходимости принятия решений путем голосования каждый гражданин имеет право одного голоса — ничье право не превышает право другого. Равенство — это неотъемлемая черта системы демократического управления, являющейся наследницей греческой демократии. Только в греческих полисах народ пользовался правом непосредственного прямого голосования, получившего название «прямая демократия» (*direct democracy*). В настоящее время граждане избирают своих представителей. Такая система получила название «представительная демократия» (*representative democracy*).

Когда мы рассматриваем системы управления в различных государствах, объединенных применением принципов демократии в управлении, мы можем заметить, насколько различны в них черты и формы самой демократии. Существуют разнообразные попытки теоретизировать и классифицировать составные части демократии, определено, как должна выглядеть структура демократического государства и какие характерные признаки демократии должны присутствовать в той или иной степени. Рассмотрев все признаки в совокупности, можно сделать вывод, к какому типу демократии относится то или иное государство. Признаки демократии позволяют измерить, повышается или понижается «градус» демократии в отдельно взятой стране, и, таким образом, они могут быть использованы как индикаторы, или маркеры, уровня демократичности.

Рассмотрим следующие признаки демократии:

1. Консенсус.

У большинства граждан существует согласие по ключевым целям работы правительства и роли правительства, несмотря на несогласие отдельных граждан.

2. Участие.

Каждый гражданин имеет право участия в политической деятельности в рамках законодательства, несмотря на то что в ходе самой деятельности роли не будут распределены одинаково.

3. Гласность.

Демократическое государство уважает права граждан. Как отдельные граждане, так и группы лиц имеют равные возможности в выражении собственного мнения и оценке работы лиц, управляющих страной.

4. Реагирование на потребности граждан.

Глава государства не всегда может действовать в строгом соответствии с потребностями и желанием народа в каждом отдельно взятом случае, обосновывая свои

¹ Даль Р. А. Демократия // Энциклопедия Британника, 9 марта 2021 г. URL: <https://www.britannica.com/topic/democracy> (дата обращения: 10.07.2021).

действия государственной необходимостью или национальными интересами, однако в конце концов несет ответственность за осуществляемое им управление через справедливую и обязательную процедуру выборов.

5. Правило большинства.

Решения принимаются правительством согласно принципу большинства голосов. В случае принятия решения без одобрения наибольшей группы правительству необходимо предоставить объяснение.

6. Суверенитет парламента.

Парламент, основной обязанностью которого является принятие законов, не обязательно обладает высшей властью, поскольку существуют и другие органы, разделяющие с ним власть, как, например, органы судебной и исполнительной власти и др. В таких случаях эти органы несут совместную ответственность.

7. Партийное правительство.

Кандидатура главы государства проверяется и выдвигается политической партией с четкой внутренней структурой, необходимой для создания эффективного правительства. Если партия является слабой или не принимает участия в выдвижении управленческих кандидатур, то она не будет эффективной, что, в свою очередь, приведет к ослаблению демократии в сравнении с другими государствами.

8. Плюрализм.

Политическая деятельность осуществляется независимыми группами частных лиц, является добровольной и включает в себя разнообразные группы с различными мнениями во избежание монополизации права на представительство. Если в какой-либо группе имеют место директивные команды или принуждение к вступлению, такая группа становится инструментом в руках государства, а интересы частного сектора становятся неочевидными. В демократическом государстве обязательно разнообразие различных групп.

9. Федерализм.

При распределении власти в системе федеративного управления выделяют центральное правительство, региональные и местные правительства. Федерализм не является обязательным условием существования для всех демократических государств, однако как минимум необходимо распределение власти по местам либо по ответственным исполнительным органам во избежание концентрации избыточной власти в центре.

10. Президентализм.

Возглавлять управление страной может как один человек, так и Совет Министров, избранный через процедуру прямых выборов или выдвинутый организацией и сосредоточивший в своих руках управленческую власть. При этом это лицо или группа лиц несут ответственность перед избирателями.

11. Система сдержек и противовесов.

Необходимым условием существования демократического правительства является наличие системы сдержек и противовесов. При этом распределение системы сдержек по большому количеству организаций не является обязательным, но обязательно итоговое принятие ответственности перед гражданами страны¹.

По рассмотрении вышеуказанных принципов становятся очевидными различия между компонентами разных форм демократического управления в разных странах.

¹ Демократия: идеология, принципы и формы управления в разных странах / Раксат Амон [и др.]. Университет Чулалонгкорн, 1996. С. 39–42.

Так или иначе, разнообразие форм и черт систем демократического управления по всему миру свидетельствует о разных корнях и истории становления нации в каждой из стран и невозможности или неудобстве применения системы демократического управления одной страны в другой. При этом нельзя говорить о том, что демократия одной страны в чем-либо уступает другой.

Демократия является не только лишь системой управления, основанной на принципе большинства. Важную роль играет принцип прав и свобод человека. Права человека — это права, которыми человек обладает по факту своего существования. Эти права не подлежат изменению и должны быть защищены согласно статье 2 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете». Демократию также характеризуют концепции верховенства закона и правового государства. Эти концепции, в свою очередь, включают в себя такие важные принципы, как разделение властей, принцип верховенства закона в деятельности государственных органов, принцип гарантии защиты прав в ходе судебных разбирательств, а также принцип гарантии защиты прав индивидов в системе правосудия. Содержательные компоненты включают в себя такие критерии, как ясность и конкретность закона и его доступность для понимания народом; недопустимость ретроспективного принятия законов в связи с наступлением негативных последствий для граждан; законодательное закрепление базовых прав человека и мер их соблюдения на уровне конституции при непосредственном применении Всеобщей декларации прав человека; принцип разумности и умеренности применения власти государством для реализации законных интересов государства; недопустимость произвольных государственных действий, а также принцип равенства¹.

Таким образом, демократия не является исключительно вопросом управления, а может быть реализована и в иных сферах общественной жизни. Принципы демократии успешно применяются на уровне международных отношений. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций выступил с заявлением о том, что права человека, верховенство закона и демократия являются основными универсальными ценностями (*core value*) и принципами ООН, играющими важную роль в «демократическом руководстве» (*Democratic Governance*)². Помимо этого, демократические принципы могут быть применены в деятельности частных организаций, государственных органов, в повседневной жизни и рабочих процессах, при выполнении обязанностей государственными служащими в мере, не выходящей за рамки действия нормативно-правовых актов и предписаний, регулирующих деятельность госслужащих.

¹ Пхакхират Варачет. Верховенство закона и правовое государство // Чуланити : журнал. Год 9, вып. 1 (январь — февраль 2012 г.). С. 55 — 56.

² Директивная записка Генерального секретаря ООН по демократии // Цифровая библиотека ООН, 2009. С. 1. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/677649> (дата обращения: 10.07.2021).

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ

2.1. Значение понятия «государственный контракт»

Общепринятым считается определение государственного контракта как договора между государственным заказчиком и частным партнером по вопросам осуществления государственных закупок, заключения концессионных соглашений или реализации крупных совместных инвестиционных проектов между государством и частным сектором. Заключение государственных контрактов непосредственно связано с использованием государственного бюджета страны, формирующегося из налоговых выплат граждан, в связи с чем существует необходимость дисциплинарного контроля финансовых и бюджетных потоков, обоснования целесообразности расходов и противодействия коррупции в государственных организациях, в частности имеющих собственный доход и не пользующихся средствами государственного бюджета, но заключающих договоры под непосредственным контролем государства в связи с тем, что государство является собственником этой организации или владеет определенной ее частью. Такая организация обладает большей гибкостью, чем государственный орган. Профессор Чуласинг Васансинг определяет государственный контракт как договор между государственной службой, государственным предприятием или общественной организацией и частным партнером, причем государственный заказчик должен обладать статусом юридического лица, а обе стороны договора должны обладать равным статусом с равными правами на обвинение и защиту в суде¹.

В ходе изучения постановлений Совета Министров и законодательной базы, используемой при заключении и проверке государственных контрактов, были выделены следующие основные его компоненты:

1. Одной из сторон государственного контракта является государственный орган. При этом понятие «государственный орган» толкуется по-разному в различных законах и предписаниях, применяющихся при заключении государственного контракта. Так, например, в Постановлении Совета Министров от 1 сентября 1992 года², определяющем общие принципы для государственных органов по составлению и направлению проекта государственного контракта на проверку в органы прокуратуры, государственный орган определяется как государственная служба или государственное предприятие³. В контексте государственных закупок Закон о госу-

¹ Васансинг Чуласинг. Государственный контракт. Виньючон, 2011. С. 1.

² Документ Канцелярии Совета Министров № 0205/138 «О внесении изменений в Постановление Совета Министров о порядке проверки государственных контрактов Генеральной прокуратурой» от 9 сентября 1992 года.

³ Статья 4 Закона о бюджете 2018 года следующим образом определяет понятия государственной службы и государственного предприятия:

«Государственная служба представляет собой министерство, бюро, департамент или иное наименование государственной службы, функционирующее на уровне провинции или группы провинций согласно Закону об организации государственной администрации.

Государственное предприятие представляет собой:

(1) государственную организацию согласно Закону об организации государственных предприятий, которая находится под руководством государства или основные средства которой принадлежат государству;

(2) компанию с ограниченной ответственностью или открытую публичную компанию с ограниченной ответственностью, в которой государственные службы или предприятия, как определено в пункте (1), владеют долей, превышающей 50 %;

(3) компанию с ограниченной ответственностью или открытую публичную компанию, в которой государственные службы или предприятия, как определено в пунктах (1) и (2), или государственные

дарственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года определяет государственный орган как центральный, региональный или местный орган государственной власти, государственное предприятие как оно определено в Законе о бюджете, общественную организацию, независимую организацию, конституционную организацию, судебный орган, государственный университет, органы в составе или в подчинении Парламента, независимые органы государственной власти и иные ведомства, определяемые постановлениями министерств. Закон о государственно-частном партнерстве 2019 года определяет государственный орган как государственную службу, государственное предприятие, орган местного самоуправления или иной государственный орган, в свою очередь, квалифицирует иной государственный орган как орган под контролем государства, общественную организацию, органы, регулируемые особыми правовыми актами, либо иные органы, являющиеся юридическими лицами и не входящие в состав государственных структур или предприятий, но находящиеся под административным управлением.

Вторая сторона государственного контракта, как правило, имеет статус частного партнера. Роль частного партнера в процессе заключения государственного контракта регулируется теми же законами и постановлениями, что и роль государственного органа, однако допустимы послабления некоторых жестких условий и правил. В случае осуществления закупки при поддержке государства согласно Постановлению Министерства финансов о государственных закупках и способах проведения закупок при поддержке государства 2020 года государственный орган вправе воспользоваться способом закупки у единственного поставщика без объявления открытого конкурса¹ или выплатить аванс до 50 %. В таком случае внесение гарантийного обеспечения не является обязательным². Однако это не представляется возможным в случае применения Закона о государственно-частном партнерстве

предприятия, как определено в пунктах (1) и (2), или государственные предприятия, как определено в пункте (2), владеют долей, превышающей 50 %».

¹ Закон о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года, статья 56, разделы 1 и 2.

«Статья 56. При проведении государственных закупок государство объявляет открытый конкурс, за исключением случаев:

1) В следующих случаях применяется способ закрытого конкурса:

(1) в ходе проведения открытого конкурса не было получено заявок либо полученные заявки не прошли отбор;

(2) в иных случаях согласно постановлению министерства.

2) В следующих случаях применяется способ закупки у единственного поставщика:

(1) в ходе проведения открытого и закрытого конкурсов либо только закрытого конкурса не было получено заявок либо полученные заявки не прошли отбор;

(2) в иных случаях согласно постановлению министерства.

В случаях 1 (2) или 2 (2) министерство вправе издать постановление о проведении закупок при поддержке государства согласно статье 65 (4). Если министерство издает постановление о проведении закупок при поддержке государства согласно статье 65 (4) в отношении пункта 2 (2), то следует изменять способ закупки у единственного поставщика согласно пункту 2 (2)».

² Постановление Министерства финансов о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года, статья 89, раздел 1 и статья 91, раздел 1.

«Статья 89. Выплата аванса поставщику за выполнение государственной закупки не производится, за исключением случаев, необходимость выплат по которым определяет глава государственного органа, разместившего заказ. Предварительные условия договора или соглашения определяются согласно следующим ограничениям:

(1) Оплата за выполнение государственной закупки возможна в размере не более 50 % от согласованной цены».

«Статья 91. Выплата аванса за выполнение государственной закупки согласно статье 89, разделам (1), (2) и (3) не предусматривает внесение гарантийного обеспечения».

2019 года, особенно если контракт заключается между государственным заказчиком и частным партнером¹.

2. Заключение государственного контракта регулируется законодательными актами, порядками, указами, государственными проектами, внутренними распоряжениями государственных органов и Совета Министров, либо отдельно применимыми к каждому из типов государственных контрактов, либо непосредственно используемыми теми или иными органами. Существуют следующие особые законы, регулирующие порядок заключения государственного контракта:

Закон о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года;

Закон о государственно-частном партнерстве 2019 года;

Постановление Министерства внутренних дел об обращении с отходами 2017 года, принятое в соответствии с Законом о поддержании чистоты и порядка в стране 1992 года.

В случае неприменимости ни одного из перечисленных особых законов следует руководствоваться Постановлением Совета Министров от 1 сентября 1992 года и документом Канцелярии Совета Министров № 0205/ 138 «О внесении изменений в Постановление Совета Министров о порядке проверки государственных контрактов Генеральной прокуратурой» от 9 сентября 1992 года. Именно эти документы определяют порядок направления государственных контрактов государственными органами на проверку в Генеральную прокуратуру.

3. Заключение разных типов государственных контрактов регулируется не только законами, указами и распоряжениями Совета Министров. Отношения, возникающие в ходе заключения государственных контрактов, также подпадают под действие Гражданского и Торгового кодексов Королевства Таиланд, за исключением некоторых категорий государственных контрактов, представляющих собой административные договоры. Юридические отношения в рамках таких контрактов, в свою очередь, регулируются административным законодательством, а разногласия разрешаются в административных судах. Закон об административных судах и административном судопроизводстве 1999 года определяет административный договор как в том числе договор, в котором минимум одна из сторон является административным органом или лицом, действующим от имени государства, а сам договор имеет признаки концессионного соглашения, договора оказания государственных услуг, договора оказания жилищно-коммунальных услуг либо договора использования природных ресурсов. Фраза «в том числе» в данном определении свидетельствует о том, что существуют и иные виды административных договоров, не раскрытые в данном определении. На 6-й Генеральной ассамблее Высшего административного суда за 2001 год, состоявшейся 10 октября 2001 года², для внесения ясности были определены критерии отнесения договора к разряду администра-

¹ Закон о государственно-частном партнерстве 2019 года.

«Статья 4. Партнерство означает совместное инвестиционное сотрудничество с частным партнером, вне зависимости от способа его осуществления, либо поручение частному партнеру на осуществление одностороннего инвестирования любым законным способом, либо заключение концессионного соглашения, либо предоставление любого вида права.

<...>

Частный партнер означает юридическое лицо, не являющееся государственным органом, либо частное лицо».

² Бороманан Нантхаван. Административный договор. Вингючон, 2011. С. 223.

тивных согласно статье 3 Закона об административных судах и административном судопроизводстве 1999 года.

Так, административный договор должен обладать следующими двумя характеристиками:

1) как минимум одна из сторон административного договора является административным органом или лицом, уполномоченным представлять интересы государства;

2) данный договор имеет признаки концессионного соглашения, договора оказания государственных услуг, договора оказания жилищно-коммунальных услуг, договора использования природных ресурсов, договора, по условиям которого административный орган или лицо, уполномоченное представлять интересы государства, соглашается разрешить другой стороне напрямую оказывать государственные услуги либо участвовать в их оказании, договора, в положениях которого содержатся признаки прерогативы государства, предполагающие использование административной власти или совершения административных действий.

Любой договор, одной из сторон которого является административный орган или лицо, уполномоченное представлять интересы государства, заключенный со второй стороной на основании принципов добровольности и равенства, но не обладающий вышеперечисленными характеристиками административного договора, следует рассматривать как гражданский договор.

Из вышесказанного следует, что контракт, являющийся административным договором, обладает двумя основными характеристиками: во-первых, одной из сторон контракта является административный орган или лицо, уполномоченное представлять интересы государства, где согласно статье 3 Закона об административных судах и административном судопроизводстве 1999 года административный орган определяется как «министерство, бюро, департамент, государственная служба, иное наименование государственной службы, функционирующие на уровне центрального, регионального или местного органа управления, государственное предприятие, основанное согласно Королевскому указу, или иной государственный орган, наделенный административной властью или выполняющий административные функции». Таким образом, государственные контракты, одной из сторон которых не является административный орган согласно вышеуказанному определению, не следует рассматривать как административные договоры. Договоры, не имеющие признаков концессионного соглашения, договора оказания государственных услуг, договора оказания жилищно-коммунальных услуг, договора использования природных ресурсов, договора, по условиям которого административный орган или лицо, уполномоченное представлять интересы государства, соглашается разрешить другой стороне напрямую оказывать государственные услуги или участвовать в их оказании, либо договора, в положениях которого содержатся признаки прерогативы государства, предполагающие использование административной власти или совершения административных действий, также не являются административными договорами согласно Резолюции 6-й Генеральной ассамблеи Высшего административного суда за 2001 год, состоявшейся 10 октября 2001 года. Таким образом, некоторые виды государственных контрактов не подпадают под определение административного договора, а представляют собой гражданские договоры.

2.2. Проверка государственных контрактов Генеральной прокуратурой

Обязанности и полномочия органов прокуратуры по проверке государственных контрактов определяются статьей 23 Закона о прокуратуре и прокурорских работников 2010 года, наделяющей Генеральную прокуратуру полномочиями по проверке государственных контрактов, иных юридических документов и изданию актов реагирования для правительства и государственных органов. В Законе о прокуратуре и прокурорских работников 2010 года государственный орган определяется как конституционная организация, центральный, региональный или местный орган государственной власти, государственное предприятие, общественная организация и иное ведомство, реализующее государственную деятельность. В настоящем определении предпринята попытка охватить все виды государственных ведомств, поэтому к категории «иное ведомство, реализующее государственную деятельность» можно отнести в том числе оборотный фонд, не обладающий статусом юридического лица. К компетенциям Генеральной прокуратуры относится также оказание юридических консультаций и проверка государственных контрактов или иных юридических документов юридических лиц, не являющихся государственными органами, в установленном законом и Королевскими указами порядке. При выполнении своих обязанностей Генеральная прокуратура руководствуется государственными интересами. В обязанности Генеральной прокуратуры входит довести отчет до правительства, государственного органа и юридического лица, являющегося стороной контракта, об имеющихся в государственном контракте недочетах, которые подлежат исправлению или дополнению, недостатках или положениях, способных повлечь за собой нанесение ущерба государству¹.

Государственные контракты, поступающие на проверку в органы прокуратуры, можно классифицировать следующим образом:

1. Контракты на закупки и материально-техническое обеспечение (*Procurement Contract*).

Статья 4 Закона о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года определяет контракт на закупку как договор, который государственный орган заключает в целях приобретения, найма, аренды обмена или совершения иных юридических актов согласно постановлениям министерства. Предмет закупки означает товар, услугу, работы по строительству, консультационные услуги, дизайнерские услуги или услуги по контролю за строительными рабо-

¹ Закон о прокуратуре и прокурорских работников 2010 года.

«Статья 23. Генеральная прокуратура, помимо полномочий и обязанностей по осуществлению административной и академической деятельности для обеспечения работы прокурорских кадров, также наделяется следующими полномочиями и обязанностями:

<...>

(2) оказывать юридические консультации и проверять государственные контракты или иные юридические документы правительства и государственных органов;

(3) оказывать юридические консультации и проверять государственные контракты или иные юридические документы юридических лиц, не являющихся государственными органами, в установленном законом и Королевскими указами порядке.

В ходе проведения процедуры проверки государственного контракта согласно пунктам (2) и (3) Генеральная прокуратура должна руководствоваться государственными интересами, в связи с чем в обязанности Генеральной прокуратуры входит доведение отчета до правительства или государственного органа согласно пункту (2) или юридического лица, являющегося стороной контракта, согласно пункту (3) об имеющихся в государственном контракте недочетах, которые подлежат исправлению или дополнению, недостатках или положениях, способных повлечь за собой нанесение ущерба государству».

тами. Таким образом, контракт на закупку представляет собой договор, заключаемый государственным заказчиком в целях получения товаров или услуг. Напротив, если приобретение предмета закупки в целях реализации законных обязательств не является содержанием договора, а государственный орган выступает в роли продавца или поставщика услуг, то такой договор не соответствует определению контракта на закупку, содержащемуся в Законе о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года. Если закупка осуществляется в целях ведения предпринимательской деятельности или приобретения дохода (например, купля-продажа), то такие характеристики позволяют отнести подобный контракт к категории контрактов на коммерческие закупки или контрактов на коммерческие закупки государственных предприятий. Контракты этой группы регламентируются статьей 7 Закона о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года и подразделяются на отрасли:

- энергетика;
- коммуникации;
- транспорт;
- жилищно-коммунальные услуги;
- сельское хозяйство;
- природные ресурсы;
- промышленность и торговля;
- общество и технологии;
- финансовые институты.

Государственное предприятие определяет правила, или порядок, осуществления коммерческих закупок и выносит их на предварительное рассмотрение управляющему совету. Что касается контрактов государственных предприятий на прямые коммерческие закупки, то в большинстве случаев они определяются внутренними регламентами того или иного предприятия. Однако если государственное предприятие сталкивается с подозрениями или проблемой оценки целесообразности, то оно направляет контракт на проверку в Генеральную прокуратуру.

2. Договоры государственно-частного партнерства.

Договор, заключенный в рамках закона о привлечении частного сектора к инвестированию в государственные проекты, или соглашение о государственно-частном партнерстве в общепринятой терминологии, — это договор, в рамках которого государственный орган привлекает частную сторону к инвестированию в проекты, обязанность по реализации которых лежит на государстве, например договор по реализации инфраструктурного или общественно значимого проекта. Объединение инвестиций государственного и частного секторов базируется на принципе партнерства государства и частного сектора¹, который необходимо последовательно реализовывать согласно закону о привлечении частного сектора к инвестированию в

¹ Государственно-частное партнерство в ускоренном режиме в настоящее время реализуется в таких инфраструктурных и общественно значимых проектах, как:

- 1) Розовая линия железной дороги на участке Кхэрай — Минбури;
- 2) Желтая линия железной дороги на участке Латпхрао — Самронг;
- 3) Голубая линия железной дороги на участках Хуалампхонг — Банкхэ и Бангсэ — Тхапхра;
- 4) Проект скоростной междугородней автотрассы на участке Банглаин — Накхонрасасима;
- 5) Проект скоростной междугородней автотрассы на участке Бангъяй — Канчанабури;
- 6) Фиолетовая линия железной дороги на участке Таупун — Вэнканчанапхисек;
- 7) Оранжевая линия железной дороги на участке Бангкхуннон — Национальный центр культуры Таиланда — Минбури (Сувинтхавонг).

государственные проекты, иначе называемому «соглашение о государственно-частном партнерстве». Первым законом о государственно-частном партнерстве стал Закон о привлечении частного сектора к деятельности в рамках государственных проектов, принятый в 1992 году. Впоследствии, в 2013 году, этот закон был замещен Законом о привлечении частного сектора к инвестированию в государственные проекты, а в 2019 году был принят Закон о государственно-частном партнерстве, имеющий силу и по сей день.

Помимо уже упомянутых соглашений о государственно-частном партнерстве существуют соглашения о государственно-частном партнерстве в особых экономических зонах восточного региона. Сейчас существует четыре крупных инвестиционных проекта в восточной особой экономической зоне:

- 1) проект развития аэропорта Утапао и Восточного города-аэропорта;
- 2) проект предприятия по техническому обслуживанию и ремонту самолетов в Утапао;
- 3) третий этап проекта морского порта Лемчабанг;
- 4) третий этап проекта промышленного порта Маптапхут.

Соглашения о государственно-частном партнерстве по вышеперечисленным проектам являются важным этапом реализации правительственной политики по развитию страны, и в данных целях были приняты особые законодательные акты, отличные от ранее применявшихся при реализации аналогичных проектов, в частности Закона о привлечении частного сектора к инвестированию в государственные проекты 2013 года, действовавшего в то время. Один из данных особых законов — это Закон об особых экономических зонах восточного региона 2018 года, определяющий восточный регион как зону особого экономического развития со следующими характеристиками:

четкое определение границ и объемов использования территорий с учетом состояния и потенциала развиваемых территорий согласно принципам устойчивого развития;

последовательная интеграция процессов реализации инфраструктурных проектов и деятельности предприятий жилищно-коммунального обслуживания и организация их взаимосвязи как в рамках особой экономической зоны восточного региона, так и вне ее;

модернизация городов до международного уровня для жизни и бизнеса;

предоставление полного цикла государственных услуг;

предоставление льгот предпринимателям, ведущим деятельность в особых экономических зонах.

Упомянутый особый закон имеет целью сокращение количества этапов от процесса подготовки и вынесения на рассмотрение проекта до его одобрения и подписания до минимального периода в 8—10 месяцев. При применении Закона о привлечении частного сектора к инвестированию в государственные проекты 2013 года, действовавшего в то время, аналогичная процедура заняла бы 40 месяцев. Вместе с тем сохраняется цель обеспечения прозрачности проектов и возможности проведения проверок на каждом из этапов.

3. Концессионные соглашения в сфере жилищно-коммунального обслуживания.

Постановлением Революционного комитета № 58 от 26 января 1972 года определены следующие сферы действия данного типа соглашений:

- 1) железнодорожный транспорт;

- 2) трамвайный транспорт;
- 3) прокладка каналов;
- 4) аэронавигация;
- 5) водоснабжение;
- 6) ирригация;
- 7) электричество;
- 8) газораспределительные системы;
- 9) иные мероприятия, затрагивающие безопасность и благополучие граждан, согласно Королевским указам.

Перечень определяет сферы жилищно-коммунального обслуживания, в которых запрещено осуществление коммерческой деятельности частными лицами, за исключением случаев предоставления особого разрешения или заключения концессионного соглашения с министерством. Министерство определяет необходимые условия соглашения, руководствуясь соображениями безопасности и благополучия граждан. Государственные органы, в обязанности которых входит обеспечение жилищно-коммунального обслуживания в вышеназванных сферах, могут осуществлять необходимые для исполнения своих обязанностей действия без запроса разрешения или заключения концессионного соглашения, однако если государственный орган намерен передать полномочия частной стороне, частная сторона, принявшая на себя такое поручение, обязана получить разрешение на проведение работ от министерства либо заключить концессионное соглашение.

4. Договоры о хранении, транспортировке и утилизации отходов.

Согласно Постановлению Министерства внутренних дел об обращении с отходами 2017 года, принятому в соответствии с Законом о поддержании чистоты и порядка в стране 1992 года, местные власти уполномочены нанимать частных партнеров для осуществления хранения, транспортировки и утилизации отходов. Подобная передача обязанностей осуществляется в соответствии с Законом о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года. В настоящее время местными властями в различных формах активно реализуется данная возможность найма частных партнеров для утилизации отходов, при этом необходимым условием остается передача контракта на проверку в Генеральную прокуратуру.

5. Договоры по типу Государство – Государство (G2G).

Данный тип договора представляет собой коммерческий договор между государственным органом Таиланда с одной стороны и государственным органом иностранной державы – с другой. Договоры такого типа могут являться договорами закупок, например договор на закупку планшетов на межгосударственном уровне, либо коммерческими договорами, не относящимися к договорам государственных закупок, например договор о закупке маниока на межправительственном уровне. Сюда также относятся договоры о закупках амуниции и закупках в области военно-технического сотрудничества у правительств иностранных держав¹. Кроме того,

¹ Примерами договоров о закупках амуниции и закупках в области военно-технического сотрудничества у правительств иностранных держав служат Соглашение о закупке многоцелевых истребителей Gripen 39 C, заключенное между правительством Таиланда в лице Военно-воздушных сил Таиланда и правительством Швеции, Соглашение о закупке бронетранспортеров БТР-3Е, заключенное с Украиной, а также Соглашение о закупке восьми американских истребителей F/A-18 C/D. В отношении этих договоров было применено Постановление Управления государственных закупок и материально-технического обеспечения, опубликованное в Королевской газете, вместо обычного применения Закона

к данному типу договоров можно отнести двусторонние соглашения в различных сферах, например в сфере сельского хозяйства, здравоохранения, коммуникаций, либо соглашения на уровне государственных органов двух стран. Подобные договоры не относятся к разряду международных соглашений в связи с тем, что их заключение не влечет за собой возникновение отношений между правительствами, а влечет лишь установление взаимодействия на уровне государственных органов. Существуют также договоры, не подпадающие под действие международного законодательства, например проект «Минута дискуссии» (*Minute of Discussion*), совместно реализуемый Департаментом биомедицины Министерства здравоохранения Таиланда и Институтом ботаники Куньмина (КНР), или Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве по реализации проектов привлечения молодого поколения в отрасль сельского хозяйства, подписанный Обществом молодых фермеров Республики Корея. Содержание и условия подобных контрактов зависят от достигнутых государственными органами договоренностей в рамках действующего законодательства, полномочий, определенных постановлениями, а также возможностей бюджета.

6. Иные типы государственных контрактов.

К этой группе контрактов относятся государственные контракты, заключаемые государственными органами, но не подпадающие под критерии контрактов государственных закупок и не обладающие характерными признаками контрактов государственно-частного партнерства. Согласно Закону о государственно-частном партнерстве 2019 года, к этой категории можно причислить такие типы контрактов, как соглашения о неразглашении (*Non-Disclosure Agreement*), передаточные акты, договоры об учреждении правительственных стипендий (*Deed of Grant*). Приведем ряд конкретных примеров:

проект договора о сотрудничестве с частным сектором в целях распространения японских технологий по разработке оборудования для вождения автомобиля для инвалидов с парализованными нижними конечностями в рамках программы обеспечения доступа маломобильному населению;

проект договора об учреждении стипендии Королевской полиции Таиланда для проведения тренингов по обучению сержантов;

проект договора о добропорядочности с Департаментом главного аудитора;

проект договора о предоставлении права на использование мантии и эмблемы Университета Наресуан;

проект договора о получении финансовой поддержки на проекты Департамента по делам пенсионеров;

проект договора чек-дискаунтинга между фермерами, выращивающими сахарный тростник, и Фондом сахара и сахарного тростника;

проект по предоставлению займов для приобретения оборудования по сбору сахарного тростника на 2018 – 2019 годы.

о государственных закупках и материально-техническом обеспечении 2017 года. 20 октября 2017 года Управление государственных закупок и материально-технического обеспечения выпустило Правила осуществления государственных закупок амуниции и закупок в области военно-технического сотрудничества, затрагивающего национальную безопасность. В 2017 году Министерство обороны приняло Постановление о государственных закупках амуниции и закупках в области военно-технического сотрудничества, затрагивающего национальную безопасность, через «Программу военных продаж» США и продаж на уровне G2G. Перечисленные законодательные акты применяются непосредственно при осуществлении закупок амуниции у иностранных правительств.

3. ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИИ И ПРОВЕРКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Первые органы прокуратуры в Таиланде появились в 1893 году, когда был организован Департамент прокуратуры в структуре Министерства юстиции, и функционировали без изменений до 1932 года. Постановлением Министерства юстиции 1 апреля 1893 года был определен порядок функционирования и полномочия Департамента прокуратуры. Согласно постановлению, директор Департамента и его сотрудники находились в прямом подчинении министра юстиции. Директор Департамента прокуратуры наделялся правом выбора юриста, обладавшего глубокими специальными знаниями закона и пониманием законодательных принципов, для назначения на должность юридического консультанта, а сотрудники Департамента выступали в роли юридических консультантов для министерств и различных департаментов по защите интересов монархии, представлению интересов монархии, составлению законов и подзаконных актов, переводу законодательных актов иностранных держав на тайский язык, представлению обвинения по уголовным делам, защите прав населения и оказанию подданным юридической поддержки, а также защите государственных интересов. В наши дни функция прокуратуры в качестве защитника интересов монархии трансформировалась в функции по обеспечению интересов государства¹, к числу которых относится и процедура проверки государственных контрактов. При проверке государственных контрактов прокуратура ориентируется на принципы демократии, речь о которых пойдет далее.

3.1. Этические нормы в прокурорской работе

При проведении конкурсного отбора на государственную службу в органы прокуратуры, помимо соответствия квалификационным требованиям, прохождения проверки знаний и имеющегося юридического опыта, кандидат, проходящий вступительные экзаменационные испытания, конкурсный отбор либо процедуру особого назначения на должность прокурора или помощника прокурора, должен обладать искренней верой в демократическую систему государственного управления во главе с монархом². Если в ходе дальнейшей работы выясняется, что служащий не соответствует изначально предъявляемым к нему требованиям, Генеральный

¹ Закон о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года.

«Статья 23. Генеральная прокуратура, помимо полномочий и обязанностей по осуществлению административной и академической деятельности для обеспечения работы прокурорских кадров, также наделяется следующими полномочиями и обязанностями:

<...>

(2) оказывать юридические консультации и проверять государственные контракты или иные юридические документы правительства и государственных органов;

(3) оказывать юридические консультации и проверять государственные контракты или иные юридические документы юридических лиц, не являющихся государственными органами, в установленном законом и Королевскими указами порядке».

² Закон о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года.

«Статья 49. Кандидат, проходящий вступительные экзаменационные испытания, конкурсный отбор либо процедуру особого назначения на должность прокурора или помощника прокурора, должен соответствовать следующим квалификационным требованиям:

А. Общие требования:

(1) имеет гражданство Таиланда по рождению;

(2) имеет возраст не более 25 лет — для кандидатов, проходящих вступительные экзаменационные испытания или конкурсный отбор, возраст не более 35 лет — для кандидатов, проходящих процедуру особого назначения на должность;

(3) обладает искренней верой в демократическую систему государственного управления во главе с монархом».

прокурор, руководствуясь отзывом Коллегии прокуратуры¹, выносит решение об отстранении этого работника от государственной службы². Указанные требования должны выполняться на протяжении всего срока нахождения на должности прокурорского работника. Это рассматривается как часть дисциплины работника, которой он обязан строго придерживаться³.

Статья 3 Этического кодекса прокурорских работников и других сотрудников Генеральной прокуратуры предписывает прокурорским работникам придерживаться демократической системы государственного управления во главе с монархом. Более того, перед вступлением в должность будущий прокурорский работник обязан принести присягу на верность Королю Таиланда, которая звучит следующим образом:

«Я, (имя), клянусь в том, что я буду сохранять верность Королю и выполнять свои обязанности искренне, честно и непредвзято во имя соблюдения справедливости и обеспечения благополучия Королевства. Я обязуюсь сохранять демократическую систему государственного управления во главе с монархом и действовать сообразно ей и законодательству».

Принесение присяги и клятвы на верность Королю перед вступлением в должность является напоминанием прокурорским работникам о необходимости поддержания демократической системы государственного управления во главе с монархом и осуществления действий в рамках этой системы и Конституции Королевства Таиланд на протяжении всего срока службы.

3.2. Прокурорский надзор за соблюдением Конституции

Конституция Королевства Таиланд является основным законом страны, имеющим высшую юридическую силу. В разделе 13 Конституции определены порядок работы прокуратуры, ее полномочия и обязанности, порядок управления кадрами, определения бюджета и другие действия, определяющие независимый порядок работы органов прокуратуры, в том числе порядок выплаты заработной платы и полагающихся льгот. Управление прокурорскими кадрами осуществляется Кол-

¹ Коллегия прокуратуры – это орган, обладающий полномочиями по управлению прокурорскими кадрами согласно статье 248 Конституции Королевства Таиланд и статье 18 Закона о порядке прокурорской работы 2013 года. Коллегия прокуратуры состоит из председателя Коллегии, не являющегося прокурорским работником, четырех членов Коллегии – действующих прокурорских работников – экспертов не ниже 5 уровня, двух ветеранов или заслуженных работников прокуратуры и двух экспертов, не являющихся прокурорскими работниками либо когда-то занимавших прокурорские должности, выбранных действующими прокурорскими работниками. Заместителем председателя Коллегии выступает Генеральный прокурор и первые четыре его заместителя.

² Закон о порядке прокурорской работы 2013 года.

«Статья 57. В случае, если в ходе дальнейшей работы выясняется, что назначенный на должность прокурора или помощника прокурора работник не соответствует изначально предъявляемым к нему требованиям, в том числе общим требованиям, указанным в статье 49, либо обладает недостаточной квалификацией для осуществления прокурорской работы, либо не обладает требуемым опытом в соответствии со статьями 50 и 51, Генеральный прокурор, руководствуясь отзывом Коллегии прокуратуры, выносит решение об отстранении этого работника от государственной службы. Однако это решение не оказывает влияния на деятельность такого служащего в рамках его обязанностей и своевременное получение им заработной платы или причитающихся льгот, правом на которые служащий обладал до издания приказа об отстранении. Если служащий добросовестно исполнял возложенные на него обязанности, подобный приказ рассматривается как отправка на заслуженную пенсию согласно Закону о пенсионном обеспечении государственных служащих».

³ Закон о прокуратуре и прокурорских работников 2010 года.

«Статья 60. Прокурорские работники обязаны строго соблюдать предписанную дисциплину. В случае нарушения следует мера наказания, определенная в разделе 4.

Статья 61. Прокурорские работники обязаны искренне поддерживать демократическую систему власти во главе с монархом».

легией прокуратуры¹. Статья 7 Закона о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года определяет такие структурные компоненты органов прокуратуры, как Коллегия прокуратуры, Генеральная прокуратура и штат сотрудников органов прокуратуры. Канцелярия Генеральной прокуратуры является административной единицей и одновременно юридическим лицом. Генеральный прокурор, в свою очередь, является высшим руководителем и представителем юридического лица².

Согласно статье 3 раздела 2 Конституции Королевства Таиланд органы прокуратуры наравне с Парламентом, Советом Министров, судебными органами, независимыми органами и другими государственными органами обязаны соблюдать положения Конституции и законодательных актов и руководствоваться принципом верховенства закона в целях соблюдения интересов нации и обеспечения благополучия населения. Статья 248 раздела 2 Конституции Королевства Таиланд определяет принцип независимости органов прокуратуры в рассмотрении и вынесении постановлений по делам и выполнении своих обязанностей, руководствуясь законом, быстро и беспристрастно, в соответствии с Конституцией и законом, что соответствует содержанию статьи 21 Закона о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года, устанавливающей принцип независимости органов прокуратуры в рассмотрении и вынесении постановлений по делам и выполнении своих обязанностей, руководствуясь законом, справедливо и беспристрастно, в соответствии с Конституцией и законом.

Было замечено, что Закон о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года не содержит в себе прямого указания на то, что проверка государственных контрактов является непосредственной обязанностью именно прокурорских работников. Законом эта обязанность возлагается на Генеральную прокуратуру в рамках статьи 23 Закона о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года. Генеральная прокуратура в качестве руководящего органа и представителя юридического лица

¹ Конституция Королевства Таиланд.

«Статья 248. Прокуроры должны иметь полномочия и обязанности в соответствии с Конституцией, законом о полномочиях и обязанностях прокуроров и другими законами.

Прокуроры независимы в рассмотрении и вынесении постановлений по делам и выполняют свои обязанности, руководствуясь законом, быстро и беспристрастно, в соответствии с Конституцией и законом.

Прокуроры должны иметь независимую Коллегию, возглавляемую Генеральным прокурором, обладающую самостоятельностью в управлении персоналом, бюджетом и осуществлении иных действий в соответствии с законом. Минимальный состав Коллегии должен включать в себя председателя Коллегии, не являющегося прокурорским работником, избранных прокурорскими работниками членов Коллегии – экспертов, минимум двое из которых не являются прокурорскими работниками либо когда-то занимали прокурорские должности.

Никакой прокурор не может участвовать в какой-либо деятельности или профессии или в любом предприятии, которые могут повлиять на осуществление его полномочий или нанести вред авторитету его должности, не может являться членом совета директоров, директором, юрисконсультантом или занимать любую другую должность, имеющую подобную природу, в любой корпорации или компании».

² Закон о прокуратуре и прокурорских работниках 2010 года.

«Статья 7. Органы прокуратуры состоят из Коллегии прокуратуры, Генеральной прокуратуры и штата сотрудников органов прокуратуры, где Канцелярия Генеральной прокуратуры является административной единицей.

Генеральная прокуратура обладает самостоятельностью в управлении персоналом, бюджетом и осуществлении иных функций в соответствии с законом, где Генеральный прокурор является высшим руководителем и представителем юридического лица.

Прокурорские работники подчиняются Генеральной прокуратуре.

Организация отделов, распределение кадров и распределение обязанностей и полномочий между отделами Генеральной прокуратуры осуществляются согласно постановлению Коллегии прокуратуры».

Генеральной прокуратуры вправе передавать полномочия прокурорским работникам и административным сотрудникам Канцелярии Генеральной прокуратуры, получающим зарплату из зарплатного фонда Генеральной прокуратуры, и, таким образом, поручить выполнять обязанности по проверке государственных контрактов прокурорским работникам. Так или иначе, в настоящее время обязанности по проверке государственных контрактов возложены на Департамент юридических консультаций Генеральной прокуратуры.

Согласно пункту 6 статьи 8 Постановления Коллегии прокуратуры о структуре отделов и распределении обязанностей и полномочий между отделами Генеральной прокуратуры 2020 года¹ проверка государственных контрактов входит в обязанности прокурорских работников, относящихся к Департаменту юридических консультаций. Таким образом, при проверке государственных контрактов прокурорские работники оказываются под защитой и могут свободно выражать свое мнение по юридическим вопросам, основывая его на предписанном Конституцией Королевства Таиланд принципе верховенства закона.

3.3. Применение принципов демократии в деятельности органов прокуратуры

При выполнении своих обязанностей по проверке государственных контрактов для государственных органов прокурорские работники придерживаются следующего порядка действий. Когда в Генеральную прокуратуру из того или иного государственного органа поступает на проверку государственный контракт, он передается на рассмотрение в Департамент юридических консультаций, являющийся внутренним органом в системе органов прокуратуры и обладающий полномочиями по проверке государственных контрактов согласно пункту 6 статьи 8 Постановления Коллегии прокуратуры о структуре отделов и распределении обязанностей и полномочий между отделами Генеральной прокуратуры 2020 года². На начальном этапе проведения процедуры проверки государственного контракта ответственный прокурорский работник должен составить отзыв и представить его на рассмотрение руководителем, а именно особому прокурорскому работнику по вопросам контрактов, заместителю директора Департамента юридических консультаций и директору Департамента юридических консультаций соответственно. Далее отзыв предоставляется на итоговое рассмотрение Генеральному прокурору либо работнику, уполномоченному Генеральным прокурором. Прокурорский ра-

¹ Постановление Коллегии прокуратуры о структуре отделов и распределении обязанностей и полномочий между отделами Генеральной прокуратуры 2020 года.

«Статья 8. Органы прокуратуры, указанные в статье 7, имеют следующие полномочия и обязанности:

<...>

б) Департамент юридических консультаций возглавляет директор, занимающий руководящую прокурорскую должность и несущий ответственность за выполнение следующих обязанностей:

(1) оказание юридических консультаций, включая осуществление проверок государственных контрактов или иных юридических документов, в том числе тендерных документов, заключаемых в Королевстве и за его пределами, для правительства и государственных органов;

(2) оказание юридических консультаций, включая осуществление проверок государственных контрактов или иных юридических документов, в том числе тендерных документов, заключаемых в Королевстве и за его пределами, для юридических лиц, не являющихся государственными органами, в установленном законом и Королевскими указами порядке;

(3) осуществление совместной деятельности с другими государственными органами или оказание им поддержки».

² Там же.

ботник, составляющий отзыв, имеет полную свободу в выражении своего мнения, в связи с чем существует возможность несовпадения отзывов ответственного работника и Генерального прокурора. Генеральный прокурор может предложить или указать направления проверки контракта, но не может оказывать давление на прокурорских работников и заставлять их придерживаться определенного мнения. В случае различного толкования законодательства и невозможности достижения консенсуса в рамках Департамента юридических консультаций заместитель Генерального прокурора либо Генеральный прокурор имеют право вынести данный вопрос на общее совещание от Департамента юридических консультаций в целях устранения разногласий и организации свободного диалога. Принятие решения осуществляется большинством голосов, и каждый прокурорский работник обладает равным правом на выражение своего мнения путем голосования. Прокурорские работники, не присутствовавшие на общем совещании, обязаны проголосовать письменно, после чего их голос будет учтен при подведении итогов голосования. Таким образом, у прокурорских работников существует возможность открытого выражения собственного независимого мнения. Все мнения прокурорских работников принимаются к сведению при вынесении окончательного решения и разрешении разногласий по различным вопросам. Свободное выражение собственного мнения — это та задача работы прокурорских работников, которая реализуется при проверке государственных контрактов уже на протяжении многих лет¹. Таким образом, очевидно постоянное применение принципов демократии в работе и деятельности прокурорских работников.

3.4. Принцип верховенства закона при проверке государственных контрактов

Выполнение работниками прокуратуры возложенных на них функций определяется статьей 3 раздела 2 Конституции Королевства Таиланд, которая также определяет, что органы прокуратуры наравне с Парламентом, Советом Министров, судебными органами, независимыми органами и другими государственными органами обязаны соблюдать положения Конституции и законодательных актов и руководствоваться принципом верховенства закона в целях соблюдения интересов нации и обеспечения благополучия населения.

Таким образом, при проверке государственных контрактов прокурорским работникам необходимо опираться на принцип верховенства закона, руководствуясь следующими постулатами:

1. При проверке государственного контракта необходимо убедиться в обладании государственным партнером необходимых полномочий для заключения контракта. Согласно принципу верховенства закона власть государства ограничена законами. Таким образом, прокурорские работники в ходе проведения процедуры проверки государственного контракта должны убедиться в том, что государственный орган, являющийся одной из сторон контракта, имеет право заключать данный контракт в соответствии с законодательством.

2. Процедура заключения контракта должна происходить законным образом. При заключении контракта сторона государственного партнера обязана действовать в соответствии с порядком, определенным законом, включая постановления министерств.

¹ В прошлом Департамент юридических консультаций созывал общие совещания прокурорских работников согласно внутреннему Регламенту Департамента о созыве генеральных совещаний 1982 года. В настоящее время порядок созыва определяется Регламентом о созыве генеральных совещаний 2009 года и дополнениями к нему.

3. Положения, содержащиеся в контракте, должны быть справедливыми по отношению к частному партнеру. Как правило, основной целью проверки государственного контракта органами прокуратуры является соблюдение интересов государственных органов и обеспечение получения ими выгоды. Задача органов прокуратуры — не допустить нанесения ущерба государственным органам, выступающим в качестве стороны контракта, и тем самым не допустить нанесения ущерба народу. Однако это не тождественно ущемлению прав частного партнера, поскольку в противном случае частный партнер не будет заинтересован в заключении контракта. Слишком строгие условия контрактов приводят к избыточным нарушениям контрактов частными партнерами, что, в свою очередь, ведет к чрезмерному удорожанию контракта и даже может привести к невозможности выполнения условий соглашения и итоговой реализации задуманного проекта. В конце концов, ущерб будет нанесен государственным органам, выступающим в качестве стороны договора, и народу, который будет лишен преимуществ от выполнения проектов.

3.5. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека при проверке государственных контрактов

Как было сказано выше, права человека являются основой демократии в современном мире. Конституция Королевства Таиланд защищает права человека путем применения различных стратегий, разработанных Правительством и Национальным комитетом по правам человека, согласно Конституции являющимся независимым органом.

Права человека являются важнейшей ценностью для Генеральной прокуратуры. Их соблюдение проверяется в ходе проверки государственных контрактов во избежание заключения государственными органами контракта, в котором усматриваются признаки нарушения прав человека. Существуют прецеденты. Так, один государственный орган направил на проверку в органы прокуратуры договор о предоставлении правительственной стипендии и направлении обучающихся на учебу за границу. В условиях договора был прописан запрет стипендиатам на вступление в брак, при нарушении которого следовало расторжение договора. Прокуратурой данное положение договора было исключено на основании того, что оно является несправедливым по отношению к обучающимся и противоречит положениям Всеобщей декларации прав человека.

3.6. Участие гражданского общества в проверке государственных контрактов

Участие граждан — важный признак демократии, который не ограничивается исключительно участием в процедурах голосования и выборах представителей в ходе демократических процессов. Участие граждан также подразумевает возможность выражения гражданами своего мнения и принятия прямого участия в принятии решений, непосредственно затрагивающих народные интересы. В ходе осуществления любых действий государства, совершение которых способно оказать влияние на жизнь и стабильность населения страны, необходимо предоставлять возможность гражданам для выражения своего мнения. Статья 58 раздела 5 Конституции Королевства Таиланд закрепляет за гражданами такое право¹. Помимо этого, суще-

¹ Конституция Королевства Таиланд.

«Статья 58. Лицо имеет право получать информацию, разъяснения и сведения от органов власти, правительственных учреждений, государственных предприятий или органов местного самоуправле-

ствует Постановление Канцелярии Премьер-министра об учете мнения населения 2005 года, в котором определены порядок и правила учета мнения населения, а также порядок участия населения в государственной деятельности. Постановление предписывает государственным органам, таким как центральные, местные, региональные органы власти, иным государственным органам, государственным предприятиям, реализующим проекты по экономическому или социальному развитию либо проекты, имеющие широкое общественное значение (экологические, здравоохранительные или любые другие проекты, непосредственно затрагивающие местное население), при этом не имеет значения, реализуется ли деятельность непосредственно государственными органами либо частными партнерами в рамках концессионных соглашений, в обязательном порядке доводить информацию до населения либо организовывать общественные слушания. В случае высокой общественной значимости реализуемого проекта организация общественных слушаний в каждой ситуации является обязанностью государственных органов. При необходимости составления отчета по оценке воздействия на окружающую среду (EIA) или отчета по оценке воздействия равенства и неравенства в отношении здоровья (ЕНИА) порядок действий определяется постановлением Министерства природных ресурсов и экологии, принятым в рамках Закона о защите окружающей среды 1992 года. При составлении отчета по оценке воздействия равенства и неравенства в отношении здоровья (ЕНИА) необходима организация общественных слушаний, на которые должны быть приглашены все заинтересованные лица и проживающее местное население для обеспечения возможности дальнейшего рассмотрения проекта и его законного статуса.

Что касается проектов государственно-частного партнерства, Закон о государственно-частном партнерстве 2019 года обязывает государственный орган, ответственный за реализацию того или иного проекта, в ходе представления проекта инвестирования представить в том числе отчет о возможных воздействиях проекта на окружающую среду на рассмотрение Комитета по политике государственно-частного партнерства. В данном отчете должны подробно освещаться возможные последствия реализации проекта, включая экологический аспект, оцениваться предполагаемые результаты воздействия проекта на окружающую среду, меры регулирования таких воздействий и расчеты затрачиваемых средств. При оценке воздействия проекта на окружающую среду должны учитываться как финансовые, так и нефинансовые аспекты, в том числе предполагаемые сроки реализации¹. Помимо этого, в процессе проведения конкурса, публикации конкурсных документов

ния до предоставления разрешения на осуществление какого-либо проекта или деятельности, которая может повлиять на состояние окружающей среды, здоровья и санитарных условий, качество жизни или любой иной материальный интерес, касающиеся непосредственно данного лица или местного сообщества.

Лицо имеет право представить свое мнение по таким вопросам соответствующим органам для рассмотрения.

Государство должно организовать всесторонние общественные консультации перед разработкой плана социального, экономического, политического и культурного развития, принудительным отчуждением недвижимого имущества, началом городского и сельского планирования, определением порядка использования земли и принятием постановлений, которые могут затронуть материальные интересы общества».

¹ Постановление Комитета по политике государственно-частного партнерства о требованиях к составлению отчета по оценке воздействия на окружающую среду и порядке его рассмотрения 2020 года.

«Статья 3. При представлении проекта на инвестиционный конкурс государственный орган, представляющий проект, должен представить отчет о нижеследующем:

<...>

для частных партнеров и передачи проекта соглашения о государственно-частном партнерстве для рассмотрения конкурсной комиссией для вынесения отзыва органу, ответственному за проект, необходимо организовать общественные слушания, по результатам которых учесть мнение частных партнеров при принятии дальнейших решений.

Очевидно, что Закон о государственно-частном партнерстве 2019 года обеспечивает частным партнерам возможность принимать участие в проекте с самых первых его этапов, получать наиболее полную информацию по каждому из аспектов реализуемого проекта и соизмерять его параметры со своими деловыми возможностями и потребностями населения, которое является непосредственным бенефициаром данных проектов.

Таким образом, проведение общественных слушаний является важным условием реализации государственных контрактов, определяемым законом и способным повлиять на претворение проекта в жизнь как на этапе создания макета проекта и определения источников финансирования, так и на этапе непосредственной реализации проекта. Слушания также могут оказать прямое влияние на законный статус проекта.

Если при проверке контракта выясняется, что условия реализации проекта предполагают проведение общественных слушаний, однако они еще не были проведены в должном объеме, Генеральная прокуратура вернет проект контракта для осуществления необходимых исправлений.

Генеральная прокуратура обладает целым рядом важных полномочий. Одно из них — соблюдение интересов государства путем оказания юридической консультативной помощи правительству и государственным органам и проведения проверок государственных контрактов, а также контрактов государственно-частного партнерства. В своей работе органы прокуратуры выполняют задачи по защите государственных интересов и недопущению причинения ущерба государству в ходе заключения государственного контракта. Конечная цель данной деятельности — защита интересов национального государства, а не удовлетворение интересов государственных органов, направляющих государственные контракты на проверку. При проведении процедуры проверки государственных контрактов органы прокуратуры ориентируются прежде всего на демократические ценности как они сформулированы в Конституции Королевства Таиланд, на базовые принципы верховенства закона, прав и свобод человека и участия гражданского общества. Помимо этого, принципы демократии, непосредственно применяемые в прокурорской работе, становятся частью культуры органов прокуратуры и способствуют реализации принципов надлежащего государственного управления (*good governance*), с тем чтобы проверка государственных контрактов органами прокуратуры, основанная на этих принципах, приносила бы максимальную пользу и была максимально эффективна для национального государства и благополучия его населения.

(4) Обоснование возможностей реализации проекта в различных направлениях, включающее в себя как минимум:

е) описание воздействия на окружающую среду, включающее в себя предполагаемые результаты воздействия на окружающую среду, меры регулирования таких воздействий и расчеты затрачиваемых средств с учетом как финансовых, так и нефинансовых аспектов, в том числе предполагаемых сроков реализации».

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН ПРИ ВОЗОБНОВЛЕНИИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Вероника Анатольевна АБАКАНОВА¹, Екатерина Геннадьевна ШАДРИНА²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

¹ 9119214974va@gmail.com

² kshadrina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются основания возобновления судебного следствия в контексте соблюдения принципа состязательности сторон. Констатируется отсутствие критериев новых обстоятельств и доказательств как оснований возобновления судебного следствия и единой правоприменительной практики, что порождает невозможность выполнения судом требования о всестороннем и объективном разрешении уголовного дела. Сформулированы требования к основаниям возобновления судебного следствия и рекомендации о выработке правовых позиций на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: недопустимость доказательств, последнее слово подсудимого, приговор, состязательность, судебное следствие, судебные прения

Для цитирования: Абаканова В. А., Шадрина Е. Г. Современные проблемы реализации принципа состязательности сторон при возобновлении судебного следствия // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 31 – 37.

Original article

CURRENT PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIALITY FOR THE PARTIES UPON RESUMPTION OF THE JUDICIAL INVESTIGATION

Veronika A. ABAKANOVA¹, Ekaterina G. SHADRINA²

^{1,2} Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

¹ 9119214974va@gmail.com

² kshadrina@yandex.ru

© Абаканова В. А., Шадрина Е. Г., 2023

Abstract. The article analyzes the grounds for resuming the judicial investigation in the context of observing the principle of adversariality for the parties. It is stated that there are no criteria of new facts and pieces of evidence as grounds for resuming the judicial investigation and uniform law enforcement practice, which makes it impossible for the court to be up to the requirement of a comprehensive and objective resolution of the criminal case. The requirements are formulated as to the grounds for the resumption of the judicial investigation and recommendations are made for the development of legal positions at the level of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: inadmissibility of evidence, final speech of the defendant, sentence, adversariality, judicial investigation, judicial pleadings

For citation: Abakanova V. A., Shadrina E. G. Current problems in the implementation of the principle of adversariality for the parties upon resumption of the judicial investigation. *Criminalist*. 2023;4(45):31-37. (In Russ.).

В науке уголовного процесса «состязательность» принято рассматривать с двух позиций: как историческую форму судопроизводства и как один из принципов уголовно-процессуального права [1, с. 9; 2, с. 23; 3, с. 8–39; 4, с. 62].

Ознакомившись с эволюцией состязательного типа уголовного процесса, можно прийти к выводу, что разные этапы развития общества и государства диктовали тот или иной тип судопроизводства. Традиционно состязательную форму судебного процесса принято соотносить с демократическими принципами, в той или иной мере присутствовавшими в определенный исторический период [5, с. 363–366]. Например, признаки состязательности сторон в уголовном судопроизводстве можно найти в древнерусских источниках права, таких как Русская Правда (1016 год), Псковская и Новгородская судные грамоты (1467 и 1471 годы) [6, с. 90]. Возвращение к состязательности в судопроизводстве наблюдается во второй половине XIX века (Судебная реформа 1864 года). И наконец, возрождение состязательности произошло в постсоветский период.

Результаты анализа развития состязательного типа уголовного процесса позволяют говорить о том, что данный тип уголовного процесса находится в прямой связи с существующими политическим режимом и правовой системой. Роль состязательности в судопроизводстве существенно сужалась при возрастании роли государства и необходимости централизации и укрепления государственной власти. И наоборот, исторически состязательный тип уголовного процесса вы-

теснял инквизиционный, когда повышалась значимость демократических принципов, а суд рассматривался как арбитр, «сдерживающий произвол исполнительной власти в отношении прав граждан» [7, с. 4].

Понятие состязательности вернулось в российское законодательство, науку и уголовную практику на рубеже XX–XXI веков [8, с. 222], но исследования в этой области проводились и в советское время. Как полагают В. А. Лазарева и А. А. Тарасов, в советский период развития нашего государства идеи о состязательности в уголовном процессе воплощали мечту о новом, «качественно другом уголовном процессе» [2].

Проблемы судопроизводства и состязательности в уголовном процессе являются и сейчас объектом исследования многих ученых-правоведов. Среди российских ученых, в чью сферу научных интересов входила и входит данная проблематика, можно назвать В. В. Вандышева, В. Г. Даева, А. П. Дербенева, В. А. Лазареву, П. А. Лупинскую, А. В. Смирнова, М. С. Строговича, А. А. Тарасова, А. Б. Чичканова, С. Д. Шестакову, М. Л. Якуба и др.

Понимание состязательности в качестве принципа уголовного процесса тоже имеет свою историю.

Современное содержание состязательности в уголовном процессе определили два судебных решения. Так, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в судебном заседании по уголовному делу в отношении Я. Г. И. и других впервые в практике российского судопроизводства отметила, что стороны обвинения и защиты равны и самостоятельны при сборе доказательств,

а суд не принимает на себя функции обвинения¹.

Вторым значимым решением явилось Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года № 19-П, в котором предложено следующее понимание принципа состязательности: «Этот конституционный принцип предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция правосудия (разрешения дела) осуществляется только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя их процессуальные (целевые) функции. В уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функций суда по рассмотрению и разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса»².

Подчеркивая системный характер принципа состязательности, законодатель закрепил его в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 123). В 2001 году принцип состязательности был введен в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Реализация принципа состязательности предполагает прежде всего обеспечение защиты прав участников уголовного процесса и справедливость правосудия. При этом одним из главных условий его действия выступает равенство сторон в правах. Однако процессуальное равноправие сторон не есть фактическое равенство процессуального статуса разных участников судопроизводства. Ведь у каждого из них свои задачи и цели. Принцип состязательности предполагает лишь использование сторонами процесса равных процессуальных средств и возмож-

ностей при доказывании, самостоятельность в принятии решений, независимость в выборе способов сбора доказательств [5, с. 365; 9, с. 18; 10, с. 43].

Несмотря на разработанность научного понятия состязательности в уголовном процессе и его законодательное закрепление на конституционном уровне и в иных законодательных актах, можно констатировать, что становление принципа состязательности еще не завершено. До сих пор имеются проблемы в правоприменительной практике. Так, анализ судебной практики показывает, что возобновление судебного следствия (ст. 294 УПК РФ) достаточно часто становится предметом апелляционного и кассационного обжалования. В одних случаях сторона защиты обвиняет суд в том, что, несмотря на доводы о необходимости исследования новых обстоятельств, сообщенных суду подсудимым, суд отказывает в возобновлении судебного следствия³; в других — в нарушении принципа состязательности при принятии решения о его возобновлении⁴.

В соответствии со ст. 294 УПК РФ, если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие. Из буквального прочтения положений данной статьи следует, что исключительное право возобновления судебного следствия принадлежит суду. Возобновление судебного следствия суд осуществляет или по собственной инициативе, или по заявлению сторон. Поводом же к возобновлению судебного следствия

¹ Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 1993 г. // Российская юстиция. 1993. № 24. С. 7.

² По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. по делу № 31-УД20-15сп-А4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 апреля 2021 г. № 77-735/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

⁴ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2022 г. № 48-УД22-34-А2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2020 г. по делу № 16-УД20-15-А3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

должны стать новые обстоятельства или новые доказательства, которые имеют значение для уголовного дела.

В науке уголовного процесса норма ст. 294 УПК РФ, регламентирующая процессуальную форму возобновления судебного следствия, не подвергается отдельному научному исследованию. Краткий анализ института возобновления судебного следствия проводится учеными в рамках исследования стадии судебного разбирательства. Наличие же абсолютно противоречивой судебной практики по применению положений ст. 294 УПК РФ свидетельствует о значимости данного института при оценке соблюдения принципа состязательности.

Что следует понимать под «новыми обстоятельствами» или «новыми доказательствами» как основанием возобновления судебного следствия?

Статья 294 УПК РФ неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционным судом Российской Федерации; в каждом случае заявители ссылались на ее несоответствие ст. 118 и 123 Конституции Российской Федерации, поскольку данная норма позволяет «суду в связи с необходимостью уточнения ряда обстоятельств и устранения имеющихся в деле противоречий, которые не могут быть истолкованы в пользу обвиняемого, возобновить судебное следствие по собственной инициативе после удаления в совещательную комнату для постановления приговора»¹. Формулируя правовую позицию по данному вопросу, Конституционный Суд Российской Федерации указал: возобновление судебного следствия возможно только при получении сведений «о новых, имеющих существенное значение для разрешения данного дела, обстоятельствах, и именно они должны быть исследованы с соблюдением всех гарантий, предоставляемых уголовно-процессуальным законом, на основе состязательности и равноправия сторон. Иное служило бы препятствием для выполнения судом требования

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишовского Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 1350-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о всестороннем и объективном разрешении уголовного дела»².

В науке уголовного процесса можно встретить достаточно скудные комментарии по данному вопросу. Так, Л. А. Воскобитова в качестве основания возобновления судебного следствия указывает на «обнаружение или предоставление сторонами новых доказательств, свидетельствующих о виновности или невинности подсудимого» [11, с. 524]. Б. Т. Безлепкин обращает внимание на «конкретные фактические данные, которые могли бы служить доказательствами по делу, однако не были исследованы в судебном заседании» [12, с. 283]. В. М. Лебедев под новыми обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела, предлагает понимать «обстоятельства, подлежащие доказыванию, определенные в ст. 73 УПК, по вопросам, которые указаны в ст. 299 УПК, при постановлении приговора» [13, с. 363].

По нашему мнению, новые обстоятельства и новые доказательства, являющиеся основанием для возобновления судебного следствия, должны быть направлены на установление обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу, а не на исправление ошибок предварительного расследования; данные обстоятельства и доказательства должны быть «новыми», ранее не подлежавшими исследованию в судебном следствии; такие доказательства могут как содержаться в материалах уголовного дела, так и впервые представляться суду. Следует согласиться с А. О. Машовец в том, что суд не должен инициировать действия, направленные на восполнение доказательственной базы обвинения, на собирание до-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 2873-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2021 года № 1350-О, от 28 июня 2018 года № 1469-О, от 26 марта 2020 года № 769-О.

казательств, дополнительно изобличающих подсудимого в совершении преступления. В то же время суд уполномочен принимать законные меры для восполнения пробелов досудебного производства по делу в пользу стороны защиты» [14, с. 21].

Однако суды нередко занимают иную позицию. Так, по уголовному делу по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, в ходе судебных прений сторона защиты обратила внимание суда на ряд доказательств, представленных и исследованных стороной обвинения в порядке ст. 285 УПК РФ, которые получены с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, и просила дать им оценку при постановлении приговора. В частности, сторона защиты указывала на следующие нарушения при составлении протоколов следственных действий: «На 1 листе протокола осмотра места происшествия содержится указание на 3 даты его составления – 20.06.2018, затем „20“ исправлено на „30“, ниже имеется дата 01.07.2018. Согласно буквальному толкованию написанного в протоколе можно сделать вывод, что осмотр места происшествия продолжался на протяжении 20 дней с участием специалиста в области криминалистики, специалиста в области судебной медицины, следователя-криминалиста и заместителя руководителя следственного отдела; на 1 листе протокола обыска указано, что при данном следственном действии участвуют два понятых, однако на л.д. 6 подписи понятых отсутствуют; на 1 листе протокола проверки показаний на месте указана дата составления 03 июня 2018, впоследствии ручкой исправлена на 03 „июля“ 2018; исправление удостоверено только подписью следователя, несмотря на то, что при данном следственном действии принимало участие еще 6 человек»¹.

После прений сторон суд по собственной инициативе предложил на обсуждение вопрос о возобновлении судебного следствия, мотивируя свое решение тем, что ранее в ходе судебного следствия сторона защиты о

данных обстоятельствах не высказывалась. Сторона обвинения поддержала инициативу суда относительно возобновления судебного следствия и попросила отложить судебное заседание для подготовки позиции по заявленному стороной защиты ходатайству об исключении доказательств. Сторона защиты возражала против возобновления судебного следствия, ссылаясь на то, что ходатайства на этапе судебных прений не заявляются; доказательства были представлены и исследованы стороной обвинения в порядке ст. 285 УПК РФ в судебном следствии; сторона обвинения не была лишена возможности предпринять меры для устранения нарушений, допущенных при составлении протоколов следственных действий. Тем не менее суд, несмотря на то что стороной защиты не было заявлено ни о новых обстоятельствах, ни о новых доказательствах, как предписывает ст. 294 УПК РФ, возобновил судебное следствие, отложил судебное разбирательство и предоставил государственному обвинителю время для представления суду дополнительных доказательств, подтверждающих правильность составления протоколов следственных действий.

Аналогичную позицию занял суд в другом деле, где сторона защиты в ходе судебных прений поставила под сомнение законность возбуждения уголовного дела, указав на тот факт, что согласно представленным государственным обвинителем доказательствам рапорт об обнаружении признаков преступления составлен днем позднее, чем зарегистрирован в КУСП. Суд также возобновил судебное следствие и, несмотря на возражения стороны защиты, предоставил государственному обвинителю время для представления доказательств законности регистрации рапорта².

По нашему мнению, в приведенных примерах суд нарушил требования ст. 118 и 123 Конституции Российской Федерации и ст. 15, 294 УПК РФ. Предметом оценки стороной защиты в судебных прениях стали протоколы следственных и иных процессуальных действий, которые были представлены и исследованы стороной обвинения в

¹ Уголовное дело № 1-367/2022 в отношении К. // Архив Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга, 2022.

² Уголовное дело № 1-12/2023 в отношении Н. и С. // Архив Ломоносовского районного суда Ленинградской области, 2023.

порядке ст. 285 УПК РФ в том виде, в каком они имеются в материалах уголовного дела. Сторона обвинения должна оценить доказательства в части относимости, допустимости и достоверности, после выполнения данных требований закона — представить их суду. Поэтому принятие судом решения о возобновлении судебного следствия с целью исправления ошибок, на которые указала сторона защиты, в условиях состязательного судебного разбирательства следует рассматривать как нарушение принципа состязательности. Доводы стороны защиты относительно допустимости доказательств, представленных стороной обвинения, могут быть оценены судом при постановлении приговора в соответствии с положениями п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре».

Так, по делу Е. суд оценил доводы защиты, высказанные в судебных прениях, и в приговоре в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указал на то, что представленные стороной обвинения в соответствии с ч. 3 ст. 281 УПК РФ в качестве доказательств показания свидетелей З., Ф., З. являются недопустимыми доказательствами, и исключил из объема обвинения. Суд признал, что органом следствия существенно нарушены требования ст. 56, 166, 168, ч. 8 ст. 164, ч. 4 ст. 166 УПК РФ при собирании доказательств (показаний названных свидетелей) и закреплении их на досудебной стадии производства по делу. Защитник в судебных прениях заявил, что показания свидетеля А. скопированы с помощью технических средств в протоколы допросов свидетелей З., Ф., З. Суд при оценке доводов защиты указал: «Принимая во внимание гендерные различия указанных свидетелей, их неидентичность в возрасте, уровне образования, интеллектуальных способностях, в том числе возможностях памяти, их различный жизненный опыт, словарный запас, различное влияние на них алкоголя, суд пришел к убеждению, что четыре разных свидетеля не могли дать дословно идентичные показания об исследуемом событии»¹. Приведенный пример оценки допустимости доказательств при постановле-

нии приговора является не единственным в судебной практике.

Следует согласиться с А. А. Кухта в том, что «судебный процесс у нас по-прежнему остается придатком предварительного расследования, его продолжением. Поэтому суды и зависимы в своих решениях от решений следователя. Судьи паразитируют на материалах предварительного расследования, у многих из них нет ни желания, ни умения проводить судебное следствие» [15, с. 218]. Судебное следствие есть проверка доказательственного материала, полученного сторонами. Собираение доказательств в ходе предварительного расследования осуществляется стороной обвинения и не соответствует состязательной формуле «доказывание — спор» с участием двух противоборствующих сторон. «В отсутствие реального оппонента в лице защиты и суда, который обеспечил бы режим состязательности при проверке и оценке доказательств, следователь, дознаватель расследует дело и тем самым производит для судебного разбирательства готовый факт в форме следственного протокола или иного процессуального документа» [16, с. 117]. Вследствие чего результаты расследования имеют лишь предварительный досудебный характер и должны представляться сторонами с учетом требований, предъявляемых ст. 88 УПК РФ к оценке доказательств. Каждая из сторон формирует доказательственную базу для своих тезисов и одновременно подвергает проверке, исследует доказательства своего оппонента, чтобы опровергнуть его утверждения. Причем если защитник может занять пассивную позицию при доказывании и не представлять оправдательные доказательства, то обвинитель обязан быть активным в получении и представлении обвинительных доказательств [17, с. 208]. В свете сказанного следует упомянуть о важности соблюдения государственным обвинителем требований п. 3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» о заблаговременной подготовке к судебному заседанию и продумывании тактики действий.

В целях выполнения судом требования о всестороннем и объективном разрешении уголовного дела в условиях состязательно-

¹ Уголовное дело № 1-90/2019 в отношении Е. // Архив Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга, 2019.

сти сторон представляется необходимым на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации сформулировать правовые позиции относительно требований, предъявляемых к новым обстоятельствам и доказательствам как основаниям возобновления судебного следствия в порядке ст. 294 УПК РФ.

Список источников

1. Баранов А. М. Состязательность в уголовном процессе. Омск : Омская акад. МВД России, 1998. 35 с.
2. Памятники российского права. В 35 т. Т. 29. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР / под общ. ред. В. А. Лазаревой, Р. Л. Хачатурова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 605 с.
3. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. 219 с.
4. Мотовиловер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса : учеб. пособие. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1978. 96 с.
5. Алаева Т. Г. Реализация принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 363 – 366.
6. Славгородская Я. В. Становление и развитие принципа состязательности сторон в российском уголовном процессе с древних времен до наших дней // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 2 (51). С. 89 – 93.
7. Барабаш А. Л. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Барабаш Александр Сергеевич. Екатеринбург, 2012. 26 с.
8. Петракова С. А. Эволюция состязательности (на примере уголовного процесса) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 2 (46). С. 222 – 228.
9. Карякин Е. А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики). Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2005. 52 с.
10. Виницкий Л. В. Уравнять права сторон в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 43 – 44.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Гл. 33 – 56 : постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович [и др.] ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. Москва : Ред. «Российской газеты», 2015. 799 с. (Кодексы Российской Федерации ; вып. 5 – 6).
12. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2023. 656 с.
13. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / В. Н. Бобров, В. П. Божьев, С. В. Бородин [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. 851 с. (Профессиональные комментарии).
14. Машовец А. О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Машовец Асия Океановна. Екатеринбург, 2018. 42 с.
15. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... д-ра юрид. наук / Кухта Андрей Андреевич. Нижний Новгород, 2010. 660 с.
16. Машовец А. О. К вопросу о необходимости разработки новой модели состязательного судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10 – 11 июня 2015 года) / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015. С. 115 – 121.
17. Гришин С. П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). Москва : Юрлитинформ, 2008. 467, [3] с. (Библиотека криминалиста).

Информация об авторах

В. А. Абаканова – доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Г. Шадрина – доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Abakanova – Associate Professor of the Department of criminal procedure of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

E. G. Shadrina – Associate Professor of the Department of criminal procedure of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ
О ДЕЙСТВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ
УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ
(ст. 207.3 УК РФ)

Наталья Алексеевна ДАНИЛОВА¹, Алексей Андреевич КУЛЬПИН²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ bobteyl@mail.ru

² alex.kulp@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечается необходимость повышения эффективности противодействия публичному распространению под видом достоверной заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных органов, добровольческих формирований, организаций, а также граждан в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины. Авторами на основе результатов изучения судебной практики сформулирована система обстоятельств, подлежащих установлению в ходе расследования этого преступления.

Ключевые слова: публичное распространение, заведомо ложная информация, специальная военная операция, территория Украины

Для цитирования: Данилова Н. А., Кульпин А. А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 38 – 45.

Original article

CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED IN THE COURSE OF AN INVESTIGATION INTO
THE PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION ABOUT THE
ACTIONS OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER
PARTICIPANTS IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE TERRITORY OF
UKRAINE (ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Natalia A. DANILOVA¹, Alexey A. KULPIN²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

¹ bobteyl@mail.ru

² alex.kulp@yandex.ru

Abstract. The article notes the need to increase the effectiveness of counteracting public dissemination knowingly false information under the guise of reliable one about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation, state bodies, volunteer formations, organizations, as well as individuals, during the special military operation on the territory of Ukraine. Drawing on the results of the study of judicial and investigative practice, the authors formulated a system of facts to be established during the investigation of this crime.

© Данилова Н. А., Кульпин А. А., 2023

Keywords: public dissemination of knowingly false information under the guise of reliable ones, special military operation on the territory of Ukraine, facts to be established

For citation: Danilova N. A., Kulpin A. A. Circumstances to be established in the course of an investigation into the public dissemination of knowingly false information about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation and other participants in the special military operation on the territory of Ukraine (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminalist*. 2023;4(45):38-45. (In Russ.).

Трудно оспорить важность противодействия публичному распространению заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных органов, добровольческих формирований, организаций, а также граждан в ходе проведения специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО). В условиях лавинообразного потока информации дискредитирующего характера (обвинений в убийствах мирных граждан, массированных обстрелах населенных пунктов, уничтожении либо повреждении жизненно важных объектов инфраструктуры, жестоком обращении с военнопленными, мародерстве и др.) перед государством встала задача правовой защиты участников СВО.

Одним из наиболее оптимальных решений этой задачи явилось дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) статьей 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации».

Указанные обстоятельства явились своеобразным стимулом для оперативного формирования практики противодействия распространению недостоверной информации деструктивного характера об участниках СВО и их действиях на территории Украины, о чем свидетельствуют официальные статистические данные, согласно которым с начала спецоперации возбуждено 180 уго-

ловных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ¹.

Вместе с тем результаты изучения правоприменительной практики дают основание для вывода о существенных проблемах, возникающих в ходе расследования данного преступления. Причиной сложившейся ситуации явилась как относительная новизна ст. 207.3 УК РФ, так и недостаточная разработанность научно обоснованных рекомендаций по расследованию этого противоправного деяния.

Изложенное со всей очевидностью свидетельствует о несомненной целесообразности разработки системы обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании публичного распространения заведомо ложной информации, ответственность за которое предусмотрена ст. 207.3 УК РФ.

Руководствуясь результатами изучения судебно-следственной практики, полагаем, что система подлежащих установлению обстоятельств может быть представлена следующим образом:

1. Факт публичного распространения под видом достоверной заведомо ложной информации², указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ.

¹ С начала спецоперации в РФ возбудили 180 дел о дискредитации армии // *Pravo.ru* : сайт. URL: <https://pravo.ru/news/244599/>. Дата публикации: 22 декабря 2022 г. (дата обращения: 08.06.2023).

² В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления; распространение информации – действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц.

1.1. Информация о чьей деятельности публично распространена под видом достоверной:

Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе конкретного подразделения (подразделений), принимающего (принимающих) участие в СВО;

государственного органа Российской Федерации, деятельность которого имеет непосредственное отношение к СВО (в частности, Росгвардии);

добровольческого формирования, принимающего участие в СВО;

военной либо иной организации, участвующей в СВО;

конкретного военнослужащего (военнослужащих), иного физического лица – участника (участников) СВО, оказывающего (оказывающих) содействие Вооруженным Силам Российской Федерации в выполнении возложенных на них задач.

1.2. Каково содержание указанной информации:

о целях проведения СВО (например, что она проводится с целью захвата территории Украины, лишения ее независимости, изменения политического и общественного строя);

характере боевых действий на территории Украины (например, что они носят фашистский характер);

гибели, в том числе массовой, мирного населения в результате проведения СВО;

актах насилия в отношении мирного населения Украины, совершенных конкретными подразделениями Вооруженных Сил Российской Федерации (военнослужащими, иными участниками СВО);

числе жертв среди российских граждан в результате действий Вооруженных сил Украины;

числе взятых в плен российских солдат в результате действий Вооруженных сил Украины;

количестве уничтоженной и поврежденной российской военной техники;

«победоносных» действиях Вооруженных сил Украины и (или) «провале» СВО Вооруженными Силами Российской Федерации

как в целом, так и в ходе конкретных боевых действий (операции);

иное.

1.3. В чем выражается заведомая ложность информации:

была ли размещена (опубликована) официальная информация о событии (событиях), связанном (связанных) с проведением СВО (например, об участии конкретного подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации в той или иной боевой операции); источник этой информации и ее содержание;

предшествовало ли публичное распространение заведомо ложной информации о событии (событиях), связанном (связанных) с проведением СВО (например, о результатах конкретной боевой операции), размещению (опубликованию) официальной информации об этом же событии. Если нет, то каков временной интервал между размещением (опубликованием) официальной информации и распространением заведомо ложной информации.

Так, уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, было возбуждено после размещения в сети «Интернет» на одном из городских форумов Нижнего Новгорода видеоролика о событиях в городе Буча (апрель 2022 года). Предварительным расследованием установлено, что видеоролик был размещен до официального опровержения Министерством обороны Российской Федерации информации о событиях, произошедших в городах Ирпень и Буча. Указанное обстоятельство, а также отсутствие у подозреваемого умысла на распространение фейков о действиях российской армии на территории Украины явилось основанием для прекращения уголовного дела¹;

в чем конкретно выражается несоответствие официальной и заведомо ложной информации о событии (событиях), связанном (связанных) с проведением СВО.

¹ В России впервые прекратили дело о фейках о действиях армии // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20221027/feyki-1827242649.html>. Дата публикации: 27 октября 2022 г. (дата обращения: 08.06.2023).

1.4. В чем выражается публичность распространения заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ, о событии (событиях), связанном (связанных) с проведением СВО.

Результаты изучения судебной практики свидетельствуют о том, что при определении понятия «публичность» правоприменители руководствуются разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозициях ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, следует признавать публичным, если эта информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)¹.

Таким образом, для того чтобы определить, является ли распространение указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ информации публичным, необходимо установить:

кому была адресована заведомо ложная информация: группе, состоящей из двух и более человек, или неограниченному кругу лиц;

в какой форме она была выражена: устной (например, в ходе выступления, беседы), письменной (например, путем ее опубликования в средствах массовой информации, листовках), с использованием технических средств (например, посредством размещения в сети «Интернет»).

2. Способ распространения заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ.

2.1. Каким образом распространялась заведомо ложная информация, указанная в диспозиции ст. 207.3 УК РФ:

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в ходе публичного выступления на заседании, собрании, конференции, митинге, форуме, демонстрации;

путем обращения к группе людей в общественном месте (например, на площади, в транспорте);

путем вывешивания плакатов, транспарантов в общественных местах (например, на улице, здании);

путем публикации материалов аудиовизуального формата, содержащих заведомо ложную информацию, посредством видеохостинговых сервисов (например, YouTube).

Так, Я. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. Зная, что опубликованные в украинских средствах массовой информации фото- и видеоматериалы о совершении российскими военнослужащими актов насилия в отношении мирного населения города Бучи являются ложными (фейком), Я. диссеминировал эту информацию во время прямой трансляции на платформе YouTube²;

путем публикации записей (постов) в мессенджерах через аккаунты конкретных пользователей в сети «Интернет».

Так, Н., проживая за пределами Российской Федерации, разместил на персональном аккаунте в социальной сети заведомо ложную информацию о намеренном обстреле российскими военнослужащими родильного дома в Мариуполе и убийстве мирных жителей в Буче³;

путем публикации комментариев (в виде текстового или аудиовизуального формата через аккаунты конкретных пользователей) к записям в социальных сетях, содержащим заведомо ложную информацию.

Так, С. вменялось публичное распространение заведомо ложной информации, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, совершенное в сети «Интернет». В частности, С. были опубликованы две записи в социальной сети «ВКонтакте», заведомая недостоверность которых заключалась в сообщении о

² Уголовное дело № 01-1300/2022 (2022 г.) // Архив Мещанского районного суда г. Москвы.

³ Уголовное дело № 01-0001/2023 (2023 г.) // Архив Басманного районного суда г. Москвы.

бомбардировке детей российскими воздушно-космическими войсками и комментариях, оставленных под изображением Мариупольского драматического театра¹;

с использованием автоматизированных систем, таких, например, как бот-фермы²;

с использованием телефонных коммуникаций:

а) в ходе телефонных переговоров.

Так, В. (в отношении которого проводились оперативно-разыскные мероприятия) в марте 2022 года в ходе телефонных переговоров с друзьями и коллегами, неоднократно обсуждая ситуацию на Украине, осуждал действия Вооруженных Сил Российской Федерации³;

б) путем рассылки сообщений абонентам мобильной связи;

в ходе беседы с группой граждан (например, с соседями по дому, коллегами, друзьями, попутчиками в транспорте);

путем публикации в средствах массовой информации;

путем распространения листовок (например, содержащих призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в СВО, недостоверную информацию деструктивного характера в отношении участников СВО).

Так, С. заменяла ценники на товарах в супермаркете на мини-листовки, содержащие заведомо ложную информацию о жертвах боевых действий на Украине⁴;

иными способами.

2.2. Способы подготовки к публичному распространению заведомо ложной инфор-

мации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ:

подбор материалов дестабилизирующего характера (например, в сети «Интернет»), написание текста выступления либо публикации;

поиск в сети «Интернет» фото- и видеоматериалов, постов, содержание которых искажает действия Вооруженных Сил Российской Федерации, иных участников СВО;

подбор, переоборудование и оснащение различных помещений (гаражей, жилых, производственных, подвальных и других помещений, строений, дачных домов и т. п.), в которых планируется изготовление листовок, плакатов, транспарантов и т. п.;

приобретение и подготовка необходимого оборудования, материалов для изготовления (печати) листовок, плакатов, транспарантов и т. п.;

определение объектов (улиц, зданий, магазинов, иных общественных мест), на которых предполагается размещение заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ;

иные способы.

3. Субъект публичного распространения заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ, его виновность и форма вины, мотив и цель противоправного деяния, обстоятельства, влияющие на характер и степень виновности лица.

3.1. Характеристика субъекта публичного распространения заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ: фамилия, имя, отчество, гражданство, место жительства и регистрации, возраст, образование, место работы (учебы), семейное положение, материальное положение, данные, характеризующие лицо по месту проживания (регистрации), месту работы или учебы.

3.2. Состояние здоровья и психики лица, распространившего заведомо ложную информацию: наличие (отсутствие) психических расстройств, не исключающих вменяемость (посттравматическая и иная психопатизация, расстройства личности (психопатии), посттравматическое стрессовое расстройство, начальные стадии це-

¹ Уголовное дело № 01-0105/2023 (2023 г.) // Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы.

² Бот-фермы – компьютерные системы, эмулирующие работу большого количества устройств с отдельными каналами подключения к сети «Интернет». Подробнее об этом см.: Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 87 – 99.

³ Уголовное дело № 01-0042/2023 (2023 г.) // Архив Перовского районного суда г. Москвы.

⁴ Уголовное дело № 1-82/2023 (2023 г.) // Архив Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга.

реброваскулярной (сосудистой) энцефалопатии, легкие формы интеллектуального снижения, неврозы, соматогенные невротические синдромы и др.)¹.

3.3. Наличие (отсутствие) склонности к употреблению спиртных напитков, наркотических средств, в том числе во время совершения преступления.

3.4. Факты привлечения к административной и (или) уголовной ответственности, наличие (отсутствие) судимости и назначенное наказание (наказания).

3.5. Действовало ли лицо в составе группы лиц по предварительному сговору: состав группы; договаривались ли заранее члены группы о совместном совершении преступления; какова роль и степень участия в подготовке и совершении преступления каждого из них.

3.6. Действовало ли лицо в составе организованной преступной группы: характеризуется ли группа устойчивостью; какова степень ее организованности; кем и каким образом определялись роль и степень участия в совершении преступления каждого из членов группы; каков характер взаимоотношений между участниками группы; кто являлся организатором и руководителем группы; создана группа для совершения одного или нескольких преступлений, каких именно.

Так, Х. в составе организованной группы приобрел мобильные телефоны и SIM-карты. Настроив соответствующее программное обеспечение, предназначенное для дистанционного контроля над этими мобильными телефонами и проведения масштабной рассылки информационных сообщений, Х. разместил их в одном из торговых центров Москвы, тем самым создал «бот-ферму».

В результате были созданы условия для дистанционного контроля над указанными телефонными аппаратами. После их продажи в торговом центре неустановленные члены группы осуществляли масштабную

¹ Подробнее об этом см.: Рыжова О. А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. 2016. Т. 4, № 1 (13). URL: <https://esj.pnzgu.ru/> (дата обращения: 08.06.2023).

рассылку абонентам российских мобильных операторов сотовой связи текстовых сообщений, содержащих заведомо недостоверные данные, в частности о совершении российскими военными преступлений в отношении мирного населения Украины, а также о дополнении численности Вооруженных Сил Российской Федерации резервистами, призывниками, наемниками и учащимися².

3.7. Осознавало ли лицо, что публично распространяет заведомо ложную информацию, указанную в диспозиции ст. 207.3 УК РФ, желало ли достижения преступного результата, осознавало ли общественную опасность своих действий. Если не осознавало, то чем объясняет содеянное.

3.8. Каким мотивом руководствовалось лицо, публично распространившее заведомо ложную информацию, указанную в диспозиции ст. 207.3 УК РФ:

в чем конкретно выразилась корыстная заинтересованность: в стремлении получить денежное вознаграждение, услуги имущественного характера и (или) избежать материальных затрат для себя или других лиц за разовое или систематическое распространение заведомо ложной информации;

в чем конкретно выразилась иная личная заинтересованность: совершение действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной либо религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, к военнослужащим, иным участникам СВО).

3.9. Какую цель преследовало лицо, публично распространившее заведомо ложную информацию, указанную в диспозиции ст. 207.3 УК РФ:

² Головинский районный суд города Москвы 16 мая 2023 года вынес приговор в отношении Хиральдо Сарай Альберто Энрике, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «г» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ // Московский городской суд : офиц. сайт. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/news/golovinskij-rajonnyj-sud-goroda-moskvy-16-maya-2023-godavynes-prigovor-v-otnoshenii-hiraldo-saraj-albertoenrike-obvinyaemogo-v-sovshhenii-prestupleniya-predusmotrennogo-p-b-g-ch2st-2073-uk-rf>. Дата публикации: 16 мая 2023 г. (дата обращения: 14.06.2023).

компрометация Вооруженных Сил Российской Федерации, иных участников СВО;
дестабилизация деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, иных участников СВО;

введение в заблуждение российских граждан относительно законности СВО, действий Вооруженных Сил Российской Федерации, иных участников спецоперации на Украине;

формирование иллюзии противоправности действий Вооруженных Сил Российской Федерации, иных участников СВО, нарушения ими норм международного права;

порождение у российских граждан недоверия к органам государственной власти, чувства тревоги, опасения за свою жизнь, жизнь близких и родственников;

провоцирование российских граждан на противоправные действия;

иное.

3.10. Имеется ли алиби у лица, публично распространившего заведомо ложную информацию, указанную в диспозиции ст. 207.3 УК РФ.

3.11. Имеются ли факты, свидетельствующие о том, что это лицо ранее распространяло информацию деструктивного характера о спецоперации на Украине и (или) ее участниках (однако такое распространение не подпадало под действие ст. 207.3 УК РФ, например в силу того, что не являлось публичным). Если да, то при каких обстоятельствах, когда, где, кому.

3.12. Каковы обстоятельства возникновения умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ.

3.13. Имеются ли обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания, смягчающие и отягчающие наказание.

4. Место и время.

4.1. Осуществления действий по подготовке к публичному распространению (сообщению, размещению) заведомо ложной информации.

Так, Г. в неустановленное время, но не позднее 15 марта 2022 года подготовил заведомо ложную информацию о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации

на Украине, которую публично распространил в ходе заседания Совета депутатов московского муниципального округа Красносельский¹.

4.2. Публичного распространения заведомо ложной информации.

Следует отметить, что при расследовании анализируемого преступления, совершенного с использованием сети «Интернет», определение места совершения преступления достаточно проблематично. Специфика последнего заключается в том, что преступление совершается в виртуальном (Интернет) пространстве, с множественностью мест в реальном мире. При этом, как верно отмечает Е. Б. Серова, при расследовании преступлений, совершенных с использованием высоких технологий, необходимо учитывать особенности образования цифровых следов (правовая природа которых до настоящего времени не определена), поскольку в пространственном отношении они могут быть значительно удалены друг от друга [1, с. 386].

В этой связи следует согласиться с мнением Д. В. Завьяловой, что в преступлениях, связанных с компьютерной информацией, место преступления, равно как и место наступления последствий, носит двойственный характер — они существуют в реальном и виртуальном мире [2, с. 136].

Так, Б., постоянно проживая в Монако, с использованием сети «Интернет» разместила на персональном аккаунте в социальной сети Instagram² заведомо ложную информацию о намеренном обстреле российскими военнослужащими родильного дома в Мариуполе и убийстве мирного населения в Буче³.

В приведенном примере местом совершения преступления являются: месторасположение технического устройства, с помощью которого Б. распространила заведомо ложную информацию на территории Монако;

¹ Уголовное дело № 1-710/2022 (2022 г.) // Архив Мещанского районного суда г. Москвы.

² Запрещенная в Российской Федерации социальная сеть.

³ Уголовное дело № 01-0152/2023 (2023 г.) // Архив Басманного районного суда г. Москвы.

виртуальное пространство в сети «Интернет», а именно аккаунт Б. в социальной сети, на котором были размещены фотографии и текст с заведомо ложной информацией.

4.3. Официального опубликования Министерством обороны Российской Федерации (другими уполномоченными органами государственной власти) сведений о событиях, произошедших в ходе СВО, в отношении которых информация искажена.

4.4. Фактического получения для себя или других лиц выгоды имущественного характера.

4.5. Наступления тяжких последствий (например, причинения участникам митинга вреда здоровью, прекращения работы транспорта, иных жизненно важных объектов инфраструктуры).

Приведенный перечень обстоятельств, подлежащих установлению, не является исчерпывающим. В зависимости от способа совершения преступления и складывающейся в процессе расследования следственной ситуации может возникнуть необходимость установления иных обстоятельств.

Список источников

1. Серова Е. Б. Некоторые проблемы доказывания по делам о преступлениях, совершенных с использованием высоких технологий // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения) : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 января 2021 г.) / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. : В. В. Меркурьев, П. В. Агапов. Москва : УП РФ, 2021. С. 385–389.

2. Завьялова Д. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: отечественный и зарубежный опыт : специальность 12.00.12 «Финансовое право; бюджетное право; налоговое право; банковское право; валютно-правовое регулирование; правовое регулирование выпуска и обращения ценных бумаг; правовые основы аудиторской деятельности» : дис. ... канд. юрид. наук / Завьялова Дарья Владимировна. Москва, 2022. 242 с.

Информация об авторах

Н. А. Данилова – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

А. А. Кульпин – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

N. A. Danilova – Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

A. A. Kulpin – Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Владимировна ЕЛАГИНА¹, Татьяна Геннадьевна НИКОЛАЕВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ yelagina@bk.ru

² niko.t@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается полисемичный термин «язык» в контексте реализации одного из принципов уголовного судопроизводства. Авторы проанализировали ряд проблем, связанных с использованием языка судо- и делопроизводства в уголовном процессе Российской Федерации, акцентируя внимание на значении соблюдения закрепленного в ст. 18 УПК РФ принципа языка уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, язык уголовного судопроизводства, права участников уголовного процесса

Для цитирования: Елагина Е. В., Николаева Т. Г. Некоторые вопросы, возникающие при реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 46–52.

Original article

SOME ISSUES ARISING IN THE IMPLEMENTATION OF THE LANGUAGE PRINCIPLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena V. ELAGINA¹, Tatyana G. NIKOLAEVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

¹ yelagina@bk.ru

² niko.t@mail.ru

Abstract. The article deals with the polysemous term «language» in the context of realization of one of the principles of criminal justice. Emphasizing the importance of compliance with the principle enshrined in Article 18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the authors analyzed a number of problems related to the use of the language of court proceedings and record-keeping in the criminal justice in the Russian Federation.

Keywords: criminal justice, criminal proceedings, language of criminal proceedings, rights of participants in criminal proceedings

For citation: Elagina E. V., Nikolaeva T. G. Some issues arising in the implementation of the language principle in criminal proceedings. Criminalist. 2023;4(45):46-52. (In Russ.).

© Елагина Е. В., Николаева Т. Г., 2023

О языке уголовного судопроизводства чаще всего принято говорить как о принципе уголовного процесса (ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), и это справедливо, поскольку, являясь основополагающим началом, данный принцип обеспечивает реализацию закрепленного в ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства на пользование родным языком в процессе коммуникации.

Исключая любую попытку оспорить целесообразность рассматриваемого принципа, обратим внимание на ряд проблем в данной сфере, вызывающих не только дискуссию на страницах юридических изданий, но и противоречивую правоприменительную практику, выделенных нами в определенные блоки.

1. Анализ ч. 1 ст. 18 УПК РФ, в соответствии с которой уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик (за исключением Верховного Суда Российской Федерации, кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, военных судов, в которых производство по уголовным делам ведется только на русском языке), дает основания полагать, что данная норма не в полной мере соответствует другим законам Российской Федерации, например Федеральному закону от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ (ред. от 28 февраля 2023 г.) «О государственном языке Российской Федерации», Федеральному конституционному закону от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2023 г.) «О судебной системе Российской Федерации», Закону Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 (ред. от 13 июня 2023 г.) «О языках народов Российской Федерации», которые предусматривают, что не только судопроизводство, но и делопроизводство ведется на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

В Конституции Российской Федерации, ст. 65, названы 24 субъекта Российской Федерации, имеющие статус республики в составе Российской Федерации и, соответственно, наделенные правом устанавливать свой государственный язык. Данное право было реализовано Республиками Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республикой, Республикой Калмыкия, Карачаево-Черкесской Республикой, Республиками Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртской Республикой, Республикой Хакасия, Чеченской Республикой, Чувашской Республикой. Потенциально существует возможность осуществления судопроизводства на государственном языке субъекта Российской Федерации. Республика Карелия не воспользовалась правом установления в качестве государственного наряду с русским национального языка, а в Донецкой Народной Республике и в Луганской Народной Республике в соответствии с принятыми Конституциями государственным языком является русский.

В подавляющем большинстве республик Российской Федерации уголовное судопроизводство ведется на русском языке, иногда в отдаленных районах Республик Татарстан или Саха (Якутия) судопроизводство ведется на национальном языке, соответственно татарском или якутском. Д. Х. Валеев, А. Г. Нуриев, Р. В. Шакирьянов в статье «Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства» отмечают, что, как показал проведенный ими опрос, «практическое применение государственный язык субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства имеет на территории трех субъектов Российской Федерации: в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия» [1]. И за период с 2010 по 2018 год количество уголовных дел, рассмотрение которых завершилось выне-

сением судебных актов, на татарском языке составило 15, по Республике Саха (Якутия) данных о рассмотрении уголовных дел на якутском языке нет, на территории Республики Бурятия применение бурятского языка как государственного языка субъекта Российской Федерации ограничивалось лишь сферой уголовного судопроизводства, что выразилось в привлечении переводчиков и необходимости перевода текста приговоров на бурятский язык [1].

Возникает ряд вопросов. Учитывая, что общепринятым является понятие делопроизводства как деятельности, связанной с созданием документов и работой с ними в различных учреждениях, т. е. использованием письменной речи, а судопроизводство включает в себя и «судоговорение», т. е. устную речь, означает ли это обязанность использовать один язык при производстве по уголовным делам? Вправе ли следователь, владеющий несколькими государственными языками, допросить, например, свидетеля на одном языке, а в протоколе записать его показания на другом? Могут ли быть материалы одного уголовного дела на разных языках? Кто и каким образом должен осуществлять перевод материалов уголовного дела при необходимости их соединения (выделения), если первоначально производство по ним осуществлялось на разных государственных языках? Как определить язык судопроизводства, если следователь первоначально осуществлял производство по уголовному делу на государственном языке республики — субъекта Российской Федерации, находясь в отдаленных ее районах, где подавляющее большинство населения говорит на этом языке, а рассмотреть это дело по существу должен суд с участием присяжных заседателей, которые могут и не владеть в полной мере этим языком?

Невелик процент уголовных дел, при производстве по которым не назначаются судебные экспертизы, кроме того, в случаях, указанных в ст. 196 УПК РФ, производство судебной экспертизы обязательно. Неужели заключение эксперта может быть составлено на ином языке, нежели русский? Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Россий-

ской Федерации» не содержит нормы, позволяющей получить ответ на данный вопрос, и ни одним ведомственным нормативным актом вопрос о языке заключения эксперта не регулируется. Представляется, что если допустить возможность составления заключения эксперта на государственном языке республики, входящей в состав Российской Федерации, то это влечет ряд весьма серьезных проблем:

как обеспечить качество подготовки судебной экспертизы, назначаемой в целях решения задач идентификационного характера, когда требуется получить образцы, отражающие такие признаки идентифицируемого лица, как голос, речь, почерк;

как производить экспертизу в отношении живого лица (судебно-психологическую, судебно-психиатрическую, судебную психолого-психиатрическую и ряд иных), каким должен быть язык общения эксперта и лица, в отношении которого производится экспертиза;

как обеспечить качество перевода заключения эксперта с русского языка и в каком объеме оно должно быть переведено (с учетом того, что иногда содержание исследовательской части заключения труднодоступно для восприятия даже лицом, являющимся носителем русского языка и в полной мере владеющим им).

Вникнув в содержание ст. 18 УПК РФ, авторы не без удивления осознали, что из текста ч. 3 данной статьи при буквальном прочтении следует, что заключение эксперта может и не быть переведено с русского языка, поскольку законодателем используется следующая формулировка: «если в соответствии с настоящим Кодексом *следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению* подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то *указанные документы должны быть переведены* на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет» (курсив наш. — Е. В., Т. Г.). Очевидно, что заключение эксперта к таковым не относится.

Может сложиться впечатление, что достаточно осуществить перевод материалов уголовного дела с одного государственного языка на другой. Не акцентируя внимания

на ряде злободневных проблем поиска квалифицированного переводчика, оплаты его труда и т. п., отметим, что при переводе с одного языка на другой в значительной степени может меняться содержание процессуальных документов: заключений экспертов, протоколов допросов участников процесса и т. п., что не позволит учесть некоторые нюансы, которые, в свою очередь, могут иметь важное (вплоть до правильной квалификации содеянного) значение для разрешения уголовного дела. При этом необходимо принимать во внимание еще и невозможность адекватного перевода с русского языка на иной национальный ряд специфических юридических терминов ввиду их отсутствия в национальном языке.

Представляется, что в уголовном судопроизводстве на всей территории Российской Федерации должен использоваться единый язык судо- и делопроизводства — государственный язык Российской Федерации. Авторы не одиноки в своем мнении, в подтверждение процитируем В. Д. Зеленского и С. В. Швеца: «...представляется необходимым разграничить понятия „государственный язык“ и „официальный язык“». Государственный язык — язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Официальный язык — язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. Понятие „государственный язык“ является более широким, чем „официальный язык“, поскольку включает в себя не только политическую (законодательную, управленческую) сферу, но и социальную, культурную сферы общения.

Государственная власть на территории многонационального государства должна осуществляться посредством единого языка. В то же время судопроизводство должно быть доступным, ясным, открытым, в связи с чем оно должно осуществляться на едином языке. Для решения данной задачи необходимо законодательно разделить понятия „государственный язык“ и „официальный язык“ и установить в качестве языка судопроизводства единый официальный язык» [2, с. 167].

Нельзя не отметить и еще один важный фактор — надлежащее владение русским языком (как устным, так и письменным) должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Не должно возникать также ситуаций, когда, например, суд не может огласить показания потерпевшего ввиду неразборчивого почерка следователя, осуществлявшего производство по данному уголовному делу, или судом первой инстанции в связи с грубым нарушением требований Федерального закона от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ (ред. от 28 февраля 2023 г.) «О государственном языке Российской Федерации» протокол допроса потерпевшего признается недопустимым доказательством по той причине, что сведения о личном прочтении потерпевшим данного протокола допроса не соответствуют действительности, а протокол следственного действия не поддается прочтению.

2. УПК РФ (ст. 18) устанавливает порядок участия в судопроизводстве лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором оно осуществляется. Согласно данному порядку органы предварительного расследования и суд обязаны разъяснить участнику процесса право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым он владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон расширяет, на наш взгляд, не совсем обоснованно, конституционное положение о выборе языка общения, указывая, в отличие от других федеральных законов, наделяющих соответствующим правом только лиц, не владеющих языком судопроизводства¹, что право на пользова-

¹ См., напр., Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ (ред. от 28 февраля 2023 г.) «О государственном языке Российской Федерации», Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 года № 1807-1 (ред. от 13 июня 2021 г.) «О языках народов Российской Федерации». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

ние избранным языком получают участники процесса не только не владеющие, но и *недостаточно владеющие* русским языком. В отсутствие каких-либо критериев, позволяющих определить уровень и само по себе владение русским языком (хотя современные филологи считают, что владение языком предполагает умение читать, писать, говорить и думать на этом языке), включение термина «недостаточно владеющие» в норму УПК РФ предоставило огромные возможности желающим злоупотребить данным правом. Можно привести значительное количество примеров, когда по уголовным делам подозреваемый (обвиняемый) заявлял ходатайство о желании (ввиду недостаточности знания русского языка) воспользоваться правом давать показания на языке, которым владеет, утверждая: что плохо знает русский язык, но в совершенстве владеет языком эльфов; дагестанец по происхождению, защитивший кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию на русском языке, — что не владеет в достаточной мере русским языком; медицинский работник — что знает только латынь; депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации — что забыл русский язык, поэтому требует переводчика, и т. п. В такой ситуации органы предварительного расследования и суд вынуждены затрачивать существенные ресурсы, временные, материальные и др., не с тем, чтобы обеспечить права и законные интересы лиц, действительно не знающих русского языка, а чтобы либо доказать знание русского языка лицом, которое делает вид, что не знает его (поскольку злоупотребление правом также требует документального подтверждения), либо искать переводчика с того языка, которым обвиняемый владеет. Причем как первый вариант, так и второй не исключают возможность дальнейших действий обвиняемого по злоупотреблению своими правами в этой области. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая жалобу осужденного М., признанного виновным в нарушении при управлении автомобилем правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, в которой он, оспаривая законность и обоснованность состоявшихся

судебных решений, указал, что до начала судебного заседания суда апелляционной инстанции ему как лицу, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, были вручены копии апелляционных жалоб его защитника, возражений прокурора на них, не переведенных на его родной язык, а именно на казахский с использованием латиницы, что свидетельствует о нарушении его права на защиту, а также указал на некомпетентность переводчика, участвовавшего в суде первой инстанции, владеющего казахским языком с использованием кириллицы. Суд посчитал, что доводы кассационной жалобы осужденного М. о необходимости предоставления ему судебных документов на казахском языке с их отображением на латинице, а не кириллице, которой он якобы не владеет, являются несостоятельными, поскольку исполнение перевода на кириллической или латинской графике сути перевода не меняет.

При этом из материалов уголовного дела видно, что М. является гражданином Российской Федерации, имеет паспорт гражданина Российской Федерации, военнообязанный, обучался в российской школе, учился в основном на «отлично» и «хорошо», образовательный процесс проходил исключительно на русском языке, получил аттестат о среднем (полном) общем образовании, состоит в браке с гражданкой Российской Федерации, имеет ребенка. Как следует из показаний потерпевшей и свидетелей, общение осужденного М. с указанными лицами велось на русском языке, какого-либо языкового барьера не имелось. Заявления, ходатайства и замечания на стадии предварительного расследования, а также показания осужденного и его заявления в судебном заседании подавались М. на русском языке, к переводчику на стадии судебного следствия осужденный М. не обращался. Апелляционная жалоба, дополнения к ней и ходатайства, а также кассационная жалоба также поданы осужденным М. на русском языке¹.

Можно себе представить, сколько времени и трудов стоило органам предваритель-

¹ Постановление первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2023 г. № 77-1810/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного расследования и суду доказать (помимо обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу) владение обвиняемым русским языком и при этом все равно назначить ему переводчика только потому, что обвиняемый другой национальности по рождению. Следует отметить, что именно указание на иную национальность дает возможность даже гражданам Российской Федерации считать себя не владеющими русским языком и злоупотреблять своими процессуальными правами, хотя при этом, как мы понимаем, нарушаются права других участников уголовного процесса — право на разумные сроки судопроизводства, на доступ к правосудию и т. п.

Мы солидаризируемся с мнением [3], что определение и указание собственной этнической (национальной) принадлежности является частным делом и субъективным правом личности, которые, исходя из принципа формально-правового равенства всех людей перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации), никак не связаны с содержанием процессуальных правоотношений. Именно поэтому язык судопроизводства, устанавливаемый и закрепляемый законодательно, с юридической точки зрения не может иметь ничего общего с языком межличностного общения, избираемым произвольно и субъективно людьми по их собственному усмотрению.

И хотя ст. 18 УПК РФ связывает право на пользование иным языком в случае производства по уголовному делу на русском языке не с национальностью либо гражданством участника уголовного процесса, а только с невладеванием либо недостаточным владением языком судопроизводства, представляется, что наличие гражданства Российской Федерации должно предполагать владение русским языком в объеме, достаточном для обеспечения своей защиты в уголовном судопроизводстве, учитывая обязательное участие защитника подозреваемого (обвиняемого) в каждом уголовном деле, и не требовать дополнительного подтверждения материалами уголовного дела. При этом ссылка подозреваемого (обвиняемого) на то, что он не владеет языком судопроизводства, поскольку не знает юридической терминологии, не должна приниматься во внимание, поскольку

профессиональные участники уголовного процесса — следователь, прокурор, судья, защитник вполне могут объяснить любой юридический термин.

В такой же мере, на наш взгляд, должны применяться данные правила и в отношении трудовых мигрантов, получивших гражданство Российской Федерации. Таким образом, объективным критерием знания русского языка в объеме, достаточном для его использования участниками уголовного процесса, без необходимости дополнительного подтверждения этого факта, является наличие гражданства Российской Федерации.

Если участником уголовного процесса является иностранный гражданин, то следует учитывать, что при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента он обязан подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации сертификатом о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации¹.

Хотелось бы осветить еще одну ситуацию, своеобразно разрешенную Псковским городским судом Псковской области. Прокурор обратился в суд с иском о признании недействительным сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации, выданного иностранному гражданину Г. Б., поскольку в ходе опроса Г. Б. в прокуратуре тот не реагировал на обращение к нему на русском языке, на вопросы не отвечал, в связи с чем выяснилось, что он не владеет русским языком и не понимает задаваемые ему вопросы. Суд не нашел нарушений закона в процедуре сдачи иностранным гражданином экзаменов. Как следует из материалов дела, контрольные листы по субтестам, видеозапись фрагмента теста «говорение» подтверждают факт сдачи Г. Б. экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, а заполненные Г. Б. кон-

¹ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

трольные листы на русском языке также свидетельствуют о том, что он владел объемом знаний, необходимым для выдачи патента на осуществление трудовой деятельности. При этом суд, отказывая прокурору в удовлетворении иска, указал на то, что утверждение истца о том, что организация, выдав сертификат, который действует в течение пяти лет, должна гарантировать, что лицо, получившее сертификат, будет носителем необходимых знаний русского языка не только на момент проведения экзамена, но и на период действия сертификата, не соответствует нормам действующего законодательства, поскольку таких требований к организациям, проводящим комплексный экзамен, в виде гарантий на будущее не предъявляется¹. Данное решение вызывает огромное количество вопросов, ответы на которые могут послужить основой для написания не одной статьи, но парадоксальным выводом, к которому можно прийти на основании данного судебного решения,

является то, что документы, подтверждающие окончание обучения в школе, в институте, другом учебном заведении, в которых изучался русский язык или велось обучение на русском языке, не свидетельствуют о том, что их владелец знает русский язык.

3. Учитывая, что государственным языком в России является русский язык, который подлежит обязательному использованию, в том числе в уголовном судопроизводстве и делопроизводстве, на наш взгляд, о языке уголовного судопроизводства можно рассуждать с точки зрения четкости формулирования законодателем норм уголовно-процессуального закона, логики их изложения и взаимосвязи. Авторами уже обращалось внимание на значение безупречности понятийно-терминологического аппарата уголовно-процессуального закона для обеспечения более точного понимания субъектами права используемых в нем терминов [4], поэтому ограничимся лишь констатацией наличия данного весьма масштабного блока проблем.

Список источников

1. Валеев Д. Х., Нуриев А. Г., Шакирьянов Р. В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 16–23.
2. Зеленский В. Д., Швец С. В. Некоторые вопросы судебного перевода // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 166–169.
3. Кузнецов О. Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. 2005. № 4. С. 46–52.
4. Елагина Е. В., Николаева Т. Г. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона // Криминалистика. 2021. № 1 (34). С. 19–26.

Информация об авторах

Е. В. Елагина – профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. Г. Николаева – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

E. V. Elagina – Professor of the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in hearings of criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

T. G. Nikolaeva – Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

¹ Решение Псковского городского суда Псковской области от 24 ноября 2021 г. по делу № 2-3695/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Руслан Ильдарович ЗАЙНУЛЛИН

*Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия,
zaynullin083@yandex.ru*

Аннотация. Наука криминалистика на современном этапе развития приобрела очевидную тенденцию значительного обогащения своих теоретических основ. Это обусловлено появлением многочисленных монографических работ, диссертационных исследований и научных публикаций, вводящих в систему науки криминалистики все новые и новые общие и частные криминалистические теории разной степени обобщения, которые в совокупности укрепляют фундамент теоретических основ науки криминалистики. Подобная активизация фундаментальных теоретических исследований не может не радовать, но, как и вся материалистическая диалектика, имеет не только положительные свойства, но и определенные отрицательные моменты. Все чаще среди таких сформированных частных криминалистических учений можно встретить теории, которым свойственны искусственный характер, отсутствие сущностного содержания, заимствование методологии и категориального аппарата иных областей научного знания. В настоящей статье рассмотрена одна из таких неоднозначных теорий – криминалистическая профилактика. Автором предпринята попытка наглядно продемонстрировать, что указанное учение в конечном счете свелось к обычному заимствованию методологии и понятийного аппарата науки криминологии и, в сущности, лишено своего криминалистического смысла и содержания.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, предупреждение преступлений, частная криминалистическая теория, общая теория науки криминалистики, псевдоучение

Для цитирования: Зайнуллин Р. И. Криминалистическая профилактика – миф или реальность? // Криминалисту. 2023. № 4 (45). С. 53 – 58.

Original article

FORENSIC PREVENTION – A MYTH OR REALITY?

Ruslan I. ZAINULLIN

The Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, zaynullin083@yandex.ru

Abstract. The forensic science at the present stage of its development has obviously trended towards significant enrichment of its theoretical foundations. This is due to the emergence of numerous monographic works, dissertation research and scientific publications that introduce more and more new general and particular criminalistic doctrines with various degrees of generalization into the criminalistic system, which together reinforce the foundation for the theoretical framework of the forensic science. Such an activation of fundamental theoretical research cannot but make happy, nevertheless like all materialistic dialectics, it has not only positive properties, but also certain negative aspects. Increasingly, among the already developed peculiar forensic doctrines, one can find theories characterized by their artificial nature, the absence of essential content, the usual borrowing of methodology and the categorical apparatus of other fields of scientific knowledge. This article discusses one of such ambiguous theories – forensic prevention. The author has made an attempt to demonstrate clearly that this teaching was ultimately reduced to the usual borrowing of the methodology and conceptual apparatus of the science of criminology, and, in essence, is devoid of its criminalistic meaning and content.

© Зайнуллин Р. И., 2023

Keywords: criminalistic prevention, crime prevention, private criminalistic theory, general theory of the science of criminology, pseudoscience

For citation: Zainullin R. I. Forensic prevention – a myth or reality? // *Criminalist*. 2023;4(45):53-58. (In Russ.).

Любая отрасль научного знания по мере своего развития постепенно приобретает стройную систему, фундаментом которой служит теоретическая основа данной отрасли. Подобная теоретическая основа состоит не из простой совокупности отдельных теоретических конструкций и обобщений, а из взаимосвязанных и взаимообусловленных частных научных теорий и учений.

Вопросам формирования частных научных теорий посвящено множество работ отечественных и зарубежных ученых [1; 2; 3; 4]. Нет смысла подвергать их тщательному анализу. Заметим лишь, что в общих чертах учеными выявлены одни и те же закономерности формирования таких научных теорий и учений. Одной из закономерностей является их обязательная связь с объектом и предметом познания той или иной науки, в рамках которой происходит формирование теории или учения.

Наука криминалистика не является в данном случае исключением и подвержена тем же закономерностям развития, как и любая другая наука. Профессор А. А. Эксархопуло справедливо отмечает: «Среди науковедческих проблем криминалистики одной из наиболее обсуждаемых на всех уровнях научных исследований по-прежнему остается проблема ее предмета... С момента зарождения и на протяжении всей истории своего развития вплоть до наших дней дискуссии о предмете криминалистики постоянно сопровождалась выяснением вопроса о том, что изучает или что должна изучать криминалистика» [5, с. 20]. Указанный вопрос является актуальным, ибо от его решения зависит направление развития науки криминалистики, содержание ее теоретической основы, а также в некоторой мере структура

и система. Именно поэтому для нас важно определить содержание предмета познания криминалистики.

Обзор криминалистической литературы позволяет нам констатировать, что на сегодняшний день имеется множество определений предмета науки криминалистики [5, с. 19–29; 6, с. 81; 7, с. 51; 8, с. 7–18; 9, с. 129]. Однако несмотря на наличие разнообразных подходов к определению ее предмета, большинство определений имеют одну общую черту, заключающуюся во включении в предмет науки криминалистики закономерностей предупреждения преступлений.

Включение в предмет науки криминалистики именно этой области закономерностей дало основание для разработки многочисленных частных теорий и учений о криминалистической профилактике [10; 11; 12].

Но откуда взялась эта группа закономерностей в предмете науки криминалистики? Почему мы отошли от традиционного предмета познания, определенного еще Гансом Гроссом, основоположником науки криминалистики, который писал: «...о предшествовавшем умозаключить по последствиям и наоборот – о последствиях умозаключить по предшествовавшему» [13, с. 10]. Для ответа на поставленный вопрос нам необходимо проанализировать понятия «профилактика», «предупреждение», «предотвращение преступлений».

Согласно толковым словарям русского языка, слова «профилактика», «предупреждение» и «предотвращение» используются как относительные синонимы и в самом общем виде означают предварительные меры для недопущения чего-либо или мероприятия, направленные на сохранение и укрепление нормального состояния и по-

рядка [14, с. 617; 15, с. 497]. Подобные меры применяются в различных областях человеческой жизнедеятельности. Например, в медицине — для недопущения заболеваний, их распространения, в экономике — для недопущения разрыва производственных цепочек, кассовых разрывов, увеличения убытков и т. д. В области права также широко используются профилактические меры. В гражданском праве к таким мерам можно отнести, например, институт залога, институт банкротства и т. д. Что же касается сферы уголовного судопроизводства, то и здесь огромное значение имеет профилактика, в первую очередь направленная на предупреждение преступлений и преступности в целом. И здесь возникает закономерный вопрос: какая из наук уголовно-правового цикла разрабатывает научно обоснованные профилактические меры?

Думается, ответ на этот вопрос весьма очевиден. Речь идет, конечно же, о такой науке, как криминология. Анализ современной криминологической литературы показывает, что в общих чертах предмет науки криминологии складывается из нескольких основных групп закономерностей: преступность; личность преступника; преступное поведение; причины преступности; предупреждение преступности [16, с. 14; 17, с. 14; 18, с. 13]. Как видно из приведенной структуры, предупреждение (профилактика, предотвращение) преступлений является неотъемлемым элементом предмета науки криминологии. В этом смысле справедливо высказывание И. И. Карпеца: «Криминология учит правильно читать уголовную статистику, на ее основе делать практические выводы: где принять меры экономического характера, где усилить воспитательную работу, а где, в отношении каких видов преступности активизировать правоохранительную систему, где с большей силой использовать меры уголовного наказания» [19, с. 12].

Так как же тогда получается, что мы, криминалисты, частично заимствовали у криминологов их предмет познания? Вопрос,

скорее, риторический, нежели по существу. Тем не менее попытаемся аргументировать, что профилактика преступлений — это чуждый для науки криминалистики предмет исследования.

Одним из очевидных доводов отсутствия оснований для включения профилактики преступлений в предмет науки криминалистики является ее сущностное назначение. Действительно, для чего вообще мы познаем закономерности, входящие в предмет науки криминалистики? Думается, только для одной цели — получить научные знания о процессе реконструкции происшедшего преступного события. Расследовать преступление означает не что иное, как построить информационную модель события, не только имеющего признаки преступления, но и уже случившегося в прошлом, а раскрыть преступление — установить достоверность такой модели. Именно ретроспективный характер науки криминалистики и является наиболее важным и существенным при определении ее предмета познания. И уж никак в такую концепцию не вписывается категория «профилактика», которая имеет, наоборот, перспективный (будущий, условно возможный) характер. Слишком уж разные по своему объему, содержанию и предназначению эти два подхода, чтобы их объединяла одна наука.

Несмотря на это, криминалистика продолжает продуцировать рекомендации по профилактике преступлений для следователей. От одной криминалистической работы к другой их авторы указывают на обязанности следователя принимать меры по предупреждению совершения преступлений, проведению профилактической работы в отношении участников предварительного расследования [20, с. 12; 21]. Трудно оспорить необходимость проведения профилактической и воспитательной работы следователем и дознавателем, тем более, когда речь идет, например, о несовершеннолетних, совершивших преступление. Но при чем здесь наука криминалистика? Следователь также

должен квалифицировать преступление, что требует от него знаний об основах квалификации преступлений, теории доказывания, уголовно-процессуального порядка расследования преступлений. Ведь не включать же из-за этого эти закономерности в предмет науки криминалистики, вторгаясь в область наук уголовного права и уголовного процесса. Почему же тогда мы позволяем себе это в отношении науки криминологии? Как справедливо считал А. Н. Васильев, «деятельность по предупреждению преступления относится к предмету криминологии, а криминалистика в области предупреждения преступлений не должна выполнять какую-то особую роль, которая отличалась бы от присущей ей „службы“ в пределах применения криминалистических средств, приемов и методов. „Особого“ криминалистического предупреждения преступлений не существует, и нет никаких оснований для выделения такого понятия» [22, с. 61]. Не можем не согласиться с такой точкой зрения.

Более категоричной позиции придерживался И. Ф. Пантелеев, который указывал, что в деятельности следователя профилактического характера по расследуемым преступлениям никаких криминалистических проблем нет [23, с. 16].

Р. С. Белкин в своей фундаментальной работе «Курс криминалистики», обосновывая существование криминалистических средств и методов предупреждения преступлений, писал: «Предотвращение преступлений невозможно без установления причин и условий, способствующих их совершению или сокрытию. Эти данные должны быть получены в процессе расследования и судебного рассмотрения конкретных уголовных дел» [6, с. 117]. Но может ли довод, основанный лишь на обязанности следователя устанавливать причины и условия, способствующие совершению преступления, быть достаточным для расширения предмета науки криминалистики? Наш ответ на этот вопрос отрицательный. Во-первых, опять же речь идет о причинах

уже происшедшего события, а во-вторых, как нам видится, ничто не мешает криминологам использовать результаты практики установления следователями причин совершения преступления для их обобщения, систематизации и выработки на этой основе мер профилактики и предупреждения преступлений. Точно так же, как наука криминалистика использует и адаптирует данные естественно-технических наук, психологии, научной организации труда и т. д., подчеркивая свою интегративную роль, но не вторгаясь в область исследований указанных наук. Наряду с причинами и условиями, способствующими совершению преступления, следователь также обязан, например, установить мотив его совершения. Вместе с тем мы не видим в связи с этим оснований для формирования криминалистических учений о «криминалистической психологии мотивации личности». Думаем, ход наших мыслей вполне понятен и очевиден.

В одной из своих работ И. М. Комаров и Е. И. Ян задаются вопросом: «Как правильно называть борьбу с преступностью на этапе выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений, — предупреждением, профилактикой, превенцией, предотвращением или пресечением преступлений?» [24, с. 185]. Думаем, ответ на этот вопрос тоже является простым и очевидным. С криминалистической точки зрения этап выявления причин и условий, способствующих совершению преступления, называется предварительным расследованием преступления, поскольку причины и условия, способствующие совершению преступления, входят в предмет доказывания и являются обстоятельством, подлежащим установлению при расследовании любого преступления в силу требований уголовно-процессуального законодательства. Почему факт наличия подобного элемента предмета доказывания обуславливает наличие криминалистической профилактики или предупреждения преступления, для нас не совсем понятно.

Таким образом, в результате обобщения мы можем выделить три основных довода, которые ученые-криминалисты включают в обоснование существования криминалистической профилактики:

1) наличие профилактической, воспитательной функции следователя и дознавателя;

2) включение в предмет доказывания причин и условий, способствующих совершению преступления;

3) существование криминалистических средств и методов предупреждения преступлений.

Правда, ни один из указанных доводов не является убедительным, что мы продемонстрировали, во всяком случае, предприняли попытку. Авторы, искусно оперируя этими доводами, сами того не замечая, либо используют на самом деле методологию и терминологию науки криминологии, либо ошибочно полагают, что наука криминалистика призвана обеспечивать всю функциональность субъекта предварительного расследования, вследствие чего искусственно расширяют предмет познания своей науки. Следователь обладает многими функциями, для реализации которых ему необходимо научное обеспечение различных отраслей научного знания. Это и криминалистика, и уголовное право, и уголовный процесс,

и психология, и криминология, и даже основы научной организации труда, административного права и т. д. Но это вовсе не означает, что мы должны объединить их все в одну отрасль научного знания.

Подводя итог, процитируем того же уважаемого нами Р. С. Белкина: «Но случаются и иные метаморфозы, когда реальная идея или концепция, дружно поддержанная многочисленными сторонниками, привлекает целую армию последователей, активно разрабатывается, рождает иллюзии широкого практического использования, а затем, иногда по прошествии значительного времени, оказывается типичным фантомом. Но у нее уже проросли глубокие корни, и далеко не всякий, даже из тех, кто понял иллюзорность возлагавшихся на эту теорию или концепцию надежд, рискнет выкорчевать эти корни...» [25, с. 219–224]. Сказано как нельзя лучше. По существу. Понимая, что криминалистическая профилактика – это частная криминалистическая теория, поддержанная подавляющим большинством ученых-криминалистов, очень уважаемых нами, хотелось бы отметить, что наша позиция об иллюзорности этого учения, ее фантомности и мифичности является лишь нашим скромным мнением, которое мы попытались убедительно аргументировать в настоящей статье.

Список источников

1. Рузавин Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ. Москва : Мысль, 1978. 244 с.
2. Рузавин Г. И. Методы научного исследования. Москва : Мысль, 1974. 237 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. Москва : АСТ, 2002. 605 с.
4. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания / пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. Москва : АСТ, 2008. 638 с.
5. Эксархопуло А. А. О предмете криминалистики и ее определении // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 4 (8). С. 19–29.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. 3-е изд., доп. Москва : Юнити, 2001. 401 с.
7. Возгрин И. А. Введение в криминалистику : История, основы теории, библиография. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 475 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
8. Корма В. Д., Образцов В. А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 2. С. 7–18.
9. Словарь по криминалистике. 1250 терминов и определений / авт.-сост. А. М. Багмет [и др.] ; под ред. А. И. Бастрыкина. Москва : Юнити-Дана, 2015. 383 с.
10. Махтаев М. Ш., Яблоков Н. П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 285, [1] с. (Библиотека криминалиста : БК).

11. Косов Д. В. Тактические приемы и криминалистические методы профилактики преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Косов Дмитрий Владимирович. Владимир, 2007. 184 с.
12. Махтаев М. Ш. Теория криминалистического предупреждения преступлений : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 172 [2] с. (Библиотека криминалиста : БК).
13. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 4-е изд. Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1908. 1041 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Оникс, 2010. 988 с.
15. Академический толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. Л. П. Крысина. Москва : ЯСК, 2016. Т. 2. 678 с.
16. Антонян Ю. М. Криминология : учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 388 с. (Высшее образование).
17. Криминология : учеб. для вузов / В. И. Авдийский, Л. А. Букалерева, С. В. Иванцов [и др.] ; под ред. В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 301 с. (Высшее образование).
18. Афанасьева О. Р., Гончарова М. В., Шиян В. И. Криминология : учеб. и практикум для вузов. Москва : Юрайт, 2023. 356 с. (Высшее образование).
19. Криминология : учебник / С. Б. Алимов, Ю. М. Антонян, С. П. Бузынова [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. Москва : Юристъ, 1997. 734 с.
20. Аксенова-Сорохтей Ю. Н. Криминалистическая профилактика преступлений несовершеннолетних : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 150 с.
21. Иванов И. И. Криминалистическая профилактика преступлений (комплексное научно-практическое исследование) : монография. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2004. 319 с.
22. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. Москва : ЛексЭст, 2002. 64 с.
23. Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. Москва : ВЮЗИ, 1980. 96 с.
24. Комаров И. М., Ян Е. И. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 182–192.
25. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2001. 237 с.

Информация об авторе

Р. И. Зайнуллин – профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

R. I. Zaynullin – Professor of the Department of criminalistics of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.971

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Владимир Олегович КАРПОВ

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, vlaka92@mail.ru

Аннотация. Автором рассматриваются массовые убийства в образовательных организациях с социально-психологической и правовой точек зрения. Приводится анализ личности субъекта, совершающего такие преступления. Уделено внимание элементам профилактики убийств в образовательных организациях. С учетом отсутствия на сегодняшний день законодательного закрепления понятия массовых убийств в образовательных организациях автором предложено собственное определение и даны характеристики таких преступлений, а также описаны особенности их предупреждения.

Ключевые слова: серийные преступления, массовые преступления, насилие, убийства, насилие в школах

Для цитирования: Карпов В. О. Массовые убийства в образовательных организациях: криминологический анализ // Криминалистъ. 2023. № 4 (45). С. 59 – 65.

Original article

MASS MURDERS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Vladimir O. KARPOV

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, vlaka92@mail.ru

Abstract. The author examines mass murder in educational organizations from a socio-psychological and legal point of view. The analysis of the personality of the subject committing such crimes is given. Attention is paid to the elements of murder prevention in educational organizations. Taking into account the lack of legislative consolidation of the concept of mass murder in educational organizations to date, the author proposes his own definition and gives the characteristics of such crimes, as well as describes the features of their prevention.

Keywords: serial crimes, mass crimes, violence, murders, school violence

For citation: Karpov V. O. Mass murders in educational institutions: criminological analysis. Criminalist. 2023;4(45):59-65. (In Russ.).

Убийство представляет собой преступление, которое относится к числу одних из первых в истории человечества. По мере развития уголовно-правовой науки законодатели предлагали включить в соответствующие нормативные правовые акты нормы об ответственности за преступления, связанные, как и убийство, с причинением смер-

ти потерпевшему, но охватываемые иными формами субъективной стороны. Если рассматривать уголовное право царской России, Советского Союза и современной России, можно убедиться, что нормативное описание убийства претерпевает изменения в части выделения привилегированных и квалифицированных составов данного пре-

© Карпов В. О., 2023

ступления, подвиды которых с переменной периодичностью дополняются.

Вместе с тем на практике мы наблюдаем динамичное изменение так называемых форм, или видов, убийства, понятия которых не указываются в нормативных правовых актах Российской Федерации, но отражаются в криминологической науке России. При изучении научных криминологических работ, характеризующих преступления против жизни (личности), в частности убийства, можно встретить такие понятия, как «серийные убийства», «массовые убийства», «ритуальные убийства», «убийства, совершаемые несовершеннолетними» и пр. Классификация убийств на такие виды осуществляется в первую очередь с целью выделения особенностей их совершения. Знание таких данных позволяет не только сформировать представление о виктимологической и превентивной составляющих, которые являются непосредственной частью криминологии, но также и наделять правоохранительные органы знаниями для расследования преступлений.

В настоящей работе рассматриваются убийства неопределенного количества лиц в общеобразовательных организациях за короткий промежуток времени (массовые убийства в образовательных организациях). Такие показатели массового убийства, как уровень и динамика совершения в Российской Федерации, требуют тщательного анализа для создания модели его профилактики.

Массовое убийство представляет собой феномен, подразумевающий под собой совершение двух и более убийств за короткий период времени. Ключевым здесь является понятие «короткий период времени», под которым мы понимаем временной промежуток, характеризующийся умыслом преступника совершить убийство неограниченного круга лиц за один отрезок времени, после чего его преступная агрессивность прекращается. На практике длительность указанного периода чаще всего не превышает одних суток.

Массовое убийство в образовательной организации имеет такой же смысловой конструкт, как и любое массовое убийство,

будучи его подвидом, за исключением того, что местом его совершения служат образовательные организации. Таким образом, жертвами преступления выступают определенные категории: обучающиеся, т. е. лица молодого возраста, а также преподавательский и обслуживающий персонал образовательных организаций.

Криминологический феномен массовых убийств в образовательных организациях в России является неологизмом отечественной науки. Сравнение статистических данных массовых убийств в образовательных организациях США, имеющих самый высокий количественный показатель таких преступлений в мире, и России позволяет говорить о том, что в нашей стране количество массовых убийств невелико. Изучая статистику с периода царской России до 2000 года, мы обнаружили единичные случаи совершения подобных преступлений.

Участились случаи массовых убийств в образовательных организациях в России начиная с 2010 года (последнее преступление совершено в 2022 году).

В структуре убийств в Российской Федерации с 2014 года массовые убийства в образовательных организациях имеют практически самые низкие показатели, не более 0,0001 %. С точки зрения уголовно-правовой оценки для массовых убийств в образовательных организациях характерно отсутствие явной квалификации указанных преступлений в соответствии с какой-либо одной статьей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Проанализировав данные по уголовным делам, которые возбуждались по фактам совершения массовых убийств в образовательных организациях в Российской Федерации, отметим, что такие преступления квалифицируются: по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 206; пп. «а», «б», «к» ч. 2 ст. 105; ч. 1 ст. 162; ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167; пп. «а», «в», «ж», «и» ч. 2 ст. 105; ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «д», «е», «и» ч. 2 ст. 105; ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105; пп. «а» и «е» ч. 2 ст. 105; ч. 1 ст. 222.1; пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105; ч. 2 ст. 167; ч. 1 ст. 222.1; ч. 1 ст. 223.1; ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «е», «и» ч. 2 ст. 105; пп. «а», «е», «и» ч. 2 ст. 105; ст. 317; ч. 2 ст. 167; ч. 3 ст. 30, пп. «а», «е», «и» ч. 2 ст. 105; пп. «а», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Из чего следует, что массовые убийства в образовательных организациях чаще всего квалифицируются по ч. 2 ст. 105 УК РФ: как убийство двух и более лиц (п. «а»), как совершенное общеопасным способом (п. «е»), как убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека (п. «в»). Вместе с тем в действиях массовых убийц при совершении преступления в образовательных организациях могут усматриваться признаки других составов преступлений. Например, в массовом убийстве 17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже изначально правоприменители усмотрели признаки преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ (террористический акт). Однако в последующем действия «Керченского стрелка» квалифицировали все же по ст. 105 УК РФ. Ключевым различием террористического акта и убийства является разность умысла на совершение преступления. У террориста преобладает наличие цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими соответствующих решений. Как показывает практика, у массовых убийц в образовательных организациях мотивация иная, чем у террористов. Здесь необходимо говорить о таких личностных мотивах, как желание отомстить неопределенному кругу лиц, той или иной социальной группе за нравственные страдания, причиненные ранее (причем, как правило, прямо не виноватым в причинении), желание самоутвердиться в глазах несовершеннолетних лиц и педагогов.

На настоящий момент в криминологии отсутствует единый подход к объяснению причин массовых убийств в образовательных организациях. Исследователи среди основных причин выделяют следующие:

внутрисемейные отношения, негативная связь со сверстниками — как первопричины, «триггеры» — СМИ, социальные сети, видеоигры [1];

аномия, высокий уровень стрессогенности социальной среды, призывы к свободному выражению скрытых эмоций, чувств,

потребностей, терпимое отношение к проявлению различных форм агрессии [2];

политическая ситуация, социально-экономические условия жизни (макросреда), негативная обстановка в семье, буллинг, видеоигры [3].

В западной криминологии получила развитие «теория Хирша», включающая четыре элемента детерминации: отсутствие привязанности к другим лицам; отсутствие целей в жизни и видение в убийстве большого числа жертв единственного смысла жизни; отсутствие идентификации себя с обществом и ощущение себя изгоем; игнорирование общих общественных убеждений и рационализация собственного девиантного поведения [4].

Указанные причины характерны не только для массовых убийц, но и для несовершеннолетних преступников в целом. Психологами и криминологами отмечается рост агрессивности среди таких преступников [5].

Обозначим базовые причины совершения подростком массового убийства в образовательной организации: а) доказать себе и всему миру, что он сильный и особенный; б) месть конкретному или неизвестному лицу за причиненные физические или моральные страдания; в) совершение некоего культа, поклонения.

Массовое убийство в образовательной организации — это действие, сопровождающееся массовостью жертв, открытостью, хаосом как среди малой социальной группы, так и в обществе в целом. Действия преступника — это демонстрация собственного «Я», своей исключительности. Когда он готовится к совершению преступления, он хочет испытать эмоции, которые никогда ранее им не испытывались. Преступник чувствует превосходство над обществом, и совершение массового убийства в образовательной организации — довольно простой способ доказать это всему миру, пусть даже ценой своей свободы или жизни.

Рассматривая причинность массовых убийств в образовательных организациях, необходимо отметить, что первопричиной совершения преступления является проявление у преступника индивидуального психологического типа с определенными эле-

ментами деструктивности. Это своеобразное «Я» подростка, которое имеет определенные сходные черты с «Я» других детей, но видение мира и своего «Я» в этом мире у него иное, чем у других.

В обществе сложилось мнение, что массовый убийца в образовательной организации — тихий, необщительный подросток, одевающийся в темную одежду, который стал жертвой издевательств со стороны сверстников и который испытывает страх взаимодействия с людьми. Подчеркнем, указанная позиция видится нам в корне неверной, влекущей элементы стигматизации для таких подростков.

Выделим основные тенденции, которые могут в той или иной степени рассматриваться при объяснении причинности такой преступности. Формулирование нижеперечисленных особенностей осуществляется на основании свидетельских показаний различных лиц, которые знали того или иного преступника. Необходимо отметить, что практически в каждой такой истории встречаются противоположные описания преступника (одноклассник преступника характеризует его как тихого и замкнутого, учитель — как открытого и общительного). Это объясняется тем, что каждый наблюдатель видит в человеке его психологические особенности исходя из своего жизненного опыта и особенностей собственной психики. Вместе с тем выделяются и общие характеристики.

Во-первых, массовые убийцы в образовательных организациях до совершения преступления убеждены, что они подвергаются «социальному остракизму» (в целом под этим термином можно понимать игнорирование, исключение, отвержение кого-то кем-то [6]). Данные подростки не уверены в себе, считают, что существуют отдельно от общества и не являются его составляющей, им присущи признаки солипсизма. Причины этого могут быть самыми разными: издевательство со стороны сверстников или непринятие сверстниками, осмысление того, что сверстники их не принимают в связи с особенностями деструктивной психики, в том числе наличием психических или пограничных расстройств, формирование

убеждения в этом под влиянием близких (родственников, знакомых). Эта особенность объясняет, почему практически все массовые убийцы в образовательных организациях совершают преступление либо в одиночку (чаще), либо в паре (реже). Они отстранены от коллективного или группового образа мышления, не могут найти единомышленников только потому, что не обладают эмпатией, лидерскими качествами, достаточным спектром коммуникативных способностей. Им присуще явное аутоагрессивное поведение. В способе совершения массовых убийств прослеживается образ «преступника-одиночки».

Во-вторых, преступники обладают признаками истероидности и нарциссизма. Признаков нарциссизма в психологии выделяется много. Ближе с точки зрения реальности нам видится характеристика нарциссов Э. Фромма: дистанцирование от собеседника и обесценивание чужих переживаний, навязывание собственного мнения, высокомерие, отрицание эмпатии, раздражительность, способная перерасти в ненависть, отрицание чужих потребностей [7]. Нарцисс уязвим: его «всемогущество» гиперкомпенсирует болезненно переживаемое чувство неполноценности, иногда «инаковости» — психопатологические отклонения [8]. Деструктивно-нарцисстическому типу свойственны неадекватно-противоречивая оценка своей личности, трудности в общении, высокая потребность в общественном признании [9].

Указанные характеристики в полной мере присущи личности массового убийцы в образовательных организациях. В момент совершения преступления нарциссическая агрессия такой личности со стороны выглядит «эмоционально холодной», что проявляется в последовательном и обдуманном совершении преступления. Как правило, преступники готовятся к совершению преступления, тщательно планируют акты массового убийства в образовательных организациях.

В-третьих, в психотипе преступника частично находят отражение криминологические идеи Г. Тарда о «социальном подражании». Изучение биографии преступников

показывает, что большинство из них выстраивают модель преступления по аналогии с преступлениями, совершенными лицами, которых считают кумирами. Как было указано, такие подростки ощущают себя социально отделенными от общества. Кумир в данном случае используется как объект психологического переноса. Подросток как бы абстрагируется от своей индивидуальности, переносит образ жизни, мышления, даже стиль одежды кумира на свою жизнь. С помощью образа кумира подросток объявляет протест устоявшимся правилам и законам, пытаясь заявить о себе как о личности. Он хочет показать себя сильным, уважаемым, авторитетным, но не всегда понимает, как это можно сделать, не причиняя вреда окружающим его людям [10]. Массовый убийца изучает модель поведения подобных преступников через призму их действий, которые он наблюдает в интернет-пространстве, видит, как стрелок вооружается огнестрельным оружием, чувствует себя всемогущим в настоящий период. Именно невозможность реализации себя в обычной жизни является основным детерминантом избрания совершения подростком противоправного действия. В криминологии известны случаи массового копирования преступного поведения, например: самоубийства, связанные с поклонением чему-либо или кому-либо; преступные действия, связанные с рекетом, грабежами, разбоями и другими преступлениями, после изучения культуры уличных преступлений. То же самое мы можем отметить и в случаях массовых убийств.

Если проанализировать биографии массовых убийц в образовательных организациях, в том числе отечественных, можно обнаружить элементы поклонения аналогичным преступникам. Самым громким является преступление, совершенное 20 апреля 1999 года в школе «Колумбайн» (США). Подросток с признаками деструктивной личности видит, как такие же подростки совершают особо значимое преступление, и принимает решение совершить аналогичное преступление.

Профилактика таких преступлений является сложным и многогранным процессом, который требует участия в нем специ-

алистов многих организаций. В Российской Федерации к таким субъектам относятся полиция, органы социальной защиты, комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, медицинские и образовательные организации и др. Важным вопросом в организации профилактики правонарушений несовершеннолетних является точное межведомственное взаимодействие субъектов профилактики. О низкой эффективности профилактики, в частности, может свидетельствовать недостаточное взаимодействие субъектов профилактики.

Обращает на себя внимание необходимость оказания соответствующей психологической и психотерапевтической помощи несовершеннолетним немедленно при обнаружении у них деструктивных форм поведения. Как показывает практика, ненадлежащее и несвоевременное выявление признаков деструктивного поведения, недостаточное оказание психологической помощи влекут за собой негативные поведенческие особенности подростка.

Выше были отражены основные психологические особенности будущего преступника, которые в первую очередь проявляются в семье, но в большей степени — в образовательных организациях. Субъекты профилактики в образовательных организациях (психологи и педагоги) имеют первостепенную цель обнаружения признаков деструктивного поведения и проведения соответствующей профилактики. Роль семьи также является очень важной, но зачастую родители не могут идентифицировать деструкции у ребенка и начать работать с ними по разным причинам. Условия нравственного формирования личности могут объяснить многое, например выбор человеком формы насильственного поведения при разрешении той или иной противоречивой ситуации [11].

Именно педагог или школьный психолог с учетом их образования и профессионального опыта являются независимыми и незаинтересованными лицами, которые обращают внимание на особенности поведения подростка.

К основным задачам данных субъектов профилактики относятся: а) выявление подростков с деструктивными формами пове-

дения; б) блокировка негативного отношения к окружающему миру; в) недопущение развития асоциальных психологических или медицинских дисфункций.

Указанные задачи довольно сложные и не могут быть решены одномоментно, это длительная, поэтапная работа, требующая глобального пересмотра взглядов подростка на жизнь. Не существует универсальной модели поведения массового убийцы в образовательных организациях, по которой можно по внешним проявлениям идентифицировать будущего преступника. Выделим основные внешне проявляемые отличительные черты таких преступников: замкнутость, отрешенность от сверстников, интровертность, выбор однотонной одежды в качестве повседневной (чаще серой или черной), проявление буллинга со стороны сверстников.

Указанные черты не являются характерными только для массовых убийц в образовательных организациях. Но их наличие должно нацеливать психологов на работу с подростками в части выявления психологических антисоциальных черт характера, а именно склонности к насилию, аутоагрессии и др. Выявление потенциально опасных лиц является сложной задачей для субъектов профилактики.

Работа по профилактике выстраивается на основании множества современных психологических и педагогических методик. В настоящее время существует несколько методик работы по профилактике рассматриваемых преступлений. В большинстве своем они представляют собой многоуровневую модель профилактики насильственного поведения, предназначенную для улучшения поведения учащихся. На первом уровне работники школы активно предоставляют универсальную психологическую, педагогическую и иные виды поддержки всем учащимся независимо от уровня психологического благополучия школьников; на втором — поддержка предназначена для учащихся, нуждающихся в дополнительном академическом, поведенческом или социально-эмоциональном вмешательстве; на третьем — поддержка предоставляется интенсивно индивидуально лицам, которые нуждаются в такой поддержке [12].

В ходе проведения психологического консультирования школьный работник выявляет существующие проблемы подростка; определяет объем и виды помощи, которые могут быть оказаны; определяет методику социально-психологической помощи ребенку в раскрытии и мобилизации его внутренних ресурсов; предлагает решения. Указанная работа должна помочь подростку раскрыть и мобилизовать внутренние ресурсы для решения проблем.

Немаловажным является развитие общего благоприятного психологического климата в школе, когда школьники чувствуют себя в безопасности, общаясь со сверстниками и работниками школы, и когда общение основано на принципах доверия и взаимоуважения. Необходимо совершенствовать психолого-поведенческие программы, которые направлены на профилактику эмоционального дисбаланса у школьников и преследуют прежде всего такие цели, как: а) редуцирование повседневной агрессии (физической, социальной, кибернетической) и ее проявлений. Основной целью такой программы является направление агрессии подростка в позитивные направления деятельности (например, спорт) и избежание развития деструктивной агрессии, связанной с причинением вреда, развитием суицидальных мыслей и др.; б) профилактика психологической замкнутости подростков, склонных к насилию, вовлечение их в общественную работу и др.; в) проведение полноценных психолого-психиатрических диагностик подростков со склонностью к агрессивному поведению с целью профилактики деструктивного поведения.

Проблема массовых убийств в образовательных организациях представляется достаточно актуальной в современном мире. Самой большой опасностью является то, что они совершаются в общеобразовательных организациях.

Среди наиболее часто встречающихся причин совершения массовых убийств в образовательных организациях выделяют нарушение социально-психологического взаимодействия подростков в семьях, образовательных организациях в совокупности с особенностями поведения таких лиц. Практика показывает, что начиная с 2010 года в

Российской Федерации феномен массовых убийств в образовательных организациях начинает развиваться с точки зрения качественных и количественных характеристик. По сути, в криминологической системе появился новый вид особо тяжких преступлений, вдобавок связанных с преступностью и виктимологией несовершеннолетних.

Среди основных характеристик массовых убийств в образовательных организациях мы выделяем: 1) подверженность социальному остракизму; 2) наличие признаков истероидности и нарциссизма в поведении; 3) склон-

ность к подражанию действиям других таких же преступников.

Необходимым элементом профилактики массовых убийств в образовательных организациях является сбалансированное взаимодействие специальных организаций, направленное на обеспечение психологического, педагогического поддержания личностной стабильности подростков. Особое внимание необходимо уделять индивидуальной психологической работе с подростками, имеющими психодеструктивные особенности или склонности к ним.

Список источников

1. Мартirosян С. А., Овруцкая Г. К., Безвербная Н. А. Скулшутинг в эпоху цифровизации // *Caucasian Science Bridge*. 2021. № 4 (14). С. 119–122.
2. Лукашкова И. Л., Яценко А. А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2021. № 2 (12). С. 337–339.
3. Гусев С. Н. Детерминанты совершения актов скулшутинга // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2022. № 3 (62). С. 15–20.
4. Levin, J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model. *American Behavioral Scientist*. 2009;52(9):1227-1245.
5. Милпоков С. Ф., Никуленко А. В. Силовое противодействие преступности несовершеннолетних: преодолевая табу // *Юридический вестник Самарского университета*. 2022. Т. 8, № 3. С. 77–87.
6. Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 1. С. 152–170.
7. Фромм Э. Душа человека / пер. с нем. В. Зака. Москва : АСТ : Астрель, 2011. 251 с.
8. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // *Суицидология*. 2021. № 4 (45). С. 16–30.
9. Гринсон Р. Р. Техника и практика психоанализа : пер. с англ. Москва : Когито-Центр, 2003. 418 с.
10. Ямщикова Е. Г. Развитие этико-педагогической компетентности педагога в условиях необходимости коррекции агрессивности у подростков // *Человек и образование*. 2018. № 1 (54). С. 53–58.
11. Ефимова М. П. Насилие в семье как негативная форма межкультурного взаимодействия // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 11 (203). С. 232–234.
12. Arrimada M., Torrance M., Fidalgo R. Response to intervention in first-grade writing instruction: A large-scale feasibility study. *Reading and Writing. An Interdisciplinary Journal*. 2022;35(4):943-969.

Информация об авторе

В. О. Карпов – соискатель ученой степени кандидата юридических наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Information about the author

V. O. Karpov – Applicant for a degree of Candidate of Science (Law) of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

Научная статья
УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Николай Валентинович КУЛИК¹, Артур Дмитриевич КИМ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ kulik-n@mail.ru

² arturkim4337@gmail.com

Аннотация. В статье описываются сущность и правовая природа принципа добросовестности. Анализируются условия его включения в различные сферы права и возможности интеграции в уголовное судопроизводство. На материалах судебной практики рассматриваются негативные последствия нарушения принципа добросовестности в действиях профессиональных участников уголовного судопроизводства. Отстаивается необходимость легализации принципа добросовестности в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, мораль, нравственные принципы, принцип добросовестности

Для цитирования: Кулик Н. В., Ким А. Д. К вопросу о принципе добросовестности в уголовном процессе // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 66–72.

Original article

ON THE ISSUE OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Nikolai V. KULIK¹, Arthur D. KIM²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ kulik-n@mail.ru

² arturkim4337@gmail.com

Abstract. The article describes the essence and legal nature of the principle of good faith. The conditions of its inclusion in various spheres of law and the possibility of its integration into criminal proceedings are analyzed. Drawing on the materials of judicial practice, the adverse effects of violating the principle of good faith in the actions of professional participants in criminal proceedings are considered. The necessity of legalizing the principle of good faith in criminal proceedings is upheld.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, morality, moral principles, the principle of good faith

For citation: Kulik N. V., Kim A. D. On the issue of the principle of good faith in criminal proceedings. Criminalist. 2023;4(45):66-72. (In Russ.).

Мораль играет важную роль в жизни человека. Она является первоосновой, главным вектором ориентации человека в социуме. Практически все сферы человеческого бы-

тия, в том числе и правовая сфера, оказываются под ее воздействием. Поэтому этизация правовой действительности неизбежна, так как способствует движению права к «идее правового прогресса», формированию его более зрелой формы — права гуманистического [1, с. 13].

© Кулик Н. В., Ким А. Д., 2023

Интерес к изучению различных аспектов взаимодействия морали и права возник достаточно давно. В разные исторические периоды со стороны исследователей личных сфер гуманитарного знания под разными углами зрения данные феномены довольно тщательно исследовались.

В последнее время к исследованию потенциала взаимодействия морали и права как важного фактора совершенствования непосредственно правоприменительной деятельности наблюдается повышенный интерес. Отмечается наступление нового этапа теоретического этико-правового осмысления моральных ценностей в процессе правоприменительной деятельности, ее основ, идеалов и принципов [2, с. 4].

Одной из центральных идей, являющейся проводником нравственности в право, является добросовестность.

Природу и сущность добросовестности как одного из базовых принципов правосознания, а также ее гуманистический потенциал и социальную ценность продемонстрировал в своей работе Д. В. Дождев [3]. Им подробно исследован латинский юридический термин *bonafides*, означающий «честные средства», «добрые услуги», «добросовестность» и выражающий моральную честность, веру в правдивость.

Еще Цицерон в своем сочинении «Об обязанностях», рассуждая о недопустимости коварства и обмана (*fraus* и *dolus* — антиподы *bonafides*) в социальных отношениях, сетовал на слабость позитивного права для обуздания этих пороков (*Cic., de off., 3, 17, 69*)¹.

Добросовестность можно с уверенностью отнести к вечной, универсальной идее, некой абсолютной правовой константе. В работах ученых данная идея представлена как основополагающее начало, общеправовой принцип, презумпция [4, с. 28].

Практически все, кто приступал к изучению добросовестности, указывают на ее несомненную ценность и вместе с тем чрезмерно многоаспектный, абстрактный и оценочный характер. Так, исследователи отмечают: «Повсеместно судебная практи-

ка стремится свести понятие добрых нравов, или публичного правопорядка, к наглядным принципам, выделить его в особую группу прецедентов, разработать специальные критерии для определения этого понятия, чтобы максимально избежать неконкретного и иррационального в его содержании, что неизбежно присуще любой общей оговорке» [5, с. 79–80].

Широта охвата данной категорией общественных отношений и широта применимых к ней методов юридической техники делают ее универсальной и позволяют говорить о добросовестности как общетеоретической категории. Это дает основание относить добросовестность к числу универсальных принципов российского права, демонстрирует высокую степень вовлечения данного принципа в отрасли и институты российской правовой системы [6, с. 26].

Как известно, общественная нравственность и ее нормы относятся к базовым ценностям российской государственности [7, с. 23].

Полагаем, что в условиях фундаментального идеологического разлома, утраты нравственных ориентиров, дискредитации государства и его институтов необходимо усилить правотворческую работу государства (позитивация и легитимация нравственных императивов в текстах нормативных актов, судебной практике, правовой доктрине) в уголовном процессе, традиционно являющемся зоной повышенного внимания и ответственности со стороны государства.

По вопросу важности и ценности для права такой категории, как добросовестность, наблюдается редкое единство ученых, большая часть которых считает ее ведущим принципом российского права [8, с. 388].

На сегодняшний день добросовестность находит применение как в частных отраслях российского права, например в гражданском праве², так и в публичных отраслях, например в административном³.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : текст с изм. и доп. на 24 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный

¹ Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993. URL: <https://antientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423775001> (дата обращения: 10.09.2023).

Вместе с тем ряд авторов в свое время критически оценивали возможность закрепления в гражданском праве такого принципа, как добросовестность, ссылаясь на следующие аргументы. «Во-первых, довольно сложно дать всеохватывающее определение добросовестности, учитывая разнообразие ситуаций и ее многовариантные формы проявления. Во-вторых, существующие в юридической науке понятия далеко не всегда находят закрепление в законе, но вместе с тем закрепляются конкретные формы их проявления, способы реализации, гарантии их обеспечения (например, „презумпция невиновности“ и др.). В-третьих, в случае неточной законодательной формулировки (а это неизбежно для такого сложного понятия) у правоприменителей может преобладать нормативистский, механический подход к праву, и вместо применения добросовестности как принципа права они будут использовать его строго в рамках данного определения в ГК РФ» [9, с. 5]. В связи с этим высказывалось мнение, что понятие добросовестности должно оставаться открытым, а конкретное наполнение ему будут давать нормы закона по его реализации и судебная практика [10, с. 35].

Безусловно, оценка различного рода правовых ситуаций с точки зрения добросовестности — процесс нелегкий, однако это не дает оснований усомниться в абсолютности ее содержания как некоего объективного мерила¹.

На наш взгляд, лучшим доказательством того, что идея добросовестности была признана значимой и необходимой, является ее закрепление в законодательстве Российской Федерации. В этой связи полагаем, что процесс включения категории добросовестности в сферу уголовно-процессуальных правоот-

закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : текст с изм. и доп. на 4 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Добросовестность как объективное мерило — идеальные, желаемые правоотношения, в рамках которых их участники придерживаются такого поведения, которое не расходится с социальным идеалом. См.: Гаджиев Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54 — 62.

ношений также естественен и неизбежен. Однако уже сейчас как ученым-теоретикам, так и практикам следует обратить внимание на те проблемы, которые неизбежно возникнут в связи с этим, и объединить свои усилия для их решения.

Прежде всего, полагаем, что понятие добросовестности нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении и тщательной проработке для получения однозначной и общепризнанной наукой уголовного процесса дефиниции. Отдельного внимания заслуживают вопросы соотношения таких понятий, как «злоупотребление правом», «недобросовестное поведение», «неэтичное поведение» и т. д.

Рассматривая различные точки зрения по вопросу дефиниции добросовестности, сформулированные в отечественной и зарубежной доктрине, а также раскрывая ее различные проявления в деятельности лица, О. В. Желева приходит к выводу о необходимости закрепления в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) механизмов и правовых средств, во-первых, гарантирующих осуществление участниками уголовного судопроизводства принадлежащих им прав без злоупотреблений с их стороны, во-вторых, предусматривающих контроль со стороны органов государственной власти и должностных лиц за соблюдением субъектами условий и порядка правореализации [11, с. 43].

В настоящее время идея добросовестности в уголовном судопроизводстве реализуется посредством применения ряда актов Конституционного Суда Российской Федерации², Пленума Верховного Суда Россий-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухаметшина Аниса Нигматулловича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 219-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ской Федерации¹, судебных решений, принятых в ходе уголовного судопроизводства, чего, однако, недостаточно для целей эффективного регулирования уголовно-процессуальных отношений.

В связи с тем, что изменились требования общества к уголовно-процессуальной деятельности, причем не только к ее результатам, но и к процедуре осуществления, как верно отмечает О. И. Даровских, целесообразно разработать модель тех основных исходных идей, основных правил, в которых бы воплощалась сущность именно эффективной деятельности в рамках урегулирования определенных общественных отношений [12, с. 92].

Анализ критериев признания деятельности эффективной позволил автору разработать и обосновать дополнительную систему специфических принципов, соблюдение которых гарантирует производство именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности. К их числу О. И. Даровских справедливо относит и принцип добросовестности (недопустимости злоупотребления правом), приводя убедительные доводы в пользу данной точки зрения.

Так, О. И. Даровских указывает, что такой категории, как добросовестность, присущи в том числе и все признаки и свойства принципа: высокая степень общности; действие на протяжении всего уголовного судопроизводства; согласованность и связи с другими принципами; нормативно-правовой характер; выражение господствующих в государстве политических и правовых идей, касающихся способов осуществления судопроизводства по уголовным делам; возможность применения в качестве критерия законности действий и решений [12, с. 104].

¹ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 1967 г. № 35 : текст с изм. и доп. на 6 февр. 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как большинством исследователей, так и нами поддерживается предложение о закреплении в нормах главы 2 УПК РФ принципа добросовестности. Полагаем, что следует предусмотреть положение об обязанности всех участников уголовного судопроизводства добросовестно использовать предоставленные им процессуальные права, отдельно указать, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, не допускается и влечет за собой для этих лиц предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом неблагоприятные последствия.

Как полагают некоторые исследователи, «представляется верным, чтобы каждый возможный случай злоупотребления правом был предусмотрен в конкретной уголовно-процессуальной норме с указанием, какие последствия для участников уголовного судопроизводства будут иметь место при осуществлении того или иного злоупотребления правом. Никто не мешает законодателю при появлении новых способов злоупотребления правом вносить изменения в УПК РФ» [10, с. 34 – 40].

В выяснении вопросов добросовестности и выработке способов реагирования судебная практика будет иметь важнейшее значение². Полагаем, что именно судебная практика предоставляет широкую возможность для анализа ситуаций, связанных как со злоупотреблением правом, так и с другими формами проявления недобросовестности. Так, практика рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей знает огромное количество примеров, когда из-за множественности нарушений, характерных для данной формы судопроизводства, которые стороны сознательно допускали, вышестоящие суды отменяли приговоры, постановленные на основании вердикта присяжных.

² Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на ряд критериев наличия злоупотребления правом. См.: По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, в ходе рассмотрения одного из уголовных дел судом с участием присяжных заседателей представители сторон неоднократно нарушали требования закона о надлежащем поведении. Сторона обвинения задавала свидетелям наводящие вопросы. Адвокаты порочили доброе имя свидетелей и допускали высказывания обвинительного характера в их адрес. В ходе прений сторона защиты сообщала присяжным заседателям, что доказательства, представленные стороной обвинения, получены незаконно, посредством подтасовки и фальсификации. Несмотря на то что председательствующий неоднократно делал сторонам замечания, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что допущенные нарушения ввиду своей систематичности повлияли на содержание данных присяжными заседателями ответов¹. Указанный пример не единичен, а скорее типичен для судебной практики рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. При этом недобросовестные действия одной из сторон дают моральное право другой поступать аналогичным образом. Профессиональные участники процесса знают о запрете, установленном уголовно-процессуальным законом (ч. 8 ст. 335 УПК РФ), но сознательно пытаются увеличить в ходе судебного разбирательства поток информации о личности участников, отодвинуть границы допустимых пределов в свою сторону: государственного обвинителя интересует криминальное прошлое, пороки подсудимого, аморальный способ заработка и т. д., а защиту, соответственно, наоборот — его добрая репутация, дети и старики на иждивении, тяжелая жизненная ситуация, вынудившая пойти на совершение преступления, пороки потерпевшего.

Как отмечает в своей работе О. Д. Чистилина, «стороны целенаправленно идут на подобные нарушения, так как фактически не несут за это серьезной ответственности. Это действительно является проблемой на практике, что подтверждают результаты

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 2016 г. № 19-АПУ16-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проведенного исследования, согласно которым 89 % правоприменителей считают, что необходимо ужесточить санкции для сторон уголовного процесса, систематически нарушающих процессуальный порядок» [13, с. 111].

Особого внимания в контексте закрепления и реализации принципа добросовестности в уголовном судопроизводстве заслуживают разнообразные формы и способы незаконного воздействия на коллегия присяжных заседателей. Например, по одному из уголовных дел в суд явились несколько человек, очевидно, с целью поддержать подсудимых и воздействовать на присяжных. Они сели в первом ряду, демонстрировали присяжным свои тюремные татуировки. По другому уголовному делу родственники потерпевших демонстрировали присяжным портреты погибших. При рассмотрении одного из уголовных дел судом с участием присяжных заседателей подсудимый зашил себе рот и в таком виде предстал перед коллегией присяжных [14, с. 85–88].

Иногда стороны прибегают и к более изощренным способам воздействия на коллегия присяжных заседателей, характеризующимся как недобросовестность, которые судье достаточно сложно пресечь.

Например, защитник с целью отвлечения внимания присяжных заседателей в самый ответственный момент в ходе процесса с шумом открывает предварительно взболтанную бутылку с газированной водой либо использует специальную ручку, которая при нажатии на кнопку разлетается на отдельные части в радиусе нескольких метров [15, с. 24].

Не исключены ситуации недобросовестного поведения одной из сторон, связанные с организацией судебного процесса с участием присяжных. Например, при вызове стороной обвинения в суд определенного специалиста, который прибывает из другого региона, адвокат в указанное время не является (мотивируя это неожиданным ухудшением самочувствия, срочной командировкой, забывчивостью), и судебное заседание откладывается.

Известны практике и такие недобросовестные действия сторон, как манипуляция

с внешним видом участников процесса, создание для коллегии присяжных ложного образа либо «лакировка» образа того лица, которое находится на скамье подсудимых¹. Например, присяжные заседатели жалели подсудимых — «юных химиков», вчерашних студентов, у которых «вся жизнь впереди», старательно придерживавшихся образа типичного студента-«ботаника», в то время как эти благообразные юноши обвинялись в изготовлении крупной партии наркотиков и были в этом деле явно не новичками. Позволим себе в этой связи привести высказывание Н. А. Бердяева: «Самым опасным является не очевидное зло, а то, которое прикрито ложью и обманом, когда соблазняет „добром“» [16, с. 270].

Для формирования односторонней оценки случившегося, дискредитации работы правоохранительных органов по конкретному уголовному делу, негативной характеристики свидетелей, потерпевших довольно часто используются СМИ и ресурсы сети «Интернет». Например, по одному из уголовных дел подсудимый, признанный на основании вердикта присяжных заседателей невиновным, перед повторным судебным разбирательством совместно с защитником активно давал интервью местным журналистам, в которых излагал свою версию произошедшего, анализировал и оценивал доказательственную информацию стороны обвинения, негативно высказывался о работе лиц, проводивших расследование по делу. С учетом того, что СМИ и ресурсы сети «Интернет» оказывают значительное влияние на уголовный процесс, а такое явление, как «фейк», стало обыденностью, необходима разработка более упорядоченных и детализированных «правил игры», мерилom в которых должен быть принцип добросовестности.

¹ Например, недорогая, «скромная» одежда, по утверждению адвоката, поможет убедить судью в непричастности клиента к экономическим преступлениям, а дорогая и модная спровоцирует женщину-судью на вынесение необъективного решения «из зависти». См.: Как нужно одеваться в суд и как не нужно. Советуют адвокаты. URL: <https://dzen.ru/a/YTh1yh5ql250RzO9>. Дата публикации: 8 сентября 2021 г. (дата обращения: 19.06.2023).

Отдельно стоит отметить, что если созданный для конкретного участника процесса образ был разрушен и присяжные заседатели понимают, что их хотят ввести в заблуждение, то обычно к представителям данной стороны они утрачивают доверие и к ее суждениям и доводам относятся критически.

Полагаем, что присяжные заседатели в указанных ситуациях интуитивно чувствуют, что стороны в суде обязаны поступать добросовестно, так как доверие является важной основой социальных отношений, содержащей уверенность в порядочности другого человека. Без этой основы в праве невозможно в принципе движение к справедливости.

Рассматривая добросовестность как некий предел осуществления права, О. В. Желева справедливо отмечает его нацеленность на преодоление безответственной реализации прав участниками уголовного судопроизводства, а также на разрешение возможного конфликта интересов при отсутствии или неопределенности правовых норм [17, с. 191].

Таким образом, назрела насущная потребность в создании единой доктрины борьбы с различного рода злоупотреблениями правом и недобросовестным поведением, в выработке эффективного правового механизма по противодействию данному явлению в уголовном процессе. На фоне расширения применения института суда присяжных в России тщательной научной проработки требуют также вопросы незаконного воздействия на коллегию присяжных и недопустимого поведения участников процесса в данной форме судопроизводства.

Как справедливо отмечал В. Т. Томин, «принципы вырабатываются не законодателем. Законодатель получает их в готовом виде. Принципы вырабатываются наукой. Абстрагирование общих положений из объективной реальности — это функция научного мышления... После того, как принцип закреплен в законе, его воздействие на право и практическую деятельность усиливается» [18, с. 195].

Список источников

1. Лукьянова Н. Г. Право и мораль как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека : монография. Пенза : РИИ-КМБ, 2006. 178 с.
2. Никифорова О. Б. Этические проблемы правоприменения : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Никифорова Ольга Борисовна. Саратов, 2007. 22 с.
3. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип. URL: http://igpran.ru/public/articles/Dojdev.Bona_fides.pdf (дата обращения: 19.06.2023).
4. Корнеев О. С. Добросовестность поведения субъекта, занимающего доминирующее положение на товарном рынке, при осуществлении им субъективных гражданских прав в договорных отношениях // Предпринимательское право. 2013. № 2. С. 26–30.
5. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 1. Основы. Пер. с нем. Москва : Международные отношения, 2000. 480 с.
6. Федин И. Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 27–30.
7. Овчинникова А. И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 20–25.
8. Поляков М. А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 385–389.
9. Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2 (18). С. 4–10.
10. Юмашев Н. С., Юмашев А. Н., Солопов Н. С. О принципе добросовестности, обходе закона и запрете злоупотребления правом в нормах гражданского и уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2015. № 15. С. 34–40.
11. Желева О. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе как способ противодействия достижению объективной истины по делу // Уголовная юстиция. 2018. № 1. С. 41–45.
12. Даровских О. И. Обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности : монография. Челябинск : Южно-Уральский гос. ун-т, 2021. 240 с.
13. Чистилина Д. О. Полномочия председательствующего в суде с участием присяжных заседателей : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 186 с.
14. Багаутдинов Ф. Н., Мингалимова М. Ф. Прокурор в суде с участием присяжных заседателей : учеб. пособие. Казань : Изд-во Акад. наук Республики Татарстан, 2022. 114 с.
15. Беляев М. В. О некоторых способах воздействия на восприятие присяжными заседателями процессуальной информации // Российский судья. 2017. № 5. С. 23–27.
16. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности : избр. тр. Москва : Моск. психолого-социальный ин-т, 1999. 310 с.
17. Желева О. В. Добросовестность и разумность как пределы осуществления субъективных прав в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 186–191.
18. Томин В. Т. О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института охраны общественного порядка при МООП РСФСР. Москва : [б. и.], 1965. Вып. 12. С. 192–201.

Информация об авторах

Н. В. Кулик – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А. Д. Ким – студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

N. V. Kulik – Associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

A. D. Kim – Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКАЗ СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

Ярослав Владимирович МАЛЫШЕВ

Второй отдел (апелляционно-кассационный) (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге) апелляционно-кассационного управления Главного гражданско-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, am5581272@gmail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории развития российского уголовного законодательства об ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний. Отказ от дачи показаний свидетеля или потерпевшего как самостоятельный состав преступления был выделен относительно поздно, при этом попытки конструирования данного состава преступления появились в российском законодательстве уже в конце XV века. Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний сформировался в самостоятельный состав преступления, когда уголовно-правовые меры защиты правосудия в целом развились в устойчивую и эффективную систему.

Ключевые слова: отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, правосудие, уголовная ответственность, история развития российского уголовного законодательства

Для цитирования: Малышев Я. В. История развития российского законодательства об ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний // Криминалистъ. 2023. № 4 (45). С. 73–77.

Original article

THE BACKGROUND OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR THE REFUSAL OF A WITNESS OR A VICTIM TO TESTIFY

Yaroslav V. MALYSHEV

Second Appeal and Cassation Division (based in St. Petersburg) of the Appeals and Cassation Department of the Civil Courts Directorate-General of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, am5581272@gmail.ru

Abstract. This article is devoted to the history of the development of Russian criminal legislation on liability for the refusal of a witness or a victim to testify. Refusal to testify by a witness or a victim was singled out as an independent offence relatively late, while attempts to construct *corpus delicti* of this crime appeared in Russian legislation as early as the end of the 15th century. Refusal of a witness or a victim from testimony was formed into an independent crime when the criminal law measures for the protection of justice as a whole developed into a stable and effective system.

Keywords: refusal of a witness or victim to testify, justice, criminal liability, history of the development of Russian criminal law

For citation: Malyshev Ya. V. The background of the Russian legislation on responsibility for the refusal of a witness or a victim to testify. Criminalist. 2023; 4(45):73-77. (In Russ.).

Общественная опасность преступлений против правосудия в государстве, на конституционном уровне провозгласившем себя

правовым, определяется значимостью деятельности судов и иных правоохранительных органов как гарантов соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

© Малышев Я. В., 2023

В целях обеспечения эффективного осуществления правосудия установлена ответственность за преступления, посягающие на него, которые определяются как совокупность общественно опасных деяний, препятствующих отправлению правосудия, расследованию и пресечению преступлений. Одним из таких преступлений является отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Для решения существующих проблем применения ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации, на наш взгляд, необходимо изучить историю закрепления законодателем данного деяния в качестве преступного. В этой связи интересно изучить эволюцию законодательства в отношении ответственности лиц, пытающихся скрыть от правосудия известные им сведения о совершении общественно опасного деяния.

В отличие от других преступлений, посягающих на деятельность органов правосудия, отказ от дачи показаний свидетеля или потерпевшего как самостоятельный состав преступления был выделен относительно поздно.

Например, ответственность за заведомо ложное обвинение была установлена уже Русской Правдой (ст. 20): «тот, кто клепал» при опровержении обязан заплатить князю 1 гривну. Судебником 1497 года вводится ответственность за лжесвидетельство. Элементы состава преступления отказ свидетеля (в XV веке — видока или послуха) от дачи показаний стали формироваться с возрастанием необходимости доказывания уголовно-правовыми средствами, в отличие от формальных презумпций достоверности доказательств, таких как испытание железом, водой, поединок. Пытка являлась одним из самых распространенных и эффективных средств получения доказательств.

Как указывает И. В. Стрыгина, значимость и необходимость показаний свидетелей как одного из весомых видов доказательств при возбуждении уголовного дела стала очевидна для законодателя на момент принятия Судебника 1497 года. К свидетелю за неявку в суд без уважительной причины согласно ст. 50 Судебника 1497 года применялась существенная материальная ответственность, равная сумме иска, также свиде-

тель обязан был возместить все понесенные убытки и уплатить пошлины [1, с. 219]. То есть законодатель стал выделять как общественно опасное деяние, посягающее на интересы правосудия, не только ложные показания свидетелей, но и уклонение без уважительных причин от дачи показаний.

Принятие Соборного уложения 1649 года — следующий важный этап формирования законодательства, в том числе по исследуемому вопросу. Уложение описывает один из важнейших на тот период времени способ доказывания — повальный обыск, т. е. массовый опрос населения с целью установления свидетелей преступного деяния. Статья 164 главы X Соборного уложения гласит: «А которые люди при обысках учнут говороти, что они про то дело, про которое будет обыск, ничего не ведают, а иные люди их в том уличат, и ссыщется про допряма: и на тех людех за ложные их речи по тому же правити на Государя пеня, и наказание им чинити против того, как о том писано выше сего». То есть наказание за отрицание знания каких-либо сведений в отношении преступления уравнивалось с наказанием за лжесвидетельство (ст. 161 главы X Соборного уложения): уплата пени в доход государства в размере от 1 до 50 рублей, крестьяне подвергались битью, пострадавшему возмещались убытки: «и отдати тому, кому те убытки учинятся», а «ежели люди по таким лживым обыским будут пытаны, и тем пытаным людем, кто в обыску солжет, правити бесчестие и увечье вчетверо, что впредь не лгали»¹.

Первый в России уголовный кодекс — Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных — появился в 1845 году, и он по праву оценивается исследователями как одно из самых прогрессивных событий в законодательстве России. Система наказаний согласно Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года была достаточно громоздкой². Статья 298 Уложения 1845 года содержала положение об ответ-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. 1830 г. // Российская национальная библиотека : сайт. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 07.04.2023).

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1945 г. // Национальная электронная библиотека : сайт. URL: <https://viewer.rusneb.ru/>

ственности за неявку в указанный срок для дачи показаний. Н. А. Неклюдов считает, что составители проекта Уложения имели в виду наказание по данной статье не только за неявку свидетеля в суд, но любое уклонение свидетеля от дачи показаний или отказ от дачи показаний [2, с. 116].

В 1864 году были приняты Судебные уставы, в том числе Устав уголовного судопроизводства и Устав гражданского судопроизводства. Согласно ст. 94 Устава уголовного судопроизводства 1864 года муж или жена обвиняемого лица, а также родные его братья и сестры могут устранить себя от свидетельства, если не пожелают воспользоваться данным правом, то допрашиваются без призыва¹.

В статье 83 Устава гражданского судопроизводства 1864 года предусматривалось, что никто не имеет права отказываться от свидетельства, при этом данное правило не распространялось на некоторых лиц, в том числе родственников тяжущихся по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родных братьев и сестер. В статье 84 Закона названы лица, которые не допускались к свидетельству, к ним относились, в частности, супруги, дети, духовные лица не могли свидетельствовать «в отношении того, что им говорено на исповеди», поверенные или защитники обвиняемых. Указанные нормы, по сути, носят характер свидетельского иммунитета, хотя включены в процессуальные законы, и содержат перечень лиц, за исключением духовного лица, показания которых могут носить либо необъективный (родственники) либо сомнительный (умалишенные, малолетние) характер. Данные лица согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года не допускались к свидетельству, а вот согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 года родственники наделялись правом не давать показания в определенных законом случаях.

В 1866 году в связи с проведением Судебной реформы в России было пересмотрено

[ru/000199_000009_002889696?page=125&rotate=0&theme=white](https://rusneb.ru/000199_000009_002889696?page=125&rotate=0&theme=white) (дата обращения: 09.04.2023).

¹ Судебные уставы 1864 года : в 4 ч. // Национальная электронная библиотека: сайт. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003083173/ (дата обращения: 11.04.2023).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Н. А. Неклюдов в работе «Руководство к особенной части русского уголовного права», раздел «Критика преступлений сокрытия истины», называет главные недостатки норм об этой группе преступлений, такие как недостаточность и неполнота в определении составов преступлений: «...а иногда закон и вовсе не определяет состава преступления, ограничиваясь одним лишь названием имени запрещаемого под страхом наказания поступка (лжеприсяга, лжесвидетельство)» [2, с. 540]. Далее Н. А. Неклюдов пишет: «Скрыть истину можно двояко: исказив ее (т. е. выдумав не существующее или извратив действительное событие или обстоятельство) или умолчав о ней... Однако же с умолчанием об известных свидетелю обстоятельствах или с опущением таковых обстоятельств в показании не следует смешивать отказ от свидетельства, т. е. прямое, категорическое заявление свидетеля: „не буду свидетельствовать“; „знаю, но не хочу показывать об этом обстоятельстве“» [2, с. 541]. То есть Н. А. Неклюдов считает важным установить разные составы лжесвидетельства и отказа от дачи показаний, ссылаясь на опыт в том числе французского законодательства, которое различало данные составы преступлений и выделяло отказ от дачи показаний как самостоятельное преступление.

Тем не менее Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 года не содержало четкой формулировки состава отказа от дачи показаний. Н. А. Неклюдов полагал, что данному виду преступления более всего соответствует неявка свидетеля в суд².

² Некоторые современные исследователи считают, что форма отказа от дачи показаний может носить не явный характер, например, когда свидетель при даче показаний ссылается, что не обладает данными сведениями, не слышал, не видел и т. д. [3, с. 305]. По мнению других ученых, в случае, если лицо отрицает, что обладает сведениями об определенных фактах, это должно расцениваться не как отказ от дачи показаний, а как дача ложных показаний [4, с. 53]. П. С. Метельский полагает, что нельзя признать отказом от дачи показаний уклонение свидетеля от явки к следователю и т. д. Таким образом, форма выражения объективной стороны отказа от дачи показаний свидетелем и потерпевшим продолжает оставаться предметом дискуссии [5, с. 64].

Уголовное уложение 1903 года представляло собой более развитую систему норм, и в нем более четко описывались составы рассматриваемых преступлений. Так, в ст. 172 закреплялось: «Явившийся к следствию или суду в качестве свидетеля, понятого, сведущего лица или переводчика, виновный в отказе без уважительной причины исполнить свою обязанность, наказывается арестом на срок не меньше одного месяца или денежною пеней не свыше ста рублей»¹. Таким образом, в Уголовном уложении 1903 года впервые изложен самостоятельный состав отказа свидетеля исполнить свою обязанность перед судом и следствием по даче показаний.

Исторические события октября 1917 года значительно изменили вектор развития отечественного законодательства, в том числе норм о преступлениях против правосудия. Принятый в 1922 году Уголовный кодекс РСФСР не содержал соответствующей нормы об ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, а вот Уголовный кодекс РСФСР 1926 года предусматривал ответственность за уклонение свидетеля от явки по вызову органа дознания, следственного или судебного органа или отказ от дачи показаний, а равно воспрепятствование этой явке со стороны лица, от которого неявившийся является материально или по службе зависимым (ст. 92).

Дальнейшее развитие российского законодательства имело четкую тенденцию к более жесткой охране правоотношений в сфере отправления правосудия. Отказ свидетеля от дачи показаний стал расцениваться законодателем как серьезное противоправное, уголовно наказуемое деяние. Так, ст. 182 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года предусматривала ответственность за уклонение свидетеля от дачи показаний или эксперта от дачи заключения в судебном заседании либо при производстве предварительного следствия или дознания, а также за воспрепятствование явке свидетеля или потерпевшего или даче ими показаний².

¹ Новое Уголовное уложение. 1903 г. // Национальная электронная библиотека : сайт. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003714958?page=35&rotate=0&theme=white (дата обращения: 11.04.2023).

² Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Г. З. Анашкин, Х. М. Ахметшин, Г. Н. Борзенков

В комментариях к данной норме разъяснялось, что обязанностью свидетеля является сообщение судебным следственным органам об известных ему фактах (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР), уклонение свидетеля от дачи показаний состоит в невыполнении своих обязанностей путем уклонения по неуважительным причинам от явки по вызовам судебным следственным органам, что может выразиться в перемене или сокрытии своего места жительства, систематических неявках по вызову³.

Характерно, что советское законодательство не содержало каких-либо оговорок о возможности не давать показания в отношении себя, а также в отношении своих близких родственников. А в 1989 году с введением в действие Кодекса РСФСР об административных правонарушениях стала предусматриваться и административная ответственность свидетеля и потерпевшего за неявку в суд, законодатель признавал указанное правонарушение злостным. Фактически за одно и то же деяние свидетель мог быть привлечен как к административной, так и к уголовной ответственности. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях впервые ввел ответственность потерпевшего за неявку в суд.

Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых государств, принятый Межпарламентской Ассамблеей 17 февраля 1996 года, содержит состав отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 330). Положения Модельного Уголовного кодекса нашли отражение практически во всех уголовных законах стран Содружества, в том числе в Уголовном кодексе Российской Федерации. Необходимо отметить, что Модельный Уголовный кодекс является своеобразной уголовно-правовой моделью, из которой государства, принявшие Кодекс, выбирают наиболее подходящие положения и адаптируют их к своему национальному законодательству.

[и др.] ; отв. ред. Г. З. Анашкин, И. И. Карпец, Б. С. Никифоров. М., 1971. 560 с. // Национальная электронная библиотека : сайт. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005023293?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.04.2023).

³ Там же.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года предусмотрел ответственность за отказ не только свидетеля, но и потерпевшего от дачи показаний, и в ст. 308 появилось примечание, согласно которому лицо не подлежало уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников.

В 2013 году в ст. 308 УК РФ были внесены значительные изменения, введена ответственность за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Исследование истории российского законодательства об ответственности за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний позволяет сделать следующие выводы.

Процесс формулирования состава рассматриваемого преступления напрямую зависит от совершенствования форм уголовно-правовой защиты интересов правосудия. Генезис ответственности свидетеля за отказ от дачи показаний прослеживается в законодательных актах конца XV века, когда увели-

чилась значимость свидетельских показаний при возбуждении дела.

Состав отказа свидетеля от дачи показаний в качестве уголовно наказуемого деяния впервые был включен в уголовный закон только в 1903 году. В целом составы преступлений против правосудия и состав отказа определенных законом лиц от свидетельствования в частности наиболее жестко и последовательно стали формулироваться в законодательстве советского периода. При этом советское законодательство содержало нормы не только об уголовной, но и административной ответственности за отказ свидетеля от дачи показаний.

Состав отказа потерпевшего от дачи показаний впервые был закреплен в ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года.

Современное российское законодательство преодолело коллизию норм административного и уголовного права, установило свидетельский иммунитет, однако существующие проблемы применения ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации требуют дальнейшей глубокой проработки и совершенствования рассматриваемой нормы.

Список источников

1. Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 218–223.
2. Руководство к особенной части русского уголовного права / [Соч.] магистра права Н. А. Неклюдова. 4 т. Т. 4. Соккрытие истины; соккрытие своей личности; лжеприсяга и лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка. Москва : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. 584 с.
3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с. (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса).
4. Намнясева В. В. Проблемные вопросы уголовной ответственности за отказ от дачи показаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 49–60.
5. Метельский П. С. Уголовно-правовая характеристика отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (статья 308 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 9, вып. 1. С. 61–65.

Информация об авторе

Я. В. Мальшев – прокурор второго отдела (апелляционно-кассационного) (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге) апелляционно-кассационного управления Главного гражданско-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

Ya. V. Malyshev – Prosecutor of the Second Appeal and Cassation Division (based in St. Petersburg) of the Appeals and Cassation Department of the Civil Courts Directorate-General of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОБОРОТА
УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виктор Иванович МОРОЗОВ¹, Сергей Геннадьевич ЛОСЕВ²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ v.i.morozov@utmn.ru

² klo561@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам регулирования оборота квот на выбросы парниковых газов в России и мире. Кратко анализируются действующие международные соглашения относительно квот на выбросы парниковых газов, а также российское законодательство, регламентирующее оборот углеродных единиц. Рассматриваются проблемы, связанные с нарушением норм уголовного, налогового и экологического законодательства в России и за рубежом. Страны Западной Европы уже второй десяток лет сталкиваются с правонарушениями в рассматриваемой сфере. Предлагаются варианты решения проблемы ответственности за мошенничество с данными квотами.

Изложенные в статье предложения могут быть использованы в отечественном правотворчестве. Особую актуальность выбранной темы обуславливают недавние изменения в отечественном законодательстве, направленные на создание рынка обмена углеводородными квотами. В качестве методов исследования использовались анализ действующего законодательства Российской Федерации, анализ источников, находящихся в открытом доступе.

Ключевые слова: оборот углеродных единиц, борьба с выбросами парниковых газов

Для цитирования: Морозов В. И., Лосев С. Г. К вопросу о механизме уголовно-правовой охраны оборота углеродных единиц в Российской Федерации // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 78 – 84.

Original article

REVISITING THE ISSUE OF MECHANISM FOR CRIMINAL LAW PROTECTION
OF THE CARBON UNITS TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION

Viktor I. MOROZOV¹, Sergey G. LOSEV²

^{1,2} Tyumen State University, Tyumen, Russia

¹ v.i.morozov@utmn.ru

² klo561@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of quotas turnover regulation for greenhouse gas emissions in Russia and worldwide. It briefly analyzes the existing international agreements on the quotas for greenhouse gas emissions, as well as the newly adopted Russian legislation regulating the carbon units turnover. Under consideration are the problems related to the violations of criminal law rules, tax and environmental legislation in Russia and abroad. The countries of Western Europe have been well into their second decade facing the problems of offences in the sphere considered. The ways of solving the problem of responsibility for quotas-related fraud are offered.

The proposals put forward in the article can be used in the national lawmaking. Special relevance of the chosen theme is determined by recent changes in the Russian legislation, aimed at creating a hydrocarbon quotas exchange market. The methods used for the research were the analysis of the current legislation of the Russian Federation and the analysis of publicly available sources.

© Морозов В. И., Лосев С. Г., 2023

Keywords: carbon units turnover, fight against greenhouse gas emissions

For citation: Morozov V. I., Losev S. G. Revisiting the issue of mechanism for criminal law protection of the carbon units turnover in the Russian Federation. *Criminalist*. 2023;4(45):78-84. (In Russ.).

В настоящее время России для полноценного участия в международной торговле углеродными единицами требуется создание национальной системы учета углеродных выбросов и обмена углеродными квотами, что обуславливает необходимость формирования соответствующей нормативно-правовой базы. Принимая во внимание международный опыт, считаем уместным рассмотреть вопрос о включении охранительных норм в уголовное законодательство.

В мире сложился научный консенсус относительно угрозы глобального потепления, вызванного так называемыми парниковыми газами. Для сокращения их выбросов внедряются административные и экономические меры.

К числу административных мер относится введение технических регламентов и нормативов, нормирование расходования ресурсов и т. д. К числу экономических мер следует отнести введение «углеродных» налогов, субсидирование «чистых» технологий и систему торговли квотами на выбросы парниковых газов.

Существуют национальные и международная системы торговли углеродными квотами. Мировой углеродный рынок достаточно емкий: стоимость проданных в мире разрешений на выбросы парниковых газов в 2021 году составила 760 млрд евро (\$851 млрд)¹. Наиболее значимой в настоящее время является Европейская схема торговли выбросами (European Union Emission Trading Scheme, EUETS). Китай несколько лет занимается созданием и развитием собственного национального углеродного рынка [1, с. 67–74].

¹ Refinitiv: стоимость мировых углеродных рынков в прошлом году выросла до рекордных \$851 млрд // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/green_finance/news/2022/02/01/907277-refinitiv-stoimost-mirovih-uglerodnih-rinkov-v-proshlom-goduviroslo-do-rekordnih-851-mlrd. Дата публикации: 1 февраля 2022 г. (дата обращения: 10.05.2023).

В 1992 году в Рио-де-Жанейро была заключена Рамочная конвенция ООН об изменении климата, которая заложила основы международной торговли квотами на выбросы парниковых газов. Страны, которые присоединились к Конвенции, делились на три категории:

страны, которые приняли на себя обязательства по ограничению выбросов (перечислены в приложении I Рамочной конвенции ООН об изменении климата);

экономически развитые страны, которые приняли на себя обязательства по оказанию помощи развивающимся странам (перечислены в приложении II Рамочной конвенции ООН об изменении климата);

развивающиеся страны.

Идея торговли квотами на выбросы парниковых газов была использована при создании Киотского протокола в рамках реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата, подписанного в г. Киото 11 декабря 1997 года, который вступил в силу с февраля 2005 года. Именно положения этого документа определяют механизм углеродного рынка, который изложен в ст. 6, 12 и 17 Киотского протокола.

В пункте 10 ст. 3 Киотского протокола закреплено положение, что страны – участницы соглашения имеют возможность добавлять к своим объемам углеродных выбросов объемы, приобретенные у другой страны.

Согласно положениям ст. 6 Киотского протокола страна, включенная в приложение I Рамочной конвенции ООН об изменении климата, может передавать любой другой такой же стране или приобретать у нее единицы сокращения выбросов, которые получены по результатам реализации проектов по сокращению выбросов.

В ходе Парижской конференции по климату, которая проходила с 30 ноября по 12 декабря 2015 года, было принято Парижское соглашение, которое практически не содержит в себе норм, которые бы регули-

ровали торговлю квотами на выбросы парниковых газов.

Можем предположить, что основным побудительным мотивом для участия России в проектах по сокращению выбросов парниковых газов является возможность участвовать в торговле углеродными квотами [2, с. 48].

Федеральным законом от 2 июля 2021 года № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», который регулирует правоотношения в сфере контроля выбросов парниковых газов на территории России, введен новый объект имущественных прав — углеродная единица, выраженная в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа, а также предусмотрено обращение углеродных единиц на рынке путем их зачета.

Также Россия проводит эксперимент по ограничению выбросов. Одним из субъектов Российской Федерации, в котором с 1 сентября 2022 года по 31 декабря 2028 года включительно будет проводиться эксперимент, является Сахалинская область. Для регулирования проведения эксперимента принят Федеральный закон от 6 марта 2022 года № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации».

Также 30 апреля 2022 года было принято постановление Правительства Российской Федерации № 790 «Об утверждении Правил создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц», которое должно действовать до 1 сентября 2028 года. Постановлением регулируются создание и порядок ведения реестра углеродных единиц.

Всего в настоящее время в России принято два закона, регламентирующих отношения в сфере углеродного рынка, и около полутора десятков соответствующих постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации и нормативных актов подчиненных ему ведомств¹.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 мая 2022 года № 905 (ред. от 28 сентября 2023 г.) «Об утверждении формы типового договора на оказание оператором услуг по проведению операций в реестре углеродных единиц», от 24 марта 2022 года № 455 «Об утвержде-

Можно констатировать, что в России создана и продолжает совершенствоваться нормативно-правовая база для национальной системы ограничения выбросов парни-

дении Правил верификации результатов реализации климатических проектов», от 29 октября 2022 года № 1924 «О представлении обязательной отчетности региональных регулируемых организаций», от 18 августа 2022 года № 1441 «О ставке платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области», от 29 октября 2022 года № 1924 «О представлении обязательной отчетности региональных регулируемых организаций», от 5 августа 2022 года № 1390 «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за превышение квоты выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории Сахалинской области», от 20 апреля 2022 года № 708 «Об определении координатора эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов на территории отдельных субъектов Российской Федерации», от 16 апреля 2022 года № 678 «Об установлении периода, за который осуществляется инвентаризация выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов в целях определения баланса выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов на территории Сахалинской области», распоряжения Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 года № 3240-р [Об утверждении важнейшего инновационного проекта государственного значения «Единая национальная система мониторинга климатически активных веществ» и плана мероприятий («дорожной карты») по реализации его первого этапа (2022–2024 годы)], от 19 августа 2022 года № 2349-р [О концессионном соглашении в отношении реестра углеродных единиц с АО «Контур»], приказы Минэкономразвития России от 24 августа 2022 года № 452 «Об утверждении методики определения проектируемых квот выбросов парниковых газов в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации», от 29 июня 2022 года № 340 «Об утверждении порядка представления уполномоченным органом отчета о результатах мониторинга реализации программы проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации и формы такого отчета», от 6 мая 2022 года № 247 (ред. от 30 июня 2023 г.) «Об утверждении порядка отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к региональным регулируемым организациям в рамках проведения эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

ковых газов, включая регулирование обмена (торговли) квотами на выбросы.

В числе правовых норм, касающихся оборота углеродных единиц в России, нет тех, которые бы предусматривали ответственность за правонарушения в этой сфере. В самом законе об ограничении выбросов парниковых газов отсутствуют даже бланкетные нормы, устанавливающие какую-либо ответственность, хотя для отечественного законодателя характерно определение общих условий ответственности в заключительной части регулятивных законов. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, дополнить Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» ст. 13.1 в следующей редакции:

Статья 13.1. Ответственность за нарушения закона

Лица, виновные в нарушении требований настоящего Федерального закона, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность.

Еще в 2013 году, основываясь на зарубежном опыте, И. В. Лукашенко обращала внимание на риски правонарушений в сфере оборота углеродных единиц [2, с. 53].

Можно выделить следующие группы правонарушений в сфере оборота углеродных единиц:

правонарушения, связанные с введением углеродной единицы в гражданский оборот;

правонарушения, совершаемые в отношении углеродных единиц, уже введенных в оборот.

Что касается правонарушений в сфере введения углеродных единиц в гражданский оборот, то, исходя из признаков объективной стороны и субъекта данных правонарушений, их, в свою очередь, можно подразделить на две группы.

Во-первых, это нарушения, связанные с предоставлением хозяйствующими субъектами недостоверной информации для внесения в реестр углеродных единиц.

Во-вторых, это нарушения сотрудников оператора реестра углеродных единиц, которые вносят недостоверную информацию в реестр.

Что касается группы нарушений, связанных с предоставлением хозяйствующими субъектами недостоверной информации для

внесения в реестр углеродных единиц, то можно отметить, что сведения о состоянии углеродного загрязнения могут выступать объектом манипуляции в силу того, что, если изначально завышать данные показания, в дальнейшем можно или «растянуть» время перехода к «безуглеродным» технологиям, или использовать неостребованные квоты для реализации другим хозяйствующим субъектам. Уже имеется практика, когда недобросовестные владельцы предприятий путем отключения очистных сооружений получают заведомо завышенные показатели выброса парниковых газов, что в дальнейшем позволяет заявлять о сокращении антропогенных выбросов, просто включив эти сооружения.

В качестве примера можно назвать мошенническую схему с квотами, использованную владельцами фирмы «Галополимер» [3]. Она заключалась в том, что на заводах компании отключали системы очистки для увеличения выбросов газов с тем, чтобы завышенные показатели были зафиксированы, после чего предприятие брало на себя обязательства по реализации проектов, направленных на сокращение таких выбросов.

Представляется, что в целях совершенствования уголовно-правового механизма охраны общественных отношений от подобных деяний необходимо ужесточить ответственность за умышленное завышение данных об антропогенных выбросах, внести изменения в ст. 251 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающую ответственность за загрязнение атмосферы, в том числе сопряженное с нарушением правил эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, дополнив эту норму квалифицирующим признаком «в целях фальсификации сведений об углеродных выбросах». Часть 2 ст. 251 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции:

2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью человека или совершенные в целях фальсификации сведений, вносимых в российский реестр углеродных единиц.

К нарушениям сотрудников оператора реестра углеродных единиц можно отнести

умышленное искажение предоставляемых им сведений, в том числе как часть мошеннических схем, связанных с реализацией углеродных квот. При этом привлечь их к ответственности за умышленное внесение заведомо ложных сведений в реестр достаточно проблематично.

Ответственность таких лиц по ст. 292 УК РФ невозможна, так как они не обладают признаками субъекта этого преступления — служащий государственного или муниципального органа власти, поскольку в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 367-р функции оператора реестра углеродных единиц выполняет АО «Контур» и лицо, работающее в нем, не состоит на государственной или муниципальной службе.

В УК РФ существует ст. 285.3, которая предусматривает ответственность за умышленное внесение должностным лицом в единый государственный реестр заведомо ложных сведений, а также за умышленные уничтожение или подлог документов, которые служат основанием для внесения записи в государственные реестры, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Однако препятствием для применения данной статьи при совершении общественно опасных деяний, связанных с внесением в реестр углеродных единиц заведомо недостоверных сведений, являются следующие обстоятельства:

реестр углеродных единиц не является единым государственным реестром;

субъектом преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, может быть только должностное лицо, а лицо, ведущее реестр углеродных единиц, не является таковым;

в качестве объекта данного преступления выступают интересы службы в органах публичной власти, а выполняющее функции оператора реестра углеродных единиц АО «Контур» к органам публичной власти не относится, государство предпочитает не вмешиваться непосредственно в торговлю квотами.

Исходя из вышеизложенного, полагаем целесообразным ввести в УК РФ норму, которая бы предусматривала ответственность за умышленное искажение данных реестра углеродных единиц. Уместно дополнить нормой об ответственности за такие деяния главу 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Посягательство на установленный порядок ведения реестра углеродных единиц следует рассматривать как специальный вид преступлений, нормы об ответственности за которые включены в эту главу. Было бы правильным расположить соответствующую статью после ст. 203 УК РФ. По признакам объективной и субъективной сторон преступления данная статья должна быть схожей со ст. 285.3 УК РФ. В качестве предмета преступления выступает реестр углеродных единиц, а в качестве субъекта преступления — лицо, ответственное за его ведение.

Можно предложить следующую редакцию данной статьи:

Статья 203.1. Внесение в единый реестр углеродных единиц заведомо недостоверных сведений

1. Внесение в российский реестр углеродных единиц заведомо недостоверных сведений, а равно умышленные уничтожение или подлог документов, на основании которых были внесены запись или изменения в указанный реестр, если обязательное хранение таких документов предусмотрено законодательством Российской Федерации, совершенные лицом, ответственным за ведение такого реестра, —

наказываются... [преступление небольшой тяжести].

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, — наказываются... [преступление средней тяжести].

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные организованной группой, — наказываются... [тяжкое преступление].

Если фальсификацию сведений в реестре углеродных единиц осуществляет лицо, не

имеющее законного доступа к реестру, то в силу цифрового характера реестра неправомерный доступ к учетной записи владельца углеродных единиц, например путем «взлома» пароля с дальнейшим изменением содержания записи, подпадает под действие ст. 272 УК РФ.

Что же касается правонарушений, совершаемых в отношении углеродных единиц, уже введенных в гражданский оборот, то исходя из анализа судебной практики других государств основными видами данных деликтов в первую очередь являются мошеннические действия [3, с. 44 – 47]. Как правило, они связаны с уплатой и возвратом налога на добавленную стоимость и состоят в том, что участники экономических отношений различными способами уклоняются от его уплаты или требуют возврата суммы якобы уплаченного налога на добавленную стоимость. В целях предотвращения подобных нарушений, учитывая зарубежный опыт, представляется, нужно освободить оборот углеродных единиц от обложения налогом на добавленную стоимость, тем самым лишив мошенников возможности производить манипуляции с налогом и его возвратом.

Также к вышеуказанным преступлениям следует отнести двойную продажу углеродных квот, когда одна и та же квота может быть реализована несколькими хозяйствующим субъектам. Подобные деяния, на наш взгляд, следует квалифицировать как мошенничество, так как виновный завладевает деньгами потерпевшего лица, вводя его в заблуждение относительно принадлежности углеродной квоты. Так, ООО «Завод Полимеров КЧХК» и ОАО «Галоген» подписали контракт на продажу квот на выбросы парниковых газов с британской компанией Natsource Asset Management Corp. и фондом CFL Carbon Limited. Однако в итоге получателем квот, согласно опубликованным реестром данных, стала швейцарская компания Vitof. Таким образом, речь идет о продаже одного и того же актива двум разным структурам [3, с. 46].

Углеродная единица как объект права во многом носит «виртуальный» характер, ее существование определяется содержанием углеродного реестра, поэтому можем предложить учесть эти особенности в новой статье УК РФ, предусматривающей ответственность за хищения в этой сфере, дополнив УК РФ статьей следующего содержания:

Статья 164.1. Хищение в сфере оборота углеродных единиц

1. Хищение углеродных единиц или приобретение права на углеродные единицы путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи информации реестра углеродных единиц –

наказываются... [преступление небольшой тяжести].

2. Те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба, –

наказываются... [преступление средней тяжести].

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) в крупном размере, –

наказываются... [тяжкое преступление].

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, –

наказываются... [особо тяжкое преступление].

В настоящий момент хищение углеродных квот, при котором право на квоты противоправно переходит от их законного владельца другому лицу, которое «взламывает» компьютерную систему организации и якобы от ее имени осуществляет передачу квот, представляется, следует квалифицировать в соответствии с действующим законодательством как мошенничество в сфере компьютерной информации по ст. 159.6 УК РФ. Однако совершение хищения в данной сфере

иными способами не охватывается данной уголовно-правовой нормой, чем и обосновывается необходимость включения в уголовное законодательство России специальной нормы.

Выводы:

1) для участия России в системе международной торговли углеродными единицами требуется запустить систему учета углеродных выбросов в масштабах всей страны;

2) в России создана и совершенствуется нормативная база, обеспечивающая функционирование данной системы;

3) указанная нормативная база не содержит нормы, предусматривающей ответственность за общественно опасные посягатель-

ства на установленный порядок обращения углеродных единиц в стране;

4) особенность правового статуса рынка углеродных единиц требует внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, в частности дополнения ст. 251 УК РФ частью 2, включения ст. 164.1 «Хищение в сфере оборота углеродных единиц» и ст. 203.1 «Внесение в единый реестр углеродных единиц заведомо недостоверных сведений»;

5) в целях предупреждения мошенничества, связанного с уплатой и возвратом НДС, учитывая зарубежный опыт, целесообразно освободить оборот углеродных единиц от обложения налогом на добавленную стоимость.

Список источников

1. Михайленко П. В. Углеродные рынки в России: проблемы, возможные решения и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2009. № 2. С. 47–56.
2. Лукашенко И. В. Риски использования углеродной единицы как инструмента финансового рынка // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 50–55.
3. Морозов В. И., Лосев С. Г. Уголовная ответственность за преступления в сфере оборота углеродных единиц (по материалам зарубежной судебной практики) // Криминалистика. 2022. № 2 (39). С. 43–47.

Информация об авторах

В. И. Морозов – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент;

С. Г. Лосев – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. I. Morozov – Head of the Department of criminal law disciplines of the Tyumen State University, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

S. G. Losev – Associate Professor of the Department of criminal law disciplines of the Tyumen State University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.13

«НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА,
ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХИАТРИИ

Анна Владиславовна РАВИНСКАЯ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ann96934348@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется термин «несовершеннолетие» с точки зрения уголовного процесса, детской психологии и психиатрии, поскольку в указанных областях науки он понимается неодинаково, что сказывается на расследовании преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. Рассматриваются особенности развития детей с момента их рождения до 18 лет, в частности поднимается вопрос о задержке психического развития, не связанной с психическим расстройством, поскольку несовершеннолетние, имеющие один и тот же паспортный возраст, могут существенно отличаться друг от друга по уровню психического развития, что влияет на восприятие ими окружающей действительности и, следовательно, на производство следственных действий с их участием.

Ключевые слова: несовершеннолетие, несовершеннолетний потерпевший, задержка психического развития, не связанная с психическим расстройством

Для цитирования: Равинская А. В. «Несовершеннолетие» через призму уголовного процесса, детской психологии и психиатрии // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 85 – 91.

Original article

«MINORITY» THROUGH THE PRISM OF CRIMINAL PROCESS,
CHILD PSYCHOLOGY AND PSYCHIATRY

Anna V. RAVINSKAYA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, ann96934348@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the term «minority» in the light of criminal process, child psychology and psychiatry, since in these areas of science it is understood differently, which affects the investigation of crimes committed against minors. The author considers the specifics in the child development from the moment of their birth to the age of 18, in particular, the issue is raised of mental retardation that is not associated with a mental disorder, for minors who have the same passport age can differ significantly from each other in terms of the level of mental development, which influences their perception of the surrounding reality and, consequently, taking of investigative measures with their participation.

Keywords: minority, juvenile victim, mental retardation not associated with a mental disorder

For citation: Ravinskaya A. V. «Minority» through the prism of criminal process, child psychology and psychiatry. Criminalist. 2023;4(45):85-91. (In Russ.).

Несовершеннолетие — состояние неполного возрастного развития, являющееся

в силу присущих ему особенностей основанием для издания специальных норм, ограждающих интересы лиц этой возрастной категории [1, с. 243].

© Равинская А. В., 2023

Обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних — проблема интернационального характера, что подтверждается наличием как российских, так и международных нормативных правовых актов.

Возраст существует одновременно как абсолютное количественное понятие (календарный возраст) и как этап в процессе физического и психологического развития (условный возраст) [2, с. 57]. Однако так ли однозначно толкование рассматриваемого термина в различных областях науки? Имеются ли различия между возрастными категориями несовершеннолетних?

Изучение несовершеннолетия представляется логичным начать с точки зрения детской психологии.

С психологическим развитием ребенка тесно связано понятие возраста, который подразделяют на физический (хронологический) и психологический. *Физический возраст* — это время жизни человека в днях, месяцах, годах, прошедших с момента рождения. *Психологический возраст* — это качественно своеобразный период, указывающий на достигнутый к определенному возрасту уровень психологического развития [3, с. 17].

Р. С. Немов определил возраст как «качественно своеобразный период физического, психологического и поведенческого развития, характеризующийся присущими только ему особенностями» [4, с. 68].

Согласно Л. С. Выготскому, «возраст — это относительно замкнутый цикл детского развития, имеющий свою структуру и динамику» [5, с. 110].

С точки зрения детской психологии существует множество периодизаций возрастного развития. Одни ученые полагают, что этот процесс непрерывный, другие — дискретный (состоящий из отдельных частей).

Периодизация детского возраста тесно связана с таким понятием, как сензитивные (сенситивные) периоды развития, т. е. такие периоды в жизни человека, во время которых у него проявляются наивысшие возможности для формирования определенных свойств психики и особенностей поведения

[6, с. 241]. Например, возраст от полутора до 3 лет считается сензитивным периодом развития речи. В указанный период мозг ребенка обладает повышенной способностью к запоминанию слов и их значения, воспроизведению речи.

Варианты периодизации детского развития в свое время предлагали Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, А. Н. Леонтьев, Э. Г. Эриксон, З. Фрейд, Р. Заззо, П. Колберг, К. Бюлер, Ж. Пиаже и другие как отечественные, так и зарубежные психологи. Приведем позиции некоторых ученых.

Л. С. Выготский рассматривает определяющие моменты психического развития как некие кризисы, в процессе которых обостряются противоречия между увеличивающимися потребностями ребенка и его ограниченными возможностями, а также между его изменившимися потребностями и ранее сложившимися отношениями со взрослыми, в результате обращает внимание: на кризис новорожденности (от рождения до 2 месяцев); младенческий возраст (от 2 месяцев до года); кризис первого года; раннее детство (от года до 3 лет); кризис 3 лет; дошкольный возраст (от 3 до 7 лет); кризис 7 лет; школьный возраст (от 7 до 12 лет); кризис 13 лет; пубертатный период (от 13 до 17 лет); кризис 17 лет [5, с. 136–137].

Д. Б. Эльконин выделяет: раннее детство, или младенчество (от рождения до года); ранний возраст (от года до 3 лет); детство, или дошкольный возраст (от 3 до 7 лет); младший школьный возраст (от 7 до 12 лет); отрочество, или подростковый возраст (от 12 до 15 лет); раннюю юность (от 15 лет) [7, с. 82].

Сходной периодизации детского развития придерживается и Э. Г. Эриксон: младенчество (от рождения до года); раннее детство (от года до 3 лет); игровой, дошкольный возраст (от 3 до 6 лет); школьный возраст (от 6 до 12 лет); юность (от 12 до 20 лет) [8, с. 115].

Французский психолог Р. Заззо построил свою периодизацию таким образом, что системы воспитания и обучения совпадают с этапами детства, в частности обучения: ран-

нее детство (от рождения до 3 лет); дошкольное детство (от 3 до 5 лет); начальное школьное образование (от 6 до 12 лет); обучение в средней школе (от 12 до 16 лет); высшее и университетское образование (от 17 лет и старше) [9, с. 34–35].

Из анализа существующих позиций очевидно следует, что авторы выделяют от 3 до 8 периодов развития детей и подростков.

Находим возможным выделить следующие возрастные периоды несовершеннолетия:

раннее детство (от рождения до 3 лет);
дошкольный возраст (от 3 до 6–7 лет);
младший школьный возраст (от 6–7 до 10 лет);

средний школьный возраст (от 11 до 14 лет);

старший школьный возраст (от 15 до 18 лет).

Рассматривая возрастную категорию «раннее детство», стоит подчеркнуть, что в силу объективных причин дети этой группы не являются источником информации, поскольку только в единичных случаях и в возрасте около 3 лет способны сообщить информацию, имеющую значение для расследования преступления. Нельзя обойти вниманием следующую проблему. Некоторые сотрудники правоохранительных органов, а также судьи придерживаются мнения, что ребенок в возрасте до 3 лет не осознает происходящее, следовательно, ему невозможно причинить психологическую (психическую) травму. Обозначенный подход является заблуждением и ведет к отказу в возбуждении уголовных дел по фактам совершения в отношении детей преступлений (как правило, касающихся насильственных действий сексуального характера). Однако необходимо учитывать, что уголовная ответственность за совершение противоправных действий предусмотрена вне зависимости от того, осознает ли жертва их характер.

Важно также уточнить, что ребенок запоминает непосредственно собственные действия и переживания. Он не может придумать то, что с ним не происходило, с чем он не сталкивался в жизни. «Фантазируя»,

например о развратных действиях, ребенок может оперировать фактами только в пределах того жизненного опыта, который у него имеется в настоящий момент. Таким образом, на стадии предварительного расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, необходимо установить, где и при каких обстоятельствах малолетний потерпевший приобрел данные знания [10, с. 8].

Ребенок в таком возрасте переносит события, прожитые им в реальной жизни, на условия ролевой игры, в ходе которой отображает собственный опыт, не осознавая при этом криминальный характер произошедшего с ним. Подобное поведение свойственно детям, подвергшимся насилию. Они способны изображать действия конкретных взрослых, что помогает обнаружить наличие у них знаний, несвойственных определенному возрасту (например, о сексуальных отношениях).

К концу рассматриваемого периода развивается кризис 3 лет. Возникают новые характерные черты личности ребенка. Он активно пытается противостоять близким взрослым и их требованиям, проявляя при этом капризность и упрямство [5, с. 218].

Дошкольный возраст, как правило, разделяют на младший (3–5 лет) и старший (5–7 лет). У детей младшего дошкольного возраста фрагментарное неравномерное восприятие, малые детализация и объем воспринимаемых объектов, случайность выделения их из общего фона. Это связано с превалированием непроизвольного, неустойчивого внимания, слабой его концентрацией, легкой отвлекаемостью по незначительному поводу, фрагментарностью запоминания, зависимостью его от яркости, необычности воспринимаемых событий, слабым развитием памяти [10, с. 7].

Приблизительно к 3–4 годам появляется интерес к телу человека, половым различиям, ребенок осознает внешние различия мужчин и женщин, определяет собственную половую принадлежность. Однако в процессе общения и игры не всегда может понимать, какого пола партнер по игре.

К 5 годам формируется логическое мышление, однако малолетний обнаруживает существенные пробелы в знаниях об окружающем мире, что по-прежнему не позволяет ему прогнозировать события. В этом возрасте он только учится делать выводы, основываясь на наблюдениях, вместе с тем, например, не может объяснить причины своих поступков.

В период старшего дошкольного возраста ребенок уже способен отстаивать собственное мнение и нести за него определенную ответственность.

В возрасте 3–5 лет ребенок не ориентируется во времени. Для него понятия «вчера», «сегодня», «завтра» и другие носят абстрактный характер. Понимание времени вырабатывается приблизительно к 7 годам. Старшие дошкольники имеют некоторое представление о времени суток. Они обычно ориентируются во времени по собственному расписанию дня (подъем, завтрак, обед, ужин, сон и пр.), не придавая значения конкретным временным промежуткам. Так, дети могут описывать какие-либо события, однако не умеют определять время их происхождения (день недели, месяц, год и т. д.). Это неслучайно, поскольку малолетние не подготовлены к продолжительной монотонной деятельности и быстро утомляются.

Если произошедшее произвело на ребенка сильное впечатление, то воспоминания о нем могут сохраниться надолго в памяти. В. Н. Карагодин отмечает, что потерпевшие дошкольники, которые не осознавали, что в отношении их совершено преступление, спустя непродолжительное время забывают об этом [10, с. 9]. Именно поэтому проведение допроса следует планировать максимально оперативно, поскольку детская психика имеет способность стремительно вытеснять психотравмирующие воспоминания, кроме того, с целью обеспечения и поддержания психического здоровья несовершеннолетнего потерпевшего рекомендуется допрашивать его единожды.

Младший и средний школьный возраст характеризуется тем, что поведение становится более осознанным и управляемым, улучшаются интеллектуальные способности,

связанные с увеличением объема знаний, их систематизацией, благодаря обучению в школе.

Ребенок приобретает способность к выделению основных признаков, усваивает некоторые научные понятия, овладевает начальными навыками логического рассуждения, устанавливает причинно-следственные связи, способен к анализу и планированию деятельности [11, с. 22].

В этом возрасте воображение ребенка основывается как на реально прожитых событиях, так и на выдуманных. Вместе с тем он склонен окунаться в воображаемый мир при переживании трудностей и негативных эмоций. Однако подобные фантазии, не относящиеся к действительности, нельзя причислять к склонности к неискренности или обману.

Малолетние обретают эмпатию, способны сопереживать близким людям, в частности в ситуации, когда последним что-то угрожает, например, смерть переживают болезненно. Важно отметить, что правильная оценка своих и чужих поступков развивается у младших школьников только в контексте общения со взрослыми. Дети, находящиеся в социально неблагоприятной среде, могут отставать в способности адекватно оценивать происходящие с ними события. Они стараются избегать психотравмирующих воспоминаний, что впоследствии влияет на воспроизведение обстоятельств совершенного в отношении их преступления [10, с. 10].

При достижении среднего школьного возраста у подростков происходит изменение интеллектуальных способностей в лучшую сторону. Вместе с тем возникает конфликт между их потребностями и реальными возможностями реализации. Подобные противоречия сопровождаются внутренними переживаниями. Л. С. Выготский в связи с этим выделяет кризис и 13, и в дальнейшем 17 лет [6, с. 249].

В возрасте 11–14 лет начинается активное самоопределение, осознание себя как личности. Подростки стремятся соотнести собственный опыт с опытом других людей, сравнить и оценить достигнутое.

Малолетние уже могут предвидеть возможность совершения в отношении их противоправных действий. Однако в момент случившегося не умеют прогнозировать неблагоприятные для их жизни и здоровья последствия от таких поступков. Некоторые из них полагают, что симпатичные им люди не могут совершить ничего плохого. Например, не понимают, с какой целью взрослые оказывают им различные знаки внимания, дарят подарки и т. д. Реакция на произошедшее также разная: кто-то винит в случившемся себя, кто-то — окружающих, кто-то и вовсе скрывает подобные инциденты, замыкается в себе.

Старший школьный возраст принято считать «взрослением». В этот период подростки подвержены самоопределению и сравнению себя с окружающими, поиску новых ощущений и переживаний.

Несовершеннолетним свойственна противоречивость, изменчивость психики, тревожность и неуверенность в себе, в связи с чем они нередко чувствуют себя одинокими и непонятыми. В этом возрасте начинается развитие самостоятельности и критического мышления, подростки стремятся высказать собственное мнение, стать значимыми и привлечь к себе внимание всеми возможными способами, однако способность к прогнозированию как таковая по-прежнему отсутствует.

Свойства личности несовершеннолетних потерпевших различных возрастов обуславливают особенности их поведения в криминальной ситуации, оказывают влияние на механизм преступного события, содержание способа совершения преступления, характер и локализацию образующихся в результате следов [10, с. 15].

На основе анализа суждений российских и зарубежных детских психологов можно сделать вывод о том, что дети каждой возрастной категории обладают определенными чертами характера и соответствующим уровнем мышления, при этом нельзя отрицать, что каждый ребенок в отдельности наделен индивидуальными особенностями.

Границы возрастных периодов жизни несовершеннолетних имеют важное юридическое значение. Точный возраст несовершеннолетнего потерпевшего влияет на квалификацию преступления, совершенного в отношении его, а также на запоминание информации о случившемся, возможность ее изложения, помогает выявить особенности поведения в посткриминальный период. Исходя из этого определяются особенности производства следственных действий. Так, допросы детей дошкольного возраста эффективнее проводить в игровой форме, в помещении, специально оборудованном необходимыми согласно возрастной категории играми и игрушками.

Возраст также имеет значение для оценки достоверности полученных в ходе следствия (дознания) показаний, поскольку потерпевшие в возрасте до 16 лет не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний в соответствии с ч. 2 ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), что может способствовать сообщению ими неправдивой информации.

Как отмечено выше, от возраста и, соответственно, развития ребенка зависит тактика проведения отдельных следственных действий. Так, в теории уголовного процесса возраст потерпевшего в основном учитывается в рамках тактики допроса, однако какие-либо особенности, присущие конкретному возрасту, фактически во внимание не принимаются. Вместе с тем УПК РФ, предусматривая наличие различных возрастных групп — до 7 лет, от 7 до 14 лет, от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет, не дает определения понятия «несовершеннолетний потерпевший». От возраста детей и подростков зависят необходимость участия психолога или педагога при проведении следственных действий, продолжительность допроса (не более 4 часов в день) и иные особенности. Однако подобное деление не в полной мере соответствует критериям детской психологии и психиатрии.

Несовершеннолетние, имеющие один и тот же паспортный возраст, могут суще-

ственно отличаться друг от друга по уровню психического развития. Иногда ребенку физически 7 лет, а по психическому развитию он соответствует 10-летнему, бывает и наоборот. В последнем случае речь идет о задержке психического развития.

Отмеченный феномен предлагается толковать как в узком, так и в широком смысле. По мнению Е. И. Цымбала, в первом случае наличие любого психического расстройства исключает возможность постановки вопроса о возрастной невменяемости, во втором — установление возрастной невменяемости возможно и при наличии у несовершеннолетнего психического расстройства, не исключающего вменяемости, если задержка психического развития непосредственно не связана с этим психическим расстройством [12, с. 66].

Стоит отметить, что клиническая оценка психического состояния, диагностика психических расстройств относится исключительно к компетенции эксперта-психиатра, несмотря на то что задержка психического развития не является сама по себе психическим расстройством. Нельзя также не согласиться с Е. И. Цымбалом, что установление задержки психического развития и оценка ее влияния на реакцию несовершеннолетнего потерпевшего в криминальной и посткриминальной ситуации — это задача эксперта-психолога. Таким образом, оптимальным видом экспертизы для решения обозначенного вопроса является комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза [12, с. 65].

Правовые основания для назначения рассматриваемой экспертизы содержатся в ст. 196 УПК РФ, согласно которой необходимо назначение и производство судебной экспертизы при возникновении сомнений в способности несовершеннолетнего потерпевшего воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. При этом УПК РФ не запрещает производство следственных действий с несовершеннолетними с задержкой психического развития, а непосредственно

ст. 191 УПК РФ определяет обязательные и общие правила их проведения.

На этапе подготовки к следственному действию, в котором будет принимать участие несовершеннолетний, в целях выбора наиболее удачных тактических приемов следователю (дознавателю) необходимо привлекать к участию детского психолога и при необходимости дефектолога, желательно независимо от возраста несовершеннолетнего. Не исключено, что именно при таком грамотном сотрудничестве специалист сумеет определить, способен ли ребенок, например, давать показания или принимать участие в ином необходимом следственном действии.

Вместе с тем при производстве допроса, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего с задержкой психического развития участие детского психолога (дефектолога) обязательно независимо от возраста несовершеннолетнего, при этом непосредственно возможность проведения указанных следственных действий определяется с учетом результатов соответствующей комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. В то же время целесообразность производства очной ставки с участием несовершеннолетнего рассматриваемой группы, на наш взгляд, отсутствует, поскольку особенности развития потерпевшего не позволят следователю (дознавателю) устранить противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц.

В заключение отметим, что несовершеннолетие выступает предметом изучения ряда наук, каждая из которых предлагает определение, сформулированное применительно к той или иной сфере, однако в уголовно-процессуальном законе не содержится необходимой дефиниции, что является существенным недостатком, поскольку возраст имеет особое значение для планирования расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, определения наиболее эффективных тактических приемов, используемых при производстве перечисленных выше следственных действий с их непосредственным участием.

Список источников

1. Большая медицинская энциклопедия. Москва, 1970. 588 с.
2. Николаева Э. Ф., Чекина Л. Ф., Денисова Е. А. Возрастная психология : электрон. учеб. пособие. Тольятти : Тольяттинский гос. ун-т, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Хилько М. Е., Ткачева М. С. Возрастная психология : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 201 с. (Высшее образование).
4. Немов Р. С. Психология : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений. В 3 кн. Кн. 1. 4-е изд. Москва : Владос, 2003. 688 с.
5. Выготский Л. С. Педагогическая психология. Москва : Педагогика, 1991. 480 с.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Москва : Педагогика, 1984. 432 с.
7. Эльконин Д. Б. Детская психология. Москва : Учпедгиз, 1960. 384 с.
8. Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеев. Санкт-Петербург : Летний сад, 2000. 356 с.
9. Зазо Р. Психическое развитие ребенка и влияние среды // Психология развития : хрестоматия / ред. Е. Строганова. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 311 с.
10. Карогодин В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних : монография. Москва : Проспект, 2018. 212 с.
11. Крылов Д. Н. Критические периоды в психофизиологическом развитии детей и подростков // Психогигиена детей и подростков / С. М. Громбах, С. М. Ковалев, В. В. Козловская [и др.] ; под ред. Г. Н. Сердюковской, Г. Г. Гельница. Москва : Медицина, 1985. 224 с.
12. Цымбал Е. И. Экспертная оценка отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством : метод. рекомендации // Независимый психиатрический журнал. 2003. № 4. С. 61 – 66.

Информация об авторе

А. В. Равинская – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Ravinskaya – Postgraduate Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.3/7

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА
(ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ)

Владимир Ильич ТЮНИН¹, Оксана Алексеевна ЧАБУКИАНИ²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ v-tunin@rambler.ru

² oksana_kartohina@mail.ru

Аннотация. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) было криминализовано в 2012 году. До настоящего времени нет единой судебной практики применения положений ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. В работе проведен анализ уголовного законодательства об ответственности за данный вид мошенничества, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и решений судов общей юрисдикции; представлены дискуссии ученых и предложены пути устранения имеющихся противоречий при квалификации хищений.

Ключевые слова: мошенничество с использованием электронных средств платежа, обман как способ мошенничества, злоупотребление доверием

Для цитирования: Тюнин В. И., Чабукиани О. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (вопросы правоприменения) // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 92 – 98.

Original article

FRAUD WITH THE USE OF ELECTRONIC PAYMENT INSTRUMENTS
(LAW ENFORCEMENT ISSUES)

Vladimir I. TYUNIN¹, Oksana A. CHABUKIANI²

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ v-tunin@rambler.ru

² oksana_kartohina@mail.ru

Abstract. Fraud with the use of electronic payment instruments (Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) was criminalized in 2012. So far, there is no uniform judicial practice of applying the provisions of Art. 159.3. The paper analyzes the changes in the legislation on criminal liability for this type of fraud, the opinion of the Supreme Court of the Russian Federation and the existing decisions of courts of general jurisdiction in the qualification; the discussions of scholars are presented and ways to eliminate the existing contradictions in the qualification of theft are proposed.

Keywords: fraud with the use of electronic payment instruments, deception as a method of fraud, abuse of confidence

For citation: Tyunin V. I., Chabukiani O. A. Fraud with the use of electronic payment instruments (law enforcement issues). Criminalist. 2023;4(45):92-98. (In Russ.).

Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ были внесены изменения в ст. 159.3 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации (далее — УК РФ). Это повлекло внесение изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской

© Тюнин В. И., Чабукиани О. А., 2023

Федерации: из п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» были исключены абзацы первый и второй и сохранено разъяснение о том, что в случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты, переданной виновному самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, признаки мошенничества отсутствуют. Такие действия следует квалифицировать как кражу.

За период действия ст. 159.3 УК РФ до вступления в силу Федерального закона от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ к уголовной ответственности по данной статье было привлечено 864 человека, из них 510 — в 2013 — 2014 годах. Впоследствии количество осужденных по указанному составу уменьшилось, составив в 2015 году — 154 человека, в 2016 году — 84 человека, в 2017 году — 79 человек. С 2018 по 2020 год произошел рост количества осужденных лиц, а следовательно, и совершенных преступлений (в 2018 году осуждены 239 человек, в 2019 году — 1 721 человек, в 2020 году — 3 084 человека). В 2022 году количество осужденных стабилизировалось и составило 113 человек¹.

Норма, изложенная в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, в новой редакции стала более лаконичной и утратила указание на лиц, в отношении которых осуществляется обман или злоупотребление доверием. Также законодатель изменил содержание признаков, описывающих средства совершения преступления. Такими средствами стали электронные средства платежа, а не платежные карты.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ был введен новый состав преступления (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), предусматривающий уголовную ответствен-

ность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ).

Идея законодателя заключалась в криминализации деяний, совершаемых тайно от потерпевшего, в отношении безналичных денежных средств и электронных денег. Однако, расширив пределы действия ст. 159.3 УК РФ посредством отказа от указания способа совершения преступления, законодатель породил проблемы разграничения названных преступлений. Как справедливо указывается в уголовно-правовой литературе, с внесением изменений в ст. 159.3 УК РФ одновременно с указанным выше дополнением ч. 3 ст. 158 УК РФ законодательная регламентация ответственности за данный вид мошенничества утратила имевшуюся в ней правовую определенность [1, с. 44].

В отличие от действовавшей прежде редакции ст. 159.3 УК РФ, устанавливавшей уголовную ответственность за мошенничество с использованием платежных карт, новая редакция нормы расширила комплекс средств совершения этого специального вида мошенничества. На данном этапе квалификации по ст. 159.3 УК РФ подлежат мошеннические действия, совершенные как с использованием платежных карт, так и при эксплуатации инновационных инструментов интернет-банкинга, а также электронных кошельков (смарт-карт) и иных платежных инструментов, являющихся востребованными в современном обществе.

В соответствии с п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» под электронным средством платежа понимается средство или способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам. Форма № 10-а. За 12 месяцев. 2015 — 2022 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5/> (дата обращения: 18.06.2023).

Диспозиция ч. 1 ст. 159.3 УК РФ в действующей редакции сформулирована следующим образом: «мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Заметим, что изменения, внесенные законодателем в ст. 159.3 УК РФ, сблизили преступление с кражей, поскольку исчезло указание на способы совершения мошенничества — обман и злоупотребление доверием [2, с. 65–66].

Таким образом, в диспозиции ст. 159.3 УК РФ:

отсутствует указание на обман, хотя этот признак был отражен в законопроекте¹, а правоприменитель по-прежнему при квалификации нередко указывает данный признак в обоснование применения ст. 159.3 УК РФ. В науке же уголовного права не исключается существование такого способа, как обман, при совершении преступления, несмотря на отсутствие указанного признака в тексте диспозиции статьи [3, с. 30–35];

отсутствует указание на адресат обмана — работник кредитной, торговой или иной организации, однако данные лица в качестве таковых презюмируются [4, с. 173–174].

Расширение сферы применения электронных средств платежа сблизило рассматриваемый вид мошенничества с кражей, предусмотренной п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и «размыло» способ совершения преступления, характерный для мошенничества [5].

Несмотря на внесенные поправки, суды продолжают квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ деяния, ранее подпадавшие под ее действие. Так, приговором от 3 февраля 2020 года по делу № 1-10/2020 Ингодинским районным судом г. Читы (Забайкальский край) по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.3 УК РФ осуж-

¹ Законопроект № 186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Государственная Дума Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/186266-7> (дата обращения: 18.06.2023). Диспозиция ст. 159.3 УК РФ в первоначальной редакции законопроекта: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа, то есть хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельного или принадлежащего другому лицу электронного средства платежа, в том числе кредитной, расчетной или иной платежной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации».

ден П.П.А., который завладел банковской картой ПАО «Банк ВТБ», оформленной на имя В.В.В., с целью последующего систематического хищения денежных средств с банковского счета банковской карты, и неоднократно использовал ее для оплаты проживания в хостеле и товаров в магазине².

Таким образом, сохраняется тенденция понимания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, как деяния, заключающегося в том, что в целях совершения хищения электронных денежных средств обман направлен на другое лицо, в том числе на специальный субъект (работника торговли, кредитной или иной организации).

Мы согласны с мнением М. Третьяк о том, что «формулировка состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, в сочетании с оговоркой, содержащейся в тексте п. „г“ ч. 3 ст. 158 УК РФ, не способствует пониманию способа совершения преступления» [2, с. 67].

Так что же является способом совершения преступления: обман, злоупотребление доверием? Или способ в данном случае не важен для квалификации?

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что обман «как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (предоставлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях... направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение».

По способу выражения обман может состоять в активных действиях (например, сообщение потерпевшему заведомо ложных сведений о достоверных фактах, обстоятельствах или событиях) или пассивном поведе-

² Приговор Ингодинского районного суда г. Читы (Забайкальский край) № 1-10/2020 1-104/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-10/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

нии (например, умышленное замалчивание юридически значимой информации, умалчивание об отсутствии полномочий на использование электронного средства платежа) [6, с. 20]. Также мы согласны с В. А. Бугаевым в том, что по форме обман может быть словесным (устным или письменным) либо в виде действий [7, с. 58].

Доктрина уголовного права в качестве обмана признает не только сообщение заведомо ложных сведений либо умолчание об истинных фактах, но и умышленные действия, направленные на введение владельца имущества или иного лица (например, работника торговой организации) в заблуждение [8, с. 202]. В результате совершения таких действий лицу хотя и не причиняется непосредственно вред, однако действия данного лица, находящегося в добросовестном заблуждении, совершаются по указанию виновного. Результатом обмана может являться приведение другого лица в заблуждение либо укрепление имеющегося заблуждения [9, с. 19], как следствие — порок воли лица, которое вводится в заблуждение [10, с. 7]. Заблуждение заключается также в отсутствии понимания потерпевшим совершаемых действий как противоправных [11]. Применительно к ст. 159.3 УК РФ заблуждение должно возникать под влиянием обмана у третьих лиц, которые являются участниками совершаемой сделки, разрешая доступ к платежному терминалу при покупке товара.

Нельзя исключать и злоупотребление доверием при совершении мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Оно заключается в использовании виновным доверительных отношений с титульным владельцем банковской карты либо иным лицом, уполномоченным принимать решение о передаче имущества третьим лицам. Обстоятельства, при которых возникло доверие, могут быть различные: родственные, дружеские, личные доверительные отношения с потерпевшим, договорные, служебные и иные отношения, принятие обязательств при заведомом отсутствии намерения их фактического исполнения (например, получение банковской карты от потерпевшего с целью оплаты его покупки).

При совершении преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, в основном

используется пассивный обман, при котором виновный использует электронное средство платежа и не сообщает о его принадлежности другому лицу либо что данное средство является поддельным.

П. Яни приводит аргументы в пользу рассмотрения «умолчания о незаконном владении платежной картой» как способа обмана. Автор приходит к выводу, что такой обман будет в форме активных действий, поскольку, исходя из п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, кассир, продавец обязаны верить в то, что покупатель не использует преступно полученные денежные средства [12, с. 39–43]. Таким образом, в данной интерпретации обман как способ совершения мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, есть всегда и, как правило, он выражается в умолчании. Такой подход расширяет правовое поле действия указанной нормы.

А. С. Петров, рассматривая ситуации, связанные с использованием платежных средств, приходит к выводу, что на долю ст. 159.3 УК РФ остаются лишь случаи, когда виновное лицо помимо предъявления банковской карты обязано подтвердить свои полномочия на использование карты, а уполномоченное лицо имеет право отказать в приеме банковской карты и проведении банковской операции [13].

Что касается п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, то он «должен применяться в случаях, когда виновный не использовал обман ни при изъятии имущества потерпевшего с помощью электронных средств платежа, ни для получения возможности произвести такое изъятие. Например, когда виновный, используя системы удаленного управления банковским счетом (Сбербанк-онлайн, Телебанк, Банк-клиент и т. п.) или банкомат, переводит безналичные денежные средства с банковского счета потерпевшего на свой счет» [6, с. 20].

Схожей позиции придерживается и М. Третьяк, которая считает, что судебная практика с 2018 по 2020 год шла по пути применения ст. 159.3 УК РФ в тех случаях, когда чужое платежное средство, как правило, используется виновным лицом бесконтактным способом доступа для оплаты товаров (услуг) в торговом (сервисном) центре при участии

уполномоченного лица этих организаций [2, с. 67].

Однако такой подход в последнее время стал подвергаться критике в научной литературе в силу ряда причин, среди которых выделяются следующие: отсутствие указания на способ совершения преступления, характерный для мошенничества, и «слишком мягкое» наказание за преступление, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ, обвинительный уклон со стороны прокурорских работников, представляющих сторону обвинения, наконец, решения Верховного Суда Российской Федерации по указанным делам, которые могут сформировать соответствующую практику.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 12-УДП20-5-К6 (в порядке главы 47.1 УПК РФ) было удовлетворено кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, отменено кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 года в отношении Ю. К. и дело направлено на новое рассмотрение.

Приговором суда первой инстанции Ю. К. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 года приговор и апелляционное определение в отношении Ю. К. изменены. Его действия переквалифицированы с ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.3 УК РФ.

Деяния, совершенные Ю. К., состояли в том, что он произвел оплату товаров в различных магазинах и кафе с использованием банковской карты потерпевшего, похитив денежные средства в размере 3 026 рублей 54 копейки. При этом действия по хищению денежных средств не были доведены Ю. К. до конца по не зависящим от него обстоятельствам, поскольку указанная банковская карта с остатком на счете в размере 3 984 рубля 4 копейки была заблокирована потерпевшим.

Судебная коллегия по уголовным делам указала, что ссылка кассационной инстанции на разъяснения, содержащиеся в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября

2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», является необоснованной, поскольку разъяснения были даны применительно к ранее действовавшей редакции ст. 159.3 УК РФ. Кроме того, поскольку законодателем была установлена уголовная ответственность за кражу с банковского счета по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, содеянное подпадает под действие указанной нормы. Следовательно, если со стороны Ю. К. не было совершено обманных действий в отношении торговых работников при списании денежных средств с банковского счета посредством оплаты товаров чужой банковской картой, деяние нельзя рассматривать как мошенничество. Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации полагает, что правовое поле ст. 159.3 УК РФ в связи с установлением уголовной ответственности за кражу с банковского счета и изменением редакции ст. 159.3 УК РФ было значительно сужено¹.

Судебная практика идет по пути квалификации действий, совершенных с использованием платежных средств (банковских карт, в частности), по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Так, Свердловским районным судом г. Иркутска по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ осуждена некто Д. Как следует из приговора, «Д. совместно с К. распивала спиртные напитки. Около 1 часа К. ушел в комнату и лег спать. Д. убедилась, что К. спит, подошла к кухонному столу, открыла выдвижной ящик, взяла банковскую карту и положила ее в карман своей одежды. После этого гр. Д. пришла в супермаркет, подошла к банкомату, вставила в него банковскую карту, ввела пин-код и произвела операцию по снятию денежных средств в сумме 13 000 рублей. Затем Д. положила денежные средства в карман пальто, вышла из супермаркета и с места преступления скрылась...»². Тот факт, что это деяние представляет собой кражу,

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска (Иркутская область) от 20 мая 2019 г. по делу № 1-414/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4sVYunVVvf1p/> (дата обращения: 18.06.2023).

сомнений не вызывает, иное дело квалификация судами подобных деяний как кража, совершенная с банковского счета, отнесенная к числу тяжких преступлений.

Приведем еще один пример уголовно-го дела, ставшего предметом рассмотрения Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Судом первой инстанции установлено, что К. В. А., обнаружив в квартире банковскую карту своего отца К. и зная пин-код карты, решил похитить денежные средства, имеющиеся на банковском счете потерпевшего, что и сделал, сняв с использованием данной банковской карты через банкомат, расположенный по указанному в приговоре адресу, денежные средства в размере 5 500 рублей, причинив К. значительный материальный ущерб. Действия К. В. А. были оценены как кража и квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В порядке кассации постановлением Президиума Кировского областного суда от 25 сентября 2019 года действия К. В. А. переквалифицированы с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2020 года № 10-УДп20-1 кассационная жалоба заместителя Генерального прокурора вместе с уголовным делом передана на новое судебное разбирательство в Шестой кассационный суд общей юрисдикции¹.

Каковы аргументы Верховного Суда Российской Федерации? Верховный Суд подвергает сомнению вывод кассационной инстанции о том, что квалифицирующий признак кражи «совершенная с банковского счета» может иметь место только при хищении безналичных и электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке, регламентированном ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», и что согласно п. 12 ст. 3, ч. 4 ст. 5 указанного Закона операция снятия наличных денежных средств, совершаемая по картам, эмитированным банком, с использованием устройств банка (банкоматов и терминалов), рассма-

триваться как операция перевода денежных средств в рамках данного Закона не может.

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, банковская карта выступала инструментом управления денежными средствами, находящимися на банковском счете, при этом при снятии наличных денежных средств через банкомат денежные средства списывались непосредственно с банковского счета потерпевшего. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации игнорирует то обстоятельство, что безналичные денежные средства при снятии денежных средств «превращаются» в наличные денежные средства, и значимым для него является лишь то, что денежные средства списываются с банковского счета.

Если суды воспримут указанный подход, то норма, предусмотренная п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, получит широкое распространение, что повлечет резкое снижение применения ст. 159.3 УК РФ и общих норм ст. 158 УК РФ. Статистика Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации свидетельствует, что за 2020—2022 годы на фоне уменьшения количества осужденных по ст. 159.3 УК РФ последовательно увеличивалось количество осужденных лиц по ч. 3 ст. 158 УК РФ (36 663 человека, 50 635 человек, 54 399 человек соответственно). Именно такого изменения судебно-следственной практики ожидали некоторые ученые-правоведы [14].

Исходя из изложенного, следует заключить, что мошенничество с использованием электронных средств платежа — специальный вид мошенничества. Совершение данного преступного деяния возможно исключительно в сфере товарно-денежного оборота с использованием такого особого платежного средства, как электронное средство платежа. Диспозиция ст. 159.3 УК РФ имеет бланкетный характер, следовательно, применению данной нормы должен предшествовать факт установления и анализа конкретной нормативной базы, регламентирующей отношения сторон в процессе использования электронных средств платежа. Учитывая специфику объективной стороны мошенничества, диспозицию ст. 159.3 УК РФ, на наш взгляд, следует дополнить указанием на способ совершения преступления — путем обмана или злоупотребления доверием.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2020 г. № 10-УДп20-1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Список источников

1. Решетняк М. Г., Борисов С. В. Современные проблемы формирования уголовно-правовой основы противодействия преступлениям в сфере цифровой экономики // Безопасность бизнеса. 2020. № 3. С. 41 – 45.
2. Третьяк М. Способ мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ // Уголовное право. 2020. № 4. С. 61 – 68.
3. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 30 – 35.
4. Третьякова Е. И. Способы совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 169 – 176.
5. Грачева Ю. В. Цифровизация: некоторые уголовно-правовые риски в сфере экономики // Уголовное право. 2019. № 5. С. 28 – 33.
6. Архипов А. В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5. С. 16 – 20.
7. Бугаев В. А. Обман и злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 57 – 62.
8. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. Москва : Норма, 2012. 528 с.
9. Сабитов Р. А., Сабитова Е. Ю. Уголовно-правовая оценка обманов и действий, совершенных с документами. Москва : Юрлитинформ, 2012. 344 с.
10. Алиев З. Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / Алиев Зияфат Гаджиевич. Москва, 2007. 25 с.
11. Платонова Т. В. Доктринальное толкование категорий «ошибка» и «заблуждение» // Молодой ученый. 2019. № 47 (285). С. 354 – 356.
12. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 6. С. 39 – 43.
13. Петров А. С. Проблемы квалификации хищений безналичных денег // Законность. 2020. № 7. С. 42 – 45.
14. Клименко А. К. Хищения безналичных и электронных денежных средств: вопросы квалификации // Российский следователь. 2020. № 5. С. 38 – 42.

Информация об авторах

В. И. Тюнин – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор;

О. А. Чабукяни – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Tyunin – Professor of the Department of criminal law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Science (Law), Professor;

O. A. Chabukiani – Associate Professor of the Department of criminal procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПОДЖОГ КАК ОБЩЕОПАСНЫЙ СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Полина Викторовна ФЕДЫШИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, effo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поджога, вызывающего неконтролируемое горение — пожар, как общепасного способа совершения преступления.

Ключевые слова: поджог, пожар, общепасный способ совершения преступления

Для цитирования: Федышина П. В. Поджог как общепасный способ совершения преступления // Криминалисту. 2023. № 4 (45). С. 99 – 104.

Original article

ARSON AS A PUBLICLY DANGEROUS WAY OF COMMITTING A CRIME

Polina V. FEDYSHINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, effo@yandex.ru

Abstract. The article discusses the characteristics of arson, which causes uncontrolled combustion — a fire, as a publicly dangerous way of committing a crime.

Keywords: arson, fire, publicly dangerous way of committing a crime

For citation: Fedyshina P. V. Arson as a publicly dangerous way of committing a crime. Criminalist. 2023;4(45):99-104. (In Russ.).

Поджог является одним из распространенных способов совершения различных преступлений в силу легкодоступности и простоты применения огня. В результате поджога возникает неконтролируемое горение огня — пожар, в определенных обстоятельствах представляющий значительную общественную опасность и создающий угрозу причинения вреда или причиняющий вред различным правоохраняемым объектам. Отметим, что причиной возникновения пожара далеко не всегда является поджог, но и, например, взрыв, неосторожное обращение с огнем, различные нарушения правил пожарной безопасности и пр.

© Федышина П. В., 2023

В данной статье мы рассмотрим именно поджог, выступающий в качестве общепасного способа совершения преступления.

Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 69-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О пожарной безопасности» определяет пожар как неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства.

Согласно данным МЧС России, в 2022 году было зафиксировано 352 509 пожаров, повлекших смерть 7 746 человек и причинение вреда здоровью 8 140 человек, а зарегистрированный прямой материальный ущерб составил 18,7 млрд рублей. Приведенные показатели в среднем можно

представить следующим образом: ежедневно происходило 966 пожаров, которые влекли смерть 21 человека и причинение вреда здоровью 22 человек, огнем уничтожались 135 строений¹. Наибольшее количество пожаров возникло на открытых территориях (53,27 %) и в зданиях и сооружениях (41,34 %). Поджог как причина возникновения пожара установлен в 3,6 % случаев, неосторожное обращение с огнем — в 65,35 %². Несмотря на кажущееся незначительное количество поджогов (в процентном отношении к общему числу пожаров), они представляют собой серьезное общественно опасное деяние и требуют профилактики путем уголовно-правового регулирования соответствующих отношений.

Российские источники уголовного права, начиная с Русской Правды и Судебника 1497 года, знают поджог как наказуемое деяние, однако анализ диспозиций и санкций соответствующих норм позволяет сделать вывод о том, что не сам поджог в качестве деяния, а вызванный им пожар и наступившие последствия в виде причинения вреда или как минимум возникновения опасности его причинения определяют общественную опасность данного способа совершения преступления и как следствие — криминализацию поджога.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) не содержит каких-либо разъяснений относительно терминов «поджог» или «пожар», но поджог неоднократно упоминается в иных нормативно-правовых документах. Его содержание применительно к ст. 261 УК РФ раскрывается в абз. 2 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»: «Поджог лесных и иных

насаждений (часть 3 статьи 261 УК РФ) состоит в умышленных действиях, направленных на уничтожение или повреждение насаждений с помощью открытого огня (зажигание травы, разведение костров, разбрасывание факелов, использование горючих материалов и т. д.)» (курсив наш. — П. Ф.).

К иным общеопасным способам Верховный Суд Российской Федерации относит любые другие способы (кроме поджога), которые *могут повлечь* уничтожение либо повреждение лесных и иных насаждений³. Интересно, что в одном и том же пункте Постановления по-разному раскрыты действия виновных: в абз. 2 указана лишь направленность действий, в абз. 3 — уже наличие реальной угрозы уничтожения или повреждения насаждений. Представляется, что разные формулировки имеют лишь терминологическое, а не содержательное различие, поскольку поджог лесных и иных насаждений всегда подразумевает не только возникновение умысла и определенных противоправных побуждений, но и начало реализации задуманного, и момент окончания преступления может отодвигаться лишь в связи с моментом причинения значительного ущерба.

Поджог как способ совершения преступления нашел свое отражение в ряде статей УК РФ, где он указан в качестве как составообразующего признака состава преступления (ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт», ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», ст. 281 УК РФ «Диверсия», ст. 361 УК РФ «Акт международного терроризма»), так и квалифицирующего (ч. 2 ст. 167 УК РФ «Умышленные уничтожение или повреждение имущества», ч. 3 ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений»). Помимо указанных, другие преступления также могут быть совершены путем поджога, с применением огня: напри-

¹ Анализ обстановки с пожарами и их последствиями на территории Российской Федерации за 12 месяцев 2022 года / Департамент надзорной деятельности и профилактической работы МЧС РФ. Москва, 2023.

² Там же.

³ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21: текст и изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. П. 23, абз. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мер, убийство, причинение вреда здоровью и др.

В диспозициях перечисленных статей УК РФ законодатель сделал акцент не просто на горении как на процессе, а именно на его общественно опасном характере, т. е. реальной возможности причинить вред правоохраняемым отношениям: «путем поджога, взрыва или иным общественно опасным способом» (ч. 2 ст. 167 УК РФ), «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий» (ч. 1 ст. 205 УК РФ), «уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений путем поджога, иным общественно опасным способом» (ст. 261 УК РФ), «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды» (ч. 1 ст. 281 УК РФ), «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации» (ст. 361 УК РФ).

В статье 207 УК РФ также упоминается поджог, но в диспозиции речь идет о заведомо ложном сообщении об акте терроризма, т. е. само деяние состоит не в поджоге, тем не менее понятие поджога тождественно его понятию в диспозициях вышеперечисленных статей: «...о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий» (курсив наш. – П. Ф.).

Поджоги, сопровождающие террористический акт, массовые беспорядки, диверсию, акт международного терроризма, учитывая обстановку, в которой они происходят, а именно нахождение на месте происшествия в непосредственной близости от очага воз-

горания и пожара большого количества людей, предполагают опасность причинения вреда как окружающим лицам, так и иным объектам, следовательно, объективная сторона указанных преступлений включает в себя общественно опасный способ – поджога.

В целом поджог – «действие по воспламенению каких-либо материалов, направленное на то, чтобы вызвать неконтролируемый процесс горения, сопровождающийся уничтожением материальных ценностей и создающий опасность для жизни людей» [1, с. 604].

Анализ диспозиций перечисленных статей УК РФ, в которых упоминается поджог, и рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяют сделать вывод о том, что законодатель в уголовно-правовой термин «поджог» вкладывает смысл общественно опасного способа совершения преступления.

Содержание общественно опасного способа совершения преступления в УК РФ не раскрывается, но понятие подвергнуто анализу в научной литературе: «О наличии качества общей опасности свидетельствует возможность значительных разрушений, гибель и травмирование людей» [2, с. 451].

Опираясь на имеющиеся подходы к пониманию общественно опасного способа совершения преступления [3; 4; 5], можно охарактеризовать поджог как общественно опасный способ по следующим признакам:

- 1) поражающие свойства огня;
- 2) обстановка совершения преступления, при которой применяемый способ (пожар) вызывает реальную угрозу причинения вреда иным правоохраняемым интересам.

Огонь сам по себе, без учета обстоятельств совершения преступления, не может быть однозначно оценен как средство для общественно опасного способа совершения преступления, однако его поражающие свойства в соответствующей обстановке превращают поджог в общественно опасный способ совершения преступления.

Итак, первый критерий – поражающие свойства огня, которые определяются возможным его воздействием на людей и правоохраняемые объекты. Технический

регламент о требованиях пожарной безопасности в ст. 9 выделяет следующие опасные факторы пожара, воздействующие на людей и имущество: пламя и искры; тепловой поток; повышенная температура окружающей среды; повышенная концентрация токсичных продуктов горения и термического разложения; пониженная концентрация кислорода; снижение видимости в дыму. Кроме того, существуют сопутствующие проявления опасных факторов пожара: осколки, части разрушившихся зданий, сооружений, транспортных средств, технологических установок, оборудования, агрегатов, изделий и иного имущества; радиоактивные и токсичные вещества и материалы, попавшие в окружающую среду из разрушенных технологических установок, оборудования, агрегатов, изделий и иного имущества; вынос высокого напряжения на токопроводящие части технологических установок, оборудования, агрегатов, изделий и иного имущества; опасные факторы взрыва, произошедшего вследствие пожара; воздействие огнетушащих веществ¹. Отметим также неконтролируемый характер горения при пожаре и такую его специфическую характеристику, как возможность длительного существования и неконтролируемого территориального охвата при благоприятных для горения условиях. Например, взрыв или выстрелы дробью в отличие от пожара имеют очевидный конечный характер. После того как взрывное устройство приведено в действие, выстрел дробью произведен, данный способ не может быть возобновлен, поскольку средство совершения преступления невозобновляемое, в то время как пожар, вне зависимости от длительности горения огня, способен увеличиваться, с большой скоростью распространяться и охватывать большие площади.

Второй критерий общепасного способа совершения преступления – это обстановка совершения преступления. В зоне действия

¹ Технический регламент о требованиях пожарной безопасности : Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ : текст с изм. и доп. на 14 июля 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

поражающих факторов огня (в «зоне пожара») должны находиться иные объекты уголовно-правовой охраны, в отношении которых возникает реальная угроза причинения вреда (люди, имущество и пр.). Общепасность способа состоит в наличии опасности для иных охраняемых объектов уголовно-правовой охраны, помимо непосредственного объекта посягательства.

Так, П. был осужден за убийство С. общепасным способом (путем поджога) с целью скрыть другое преступление, а также за умышленное уничтожение имущества, повлекшее причинение значительного ущерба, путем поджога. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор и апелляционное определение без изменения, указав, что вывод суда о наличии общепасного способа является обоснованным. При совершении поджога имелась опасность возгорания других деревянных домов. Судом были оценены действия сотрудников пожарной части, связанные с предотвращением распространения огня на другие постройки, скорость и направление ветра в поселке во время совершения поджога².

Помимо объективной стороны преступления для квалификации преступления очень важное значение имеет установление субъективной стороны содеянного, психического отношения виновного к совершенному им деянию.

Преступления с применением огня могут быть совершены с различными формами вины, но субъективная сторона преступления, совершенного путем поджога, характеризуется только умышленной формой вины – прямым или косвенным умыслом: виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия) в виде поджога, предвидел возможность или неизбежность возникновения пожара и наступления в результате него общественно опасных последствий и желал их наступления либо не

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2021 г. № 10-УД21-15-А4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

желал, но сознательно допускал эти последствия либо относился к ним безразлично.

В приведенном выше примере суд верно указал «на осведомленность П. о незначительном расстоянии между домом потерпевших и другими деревянными домами и хозяйственными постройками, а также на возможность предвидения того, что распространение огня влекло опасность в том числе и для других людей»¹. Суд оценил субъективную сторону содеянного и с учетом установленных объективных обстоятельств дела верно квалифицировал действия П. как преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 УК РФ.

В случае, когда виновный не полностью реализовал свой умысел, т. е. совершил поджог, однако последствия в виде причинения вреда объекту посягательства не наступили, правоприменителю также следует тщательно исследовать субъективную сторону преступления и установить отношение виновного к ненаступившим последствиям.

Например, обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, является причинение значительного ущерба потерпевшему, в связи с чем возможны две ситуации:

1) значительный ущерб в результате поджога не причинен, но виновный желал его причинения: содеянное квалифицируется по общим правилам как покушение на совершение соответствующего преступления [6];

2) значительный ущерб не причинен, виновный безразлично относился к последствиям: исключается квалификация содеянного как покушение на преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 УК РФ, так как невозможно совершение покушения на преступление с косвенным умыслом.

Так, Ф. и Г. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ. В своем кассационном определении Верховный Суд Российской Федерации отметил, что виновные действовали с косвенным умыслом, так как при

¹ Там же.

совершении поджога безразлично относились к возможным последствиям в виде уничтожения домов, принадлежащих Б. и СПК «Заря». Однако Верховный Суд указал, что «совершение покушения на преступление возможно только с прямым умыслом, так как лицо должно желать наступления общественно опасных последствий, однако этого обстоятельства судом не установлено»², и прекратил в данной части уголовное дело в связи с отсутствием в действиях Ф. и Г. состава преступления.

Наличие обоих критериев (поражающие свойства огня и обстановка совершения преступления) при поджоге позволяет расценить содеянное как совершенное общественно опасным способом. Однако законодатель в диспозициях статей альтернативно перечисляет поджог и общественно опасный способ совершения преступления, тем самым придавая им разное значение, хотя и Верховный Суд Российской Федерации, и судебная практика восприняли позицию обязательной «общественности» поджога при квалификации преступлений.

Так, суд установил, что М. и П. с целью сокрытия следов преступления угнали и подожгли автомобиль, который в результате был уничтожен огнем, причинив потерпевшей значительный ущерб. Суд в части поджога автомашины квалифицировал содеянное как умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога, повлекшее причинение значительного ущерба (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее: «Из диспозиции ч. 2 ст. 167 УК РФ следует, что ответственность по ней наступает в случае, если поджог являлся общественно опасным способом уничтожения имущества».

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества»

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2008 г. № 86-О08-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем” разъясняется, что умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня в условиях, исключаяющих его распространение на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, надлежит квалифицировать по части первой статьи 167 УК РФ, если потерпевшему причинен значительный ущерб.

По данному уголовному делу судом установлено, что автомобиль осужденные угнали на безлюдный участок лесистой местности, находящийся на окраине г. <...>, около грунтовой дороги, ведущей на базу отдыха, где его и подожгли.

Из показаний допрошенных свидетелей и других доказательств, положенных в осно-

ву приговора, следует, что угрозы распространения огня на другие объекты, угрозы жизни и здоровью людей не имелось.

При таких обстоятельствах действия М. следовало переквалифицировать на ч. 1 ст. 167 УК РФ, как умышленное уничтожение чужого имущества с причинением значительного ущерба»¹.

Из приведенных решений высшей судебной инстанции следует, что для правильной квалификации содеянного необходимо не только выявить сам факт поджога и причинения в результате потерпевшему значительного ущерба, но и установить и указать в обвинительном заключении и приговоре обстоятельства дела, характеризующие поджог как общеопасный способ совершения преступления, в том числе особенности субъективной стороны преступления.

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / П. В. Агапов, Д. А. Безбородов, Я. Ю. Васильева ; под общ. ред. О. С. Капинус. Москва : Проспект, 2019. 1375, [1] с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 1359 с. (Профессиональные комментарии).
3. Никонов П. В., Черноусова А. В. Обзор судебной практики об уголовной ответственности за уничтожение и повреждение чужого имущества (ст. 167, 168 УК РФ) // Аналитические обзоры юридической практики. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2013. Т. 12.
4. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / авт.-сост. Ю. И. Антонов [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. Москва : Норма, 2014. 735 с.
5. Попов А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002. 211 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII – VIII / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва, Юрайт, 2017. 371 с. (Профессиональные комментарии).

Информация об авторе

П. В. Федышина – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

P. V. Fedyshina – Senior Lecturer of the Department of criminal law, criminology and penal executive law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 18-УД22-69-А3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ МОТИВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СОКРЫТИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ УЧЕТА

Василий Викторович ШИЛИН

*Прокуратура Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия,
shilin-82@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам доказывания мотива при расследовании фактов сокрытия преступлений от официального учета. На примере правоприменительной практики Ленинградской области и других регионов России рассматриваются различные подходы к установлению мотива должностного преступления, сопряженного с отказом в регистрации сообщения о преступлении, анализируются особенности сбора и оценки доказательств, подтверждающих наличие личной заинтересованности должностного лица в злоупотреблении полномочиями.

Ключевые слова: мотив, сокрытие от учета, должностное преступление, регистрация, иная личная заинтересованность

Для цитирования: Шилин В. В. Особенности доказывания мотива при расследовании сокрытия преступлений от учета // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 105 – 111.

Original article

SPECIAL ASPECTS OF PROVING A MOTIVE IN THE PROCESS OF INVESTIGATING
CONCEALMENT OF A CRIME FROM ITS BEING RECORDED

Vasily V. SHILIN

*Prosecutor's Office of the Leningrad region,
St. Petersburg, Russia, shilin-82@bk.ru*

Abstract. The article is devoted to the problematic aspects of proving a motive in the investigation of the facts of non-disclosure of crimes concealing them from official records. Using the examples of law enforcement practice in the Leningrad Region and other regions of Russia, the author considers various approaches to establishing the motive of an official offense involving failure to register a crime report, analyzes the peculiarities of collecting and evaluating evidence that confirms the official's personal interest in the abuse of authority.

Keywords: motive, concealment from registration, official malfeasance, registration, other personal interests

For citation: Shilin V. V. Special aspects of proving a motive in the process of investigating concealment of a crime from its being recorded. Criminalist. 2023;4(45):105-111. (In Russ.).

Проблема сокрытия преступлений от учета не первый день вызывает беспокойство руководства страны с учетом значимости задачи соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве.

© Шилин В. В., 2023

Вопрос противодействия таким фактам неоднократно затрагивался в публичных выступлениях руководства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, являлся предметом мероприятий координационного характера и до настоящего времени сохраняет актуальность.

В этой связи в целом ряде руководящих документов Генеральной прокуратуры России предусмотрена обязанность прокуроров принимать меры к повышению объективности ведомственных показателей регистрируемой преступности и ее раскрываемости, для чего задействовать весь комплекс полномочий, одновременно выявлять и устранять причины и условия, способствующие укрытию преступлений от регистрации.

Результаты работы прокуроров нередко свидетельствуют о том, что существенный массив преступности остается латентным не только в связи с отсутствием сведений о совершенных противоправных деяниях, но и вследствие нежелания представителей правоохранительной системы инициировать уголовное преследование в силу тех или иных причин.

На примере Ленинградской области заметно, что количество преступлений, поставленных на учет прокурорами из числа ранее известных, но по разным причинам неучтенных, в период до 2022 года имело тенденцию к росту.

Так, в 2020 году в Ленинградской области зарегистрировано 27 427 преступлений, из которых на учет по требованию прокурора поставлены 5 337, или 20,2 %. Простой подсчет дает основания для неутешительного вывода о том, что каждое пятое уголовное дело возбуждается лишь по требованию надзирающего прокурора¹.

Не вдаваясь в рамках данной работы в проблемные вопросы квалификации сокрытия преступлений от учета, отметим, что его доказывание на практике представляет еще большую сложность. Отсутствие единообразия в судебной практике рассмотрения соответствующих уголовных дел делают задачу правоприменителя особенно трудной.

И в каждом без исключения уголовном деле этой категории, дошедшем до суда, государственный обвинитель сталкивается с

¹ Для сравнения, по итогам 2016 года число выявленных и поставленных прокурором на учет преступлений, ранее известных, но по разным причинам не учтенных, составило в Ленинградской области 1 583, т. е. 9 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

целым рядом сложных процессуальных моментов, взгляды на которые зачастую разнятся ввиду особенностей доказываемого состава. Мотив преступления — один из таковых.

Если не принимать во внимание случаи сокрытия преступлений от учета из корыстной заинтересованности, то на первый план выходит пресловутая «иная личная» заинтересованность, общие контуры которой, как известно, определил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16 октября 2009 года № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: «...стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.».

То есть что-то из указанного перечня либо «и т. п.» следователь обязан сначала определить, а потом и доказать в рамках расследования, что применительно к уголовным делам о сокрытии преступлений от учета вызывает объективные сложности.

Можно ли доказать карьеризм и как отличить его от «синдрома отличника», увлеченности работой, самоотверженности в служении Родине либо определить, что именно он, а не желание скрыть свою некомпетентность, побудил обвиняемого не регистрировать конкретное преступление? Так или иначе, для следвателя задача доказывания мотива всегда стоит на повестке дня, и принципы так называемой строгой (по сути, не зависящей от мотива) уголовной ответственности, применяемые в странах англосаксонской правовой доктрины, в российской правовой системе по понятным причинам невозможны [1]. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого подлежат указанию в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) конкретные обстоятельства, подлежащие

доказыванию в соответствии с пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, к числу которых относится и мотив преступления.

В итоге непонимание следователем важности верной формулировки мотива или неумение его обосновать часто являются базой некорректного обвинения. И бездумное перечисление в нем всех возможных и невозможных мотивов, и произвольный выбор одного из них — все дает благодатную почву для построения эффективной линии защиты, опровергающей не подкрепленную исходными данными версию следствия.

Без реальных доказательств выводы следствия всегда голословны. Допустим, подсудимый, по мнению следователя, укрывает преступление от учета из желания повысить раскрываемость. Но ведь ее изменение от одного сокрытого преступления составит тысячные доли процента, да и, возможно, оно бы и было раскрыто, и почему же вдруг лично подсудимому эта цифра так важна и выгодна, — все эти доводы адвоката не лишены смысла, когда речь заходит об упущениях в доказывании умысла. То же касается и таких мотивов, как желание скрыть некомпетентность, получить повышение по службе, избежать привлечения к дисциплинарной ответственности, которые применительно к особенностям содеянного требуют четкой и понятной логики следователя в их констатации и доказывании.

Различные мнения о специфике сбора доказательств, определяющих мотив, неоднократно высказывались в юридической литературе [2]. Однако единообразие научных подходов к проблеме по-прежнему не достигнуто, тем более что существенная часть теоретических исследований посвящена, как правило, субъективной стороне должностного преступления как такового, нежели той его разновидности, которая сопряжена с сокрытием сотрудником правоохранительного органа уголовно наказуемого деяния от официального учета.

В частности, вызывает споры в юридической литературе применимость к категории мотива преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, известной формулировки

«действуя из ложно понятых интересов службы».

По мнению, например, Б. С. Волкова, «личная заинтересованность и ложно понятые интересы учреждения — противоположные мотивы, по-разному характеризующие общественную опасность нарушения должностными лицами служебного долга. Мотивы ложно понятой необходимости простираются не из стремления получить личное удовлетворение, а из других оснований, из так называемого чувства ложного патриотизма» [3, с. 130]. Наоборот, по версии Г. Р. Смолицкого, «когда закон говорит о личной заинтересованности, нужно иметь в виду не только имущественную или иную личную выгоду либо узко личные интересы, но и те случаи, когда должностное лицо вносит в работу государственного аппарата чуждые элементы, противопоставляя интересы „своего“ учреждения или предприятия общегосударственным интересам в целом» [4, с. 15].

Представляется все же, что с учетом определения иной личной заинтересованности, изложенного в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19, ложно понятые интересы службы вряд ли могут рассматриваться в этом качестве, так как сами по себе не говорят об извлечении выгод неимущественного характера. Поэтому включение такого оборота в текст обвинительного заключения без дополнительных ссылок на достигаемые преступлением личные блага полагаем ошибочным и основанным, скорее, на неумении следователя формулировать мотив по существу.

В тех же случаях, когда следователь не принял мер к обоснованию мотива, вероятность вынесения оправдательного приговора ввиду, как может ошибочно показаться, такого незначительного упущения возрастает.

Например, определением судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 2 марта 2006 года по делу № 22-591 отменен приговор суда первой инстанции и прекращено производство по делу по обвинению сотрудника органа внутренних дел

в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, с указанием на предположительный характер вывода нижестоящего суда о получении указанным должностным лицом личной выгоды в результате сокрытия заявления потерпевшего о краже. При этом суд кассационной инстанции подчеркнул, что «желание повысить статистические показатели работы УВД не может считаться личной заинтересованностью. Не усматривается из материалов дела и какого-либо продвижения подсудимого по службе в результате единичного сокрытия от учета преступления. Боязнь критики не является злоупотреблением должностными полномочиями, а свидетельствует о наличии в действиях лица дисциплинарного проступка»¹.

Еще более показательный вывод сделал Верховный суд Республики Карелия (дело № 22-1579/2015), оправдывая 15 октября 2015 года в апелляционном порядке оперуполномоченного И., обвиняемого в сокрытии преступления от учета.

Как указал суд, «ни органами предварительного расследования, ни судом не установлено и в процессуальных документах не приведено, каким образом сокрытие возможно совершенного преступления от учета и улучшение статистических показателей создавало бы именно для И. какие-либо выгоды неимущественного характера, что, в свою очередь, могло действительно служить мотивом злоупотребления должностными полномочиями по смыслу уголовного закона. Вместе с тем из исследованной в судебном заседании характеристики И. следует, что за время работы на обслуживаемом участке подсудимый показал высокие результаты, активно принимает участие в раскрытии и пресечении преступлений, в минувшем году им лично раскрыто <...> преступлений, в группе — <...> преступлений. Материалы уголовного дела не содержат докумен-

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 2 марта 2006 г. № 22-591 // Бюллетень судебной практики Омского областного суда. 2007. № 1 (31). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тальных сведений о том, что И. стремился каким-либо незаконным путем улучшить действительное положение своих дел. Нет достоверных данных и о результатах работы И., а также отдела полиции № <...> в сопоставлении со средними показателями по Республике, службе, а также о каких-либо неприятностях по службе в связи с возможными плохими или посредственными показателями. Таким образом, судом апелляционной инстанции установлено, что мотив преступления в форме иной личной заинтересованности вменен голословно. Следовательно, бездоказательность мотива преступления означает его полное отсутствие»².

В основе подобных решений лежит не столько невозможность установить мотив, сколько неприятие к этому достаточных мер со стороны следственного органа.

Наоборот, в тех случаях, когда следователем уделяется должное внимание доказыванию иной личной заинтересованности, результат становится противоположным. При этом открытость перечня, представленного Верховным Судом Российской Федерации, позволяет судам учитывать многочисленные факторы как составляющие единого мотива.

Так, Волховским городским судом Ленинградской области 23 июня 2020 года по делу № 1-39/2020 постановлен обвинительный приговор в отношении оперуполномоченного УМВД района Б. по факту сокрытия от регистрации преступления. Согласно приговору, преступление совершено «для создания перед руководством видимости успешно выполненной работы, получения впоследствии возможного поощрения за нее, нежелания снижать результаты эффективности своей деятельности и деятельности коллег по службе»³.

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 15 октября 2015 г. по делу № 22-1579/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.07.2023).

³ Приговор Волховского городского суда (Ленинградская область) от 23 июня 2020 г. по делу № 1-39/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.07.2023).

В литературе высказывается логичная мысль, что «при совершении преступлений данной категории корыстная заинтересованность, как правило, бывает неразрывно связана с иной личной заинтересованностью (если речь не идет о получении взятки), поскольку именно служебные успехи могут обусловить получение надбавок к зарплате, премий и т. д. Поэтому не будет ошибкой в подобных случаях указывать и на корыстную, и на иную личную заинтересованность должностного лица» [5, с. 21].

В обвинительных приговорах в обоснование мотива указывается также на «нежелание обременять себя проведением проверки» (приговор Красноармейского городского суда Саратовской области от 4 апреля 2019 года по делу № 1-14/2019), «стремление избежать выполнения значительного объема работы, направленной на выяснение обстоятельств, подлежащих установлению в ходе проверки сообщения о преступлении, и тем самым снизить служебную нагрузку» (приговор Псковского городского суда от 14 октября 2016 года по делу № 1-432/2016).

Доказыванию мотива преступления может способствовать тщательный анализ критериев оценки деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений.

Нормативными актами МВД России предписан дифференцированный подход к определению итогов деятельности территориальных органов внутренних дел в зависимости от ее ведомственной и вневедомственной оценки. К вневедомственной здесь отнесена в основном социологическая информация, отражающая, например, мнение населения о работе полиции. Основной же массив критериев приходится на ведомственную оценку, которая сформулирована как «экспертная оценка и оценка по статистическим показателям».

Одной из целей такой оценки является выработка управленческих решений в отношении конкретного территориального органа внутренних дел с учетом условий его функционирования.

Некоторые аспекты правоохранительной работы охарактеризованы как отрицательные либо положительные. Одновременно посредством использования простых математических формул предложено определять общий результат конкретного подразделения МВД России по каждому из таких аспектов в соотношении с лучшим результатом из числа достигнутых в конкретном регионе.

Для этого введены понятия «критерий оценки» (наилучшее значение статистического показателя среди оцениваемых территориальных органов МВД России) и «оценочный показатель» (выраженное в баллах соотношение между статистическим показателем и критерием оценки).

По каждому из оценочных показателей проставляются баллы от нуля до ста пропорционально наилучшему результату среди территориальных органов МВД России. В дальнейшем результаты такого анализа по всем исследуемым критериям сводятся в итоговую оценку, представляющую собой средневзвешенное значение оценочных показателей.

При этом формулы подсчета могут существенно изменять число полученных оцениваемым подразделением баллов при даже незначительном изменении исходных данных.

Отрицательным показателем признано, в частности, «количество преступлений, совершенных в общественных местах, связанных с угрозой жизни, здоровью и имуществу граждан, хулиганством, в расчете на 100 тысяч населения».

Здесь можно отметить, что, например, в 2020 году в Ленинградской области зарегистрировано 7 005 преступлений, совершенных в общественных местах. В абсолютных цифрах наибольшее число поставлено на учет в крупнейших районах — Всеволожском (2 060), Выборгском (943), Гатчинском (571), наименьшее — в Подпорожском (76), Лодейнопольском (115), Волосовском (174).

В пересчете же количества зарегистрированных преступлений на 100 тысяч человек населения наибольшее число оказывается в Сланцевском (513,1) и Тихвинском (498,2)

районах, за ними следуют Выборгский (475,7) и Всеволожский (469,7), а наилучшая ситуация у Гатчинской полиции (239,9).

Однако если бы количество зарегистрированных преступлений, совершенных в общественных местах, например, Выборгского района уменьшилось всего на 13 (что немногим более 1 %), до 930, показатель составил бы 469,1. Это позволило бы Выборгскому УМВД набрать по этому критерию меньшее число «негативных» баллов, чем, например, Всеволожскому.

Схожая логика касается и других показателей, приведенных в нормативных актах МВД России в качестве предмета оценки. Таких, например, как число выявленных лиц, установленных сотрудниками уголовного розыска, по преступлениям против собственности или доля преступлений, уголовные дела по которым направлены в суд, в общем числе предварительно расследованных. В части же работы по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений количество и видовой состав критериев оценки еще более увеличиваются.

Для выяснения значимости внутри ведомства положений соответствующих нормативных актов МВД России следователем могут быть произведены допросы в качестве свидетелей действующих сотрудников ОВД, занимающих в других регионах России руководящие либо сопоставимые должности, на предмет принятой в ведомстве системы показателей.

Тем самым задача следователя — подтвердить, что как для районного органа внутренних дел в целом, так и для отдельных оперативных сотрудников нераскрытое (в том числе выявленное) преступление конкретной категории (например, против собственности, совершенное в общественном месте) рассматривается как негативный показатель.

Собственно нераскрытым оно станет после того, как соответствующее уголовное дело следователем будет впервые приостановлено производством, однако работа по его раскрытию ведомственными приказами

возлагается на тех же оперативных сотрудников уголовного розыска¹.

В тех же целях следователем могут быть изъяты, осмотрены справки о результатах целевых проверок территориального органа внутренних дел, проведенных вышестоящим подразделением. Их итоги нередко включают оценку отдельных направлений служебной деятельности на базе соотношения цифровых характеристик.

Также в рамках расследования подлежат истребованию должностные регламенты сотрудников ОВД, положения которых конкретизируют их обязанности по выявлению, раскрытию, пресечению и предотвращению преступлений, установлению обстоятельств, способствовавших их совершению, проверке заявлений о совершении преступлений, розыску лиц, совершивших преступления, похищенного имущества, а также ответственность за результаты оперативно-служебной деятельности по своей линии работы.

Кроме того, следователем могут быть осмотрены материалы служебных проверок, проведенных в отношении сотрудников ОВД с последующим привлечением их к дисциплинарной ответственности. Мотивировка обоснования выявленных нарушений, как правило, свидетельствует о наличии прямой связи между снижением количественных показателей работы сотрудника по выявлению, раскрытию преступлений и последующей негативной оценкой его деятельности.

¹ Согласно п. 2.11 приложения № 2 к приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 года № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» нераскрытое преступление — преступление, производство по уголовному делу о котором приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Преступления исключаются из числа нераскрытых только после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо его прекращении. В число нераскрытых включаются преступления, производство по уголовным делам о которых впервые приостановлено в текущем отчетном периоде по указанным основаниям, независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступления.

Схожая практика доказывания мотива преступления уже нашла воплощение в судебных приговорах.

Так, апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 16 мая 2017 года по делу № 22-2365/2017 оставлен в силе приговор суда первой инстанции в отношении участковой уполномоченной Б. по факту укрытия ею преступления от учета (ч. 1 ст. 285 УК РФ) с назначением наказания в виде реального лишения свободы на срок 1 год 2 месяца. В рамках данного уголовного дела использовались показания свидетелей (сведения о личности которых не разглашались) относительно принятых способов оценки результатов работы участ-

ковых как «положительных» и «отрицательных»¹.

Таким образом, верное определение мотива совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, а равно его надлежащее доказывание являются существенными факторами вынесения законного судебного приговора по делам о сокрытии преступлений от учета.

В этой связи грамотная организация следственной работы позволит заблаговременно принять меры к обеспечению сбора доказательств, характеризующих мотив совершения преступления, и обеспечить неуклонную реализацию принципа неотвратимости наказания по всем случаям совершения подобных преступных деяний.

Список источников

1. Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве : учеб. пособие / отв. ред. М. А. Егорова. Москва : Юстицинформ, 2017. 374, [1] с. (Серия Образование).
2. Гончаров В. А. К вопросу о субъективной стороне должностного преступления // Юристъ-Правоведь. 2007. № 1. С.42 – 45.
3. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1968. 166 с.
4. Смолицкий Г. Р. Должностные преступления. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Юрид. изд-во, 1947. 68 с.
5. Борков В. Н. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) : метод. рекомендации. Омск : Омская акад. МВД России, 2013.

Информация об авторе

В. В. Шилин – Начальник управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью прокуратуры Ленинградской области.

Information about the author

V. V. Shilin — Head of the Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities of the Leningrad region Prosecutor's Office.

¹ Апелляционное постановление Приморского краевого суда (Приморский край) от 16 мая 2017 г. по делу № 22-2365/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.07.2023).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347.963

SWOT-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СОБЛЮДЕНИЯ ИХ ПРАВ

Ольга Константиновна АНАЦКАЯ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, olka.ez@icloud.com*

Аннотация. Статья посвящена возможности применения в рамках проведения прокурорской проверки SWOT-анализа как метода исследования семейной среды. В исследовании аргументируется тезис о том, что посредством SWOT-анализа прокурор может представить отчетливую картину внутренних и внешних сил, тенденций и препятствий, в условиях которых строятся детско-родительские отношения. Построение указанной картины, в свою очередь, призвано повысить эффективность прокурорской защиты прав несовершеннолетних при оценке как семейного благополучия, так и достаточности мер, принимаемых органами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: SWOT-анализ, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, органы профилактики, прокурорская проверка, метод прокурорской проверки, несовершеннолетние

Для цитирования: Анацкая О. К. SWOT-анализ как метод прокурорской проверки исполнения законодательства о несовершеннолетних и соблюдения их прав // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 112 – 118.

Original article

SWOT ANALYSIS AS A METHOD OF PROCURATORIAL VERIFICATION OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION ON MINORS AND COMPLIANCE WITH THEIR RIGHTS

Olga K. ANATSKAYA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, olka.ez@icloud.com*

© Анацкая О. К., 2023

Abstract. The article is devoted to the possibility of using SWOT analysis as a method of examining the family environment in the framework of a prosecutor's inspection. The paper argues that through SWOT analysis, the procurator can present a clear picture of internal and external forces, trends and obstacles in which child-parent relations are built. The formation of this picture, in turn, is designed to increase the effectiveness of procuratorial protection of the rights of minors in assessing both family well-being and the sufficiency of measures taken by the authorities to prevent neglect and juvenile delinquency.

Keywords: SWOT analysis, prevention of neglect and juvenile delinquency, prevention agencies, procurator's check, method of procurator's check, minors

For citation: Anatskaya O. K. SWOT analysis as a method of procuratorial verification of the implementation of legislation on minors and compliance with their rights. *Criminalist*. 2023;4(45):112-118. (In Russ.).

В настоящее время социологами отмечается кризис института семьи — тенденция к ее нестабильности [1, с. 39–57]. Семья как социальный институт выполняет значимые для всего общества функции по воспроизведению, воспитанию и социализации новых членов общества, а потому нуждается в особой защите. Общесоциальные проблемы материально-финансового и жилищно-бытового характера, проблемы, возникающие вследствие саморазрушающих человека зависимостей, а также новые вызовы, связанные с изменившимися в последние несколько лет политико-экономическими условиями, только увеличивают потребность в комплексном подходе к организации защиты российской семьи со стороны государства.

Защита семьи и создание условий для достойного воспитания детей признаны одной из функций государства (п. «ж1» ст. 72 Конституции Российской Федерации). В целях реализации этой функции государственными органами осуществляется деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Указанная деятельность призвана решать задачи по обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, предупреждению их безнадзорности, вовлечения в антиобщественные действия, совершения ими правонарушений (ст. 2 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Поскольку внутрисемейные отношения оказывают ключевое влияние на формирование личности ребенка и это влияние не всегда является позитивным, государство

при осуществлении профилактической работы должно реализовывать механизмы, нивелирующие негативное воздействие семьи на формирование личности ребенка, избегая ограничения приоритетного права родителей на воспитание собственных детей. Прокуратура как гарант законности посредством прокурорского надзора обеспечивает сохранение указанного баланса в деятельности органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В то же время высказывается мнение, что случаи нарушения прав и свобод несовершеннолетних являются типичными не только для тех, кто призван защищать детей по своему социальному статусу — родителей, но и для тех, кто обязан их защищать согласно своему профессиональному долгу — работников учебно-воспитательных учреждений, органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [2, с. 15]. В таком случае можно сделать вывод о том, что прокурор реализует не только надзорную функцию, но и правозащитную, содействуя несовершеннолетним в реализации и восстановлении их прав.

В связи с индивидуальными особенностями каждой семьи эффективная реализация надзорной деятельности и непосредственной защиты прав несовершеннолетних при проверке законности деятельности органов профилактики требует анализа внешних и внутренних факторов, влияющих на формирование детско-родительских отношений в каждой отдельной семье, попадающей в поле зрения прокурора.

Осуществление указанного анализа возможно в рамках предоставленного прокурору полномочия по проведению прокурорской проверки как средства прокурорского

надзора, применяемого для обнаружения любых правонарушений во всех направлениях.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что детальная регламентация порядка реализации прокурорами надзорных функций не требуется¹, что оставляет прокурорским работникам определенную свободу выбора методов, используемых при проведении проверок.

По мнению ряда исследователей, все средства, применяемые прокурорами, можно подразделить на правовые (установленные законодательно) и организационно-методические (выработанные практикой) [3, с. 83–93]. Учитывая вышеуказанное мнение Конституционного Суда Российской Федерации, такое сложносоставное правовое средство реализации прокурором своих полномочий, как прокурорская проверка, содержит в себе и методы организационно-методических средств, т. е. прямо не установленных законом. Указанный вывод открывает возможности для применения и адаптации приемов и методов, разработанных в иных науках.

Экономика предлагает такой инструмент сканирования среды, как SWOT-анализ. Аббревиатура SWOT представляет собой первые буквы английских слов *strengths* (сильные стороны), *weaknesses* (слабые стороны),

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр „Мемориал“», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

opportunities (возможности), *threats* (угрозы) [4, т. 7].

SWOT-анализ применяется преимущественно для оценки эффективных путей развития организованных социальных единиц всех форм. Его сущность заключается в определении сильных и слабых сторон, внешних угроз и возможностей, которые могут помешать или же помочь организации в ее деятельности и развитии.

Семья как малая социальная группа и специфическая социально-психологическая общность также составляет организованный человеческий коллектив, который в каждом конкретном случае имеет свои сильные и слабые стороны, влияющие на реализацию имеющихся возможностей, на внутрисемейные отношения влияют и внешние угрозы. Посредством SWOT-анализа прокурор может представить отчетливую картину внутренних и внешних сил, тенденций и препятствий, в условиях которых строятся детско-родительские отношения.

Прокурорская проверка включает в себя этапы подготовки, проведения проверочных мероприятий и оценки полученной информации [5, с. 208–215]. И хотя по своей сути SWOT-анализ является методом оценки, для максимальной эффективности в ходе проведения прокурорской проверки его использование должно начинаться с первого этапа — подготовки, в рамках которой определяются, в частности, предмет и задачи SWOT-анализа.

Поскольку изначально SWOT-анализ был создан для анализа эффективности деятельности организаций, определение его предмета в виде предмета проводимой прокурорской проверки или состояния законности в целом будет приводить к нечеткости и размытости выводов, основанных на средних значениях различных объектов проверки. Наибольшую эффективность применение SWOT-анализа показывает при сканировании организованных социальных единиц, к которым относится и семья. Так, в случае проверки деятельности органов профилактики целесообразно проводить выборочный анализ семей, состоящих на профилактическом учете, если же проверка проводится в рамках подготовки к судебным заседаниям, связанным с защитой прав несовершенно-

летних, то SWOT-анализу подлежит каждая семья, в отношении которой организовано судебное рассмотрение.

Общие закономерности семейного неблагополучия, предмет [6, с. 207–218] и цели прокурорской проверки будут влиять как на объем проводимого SWOT-анализа, так и на круг охватываемых им семей. Но в любом случае предметом SWOT-анализа остается индивидуально определенная семья, ставшая объектом прокурорской проверки в связи с возможными нарушениями прав несовершеннолетних лицами, призванными защищать детей по своему социальному статусу или профессиональному долгу. Исходя из предмета SWOT-анализа можно определить его задачи:

- 1) выявление сильных и слабых сторон семьи как социального института, полноты реализации семьей своих функций;
- 2) выявление внешних угроз, мешающих семье выполнять свои функции как социального института;
- 3) выявление возможностей для благоприятной жизни семьи и выхода из кризиса (при его возникновении);
- 4) анализ связей всех оцениваемых элементов;
- 5) выявление причин и условий, способствующих семейному неблагополучию, нарушению прав несовершеннолетних, и способов их устранения.

В целях решения указанных задач используется общая табличная форма элементов SWOT-анализа:

Внутренняя среда	Сильные стороны	Слабые стороны
Внешняя среда	Возможности	Угрозы

Анализ внутренней и внешней среды семьи основывается на оценке различных характеристик. При этом та или иная характеристика внутренней семейной среды может отражать как сильную, так и слабую сторону семьи, а характеристика внешней среды, окружающей семью, может воссоздавать модель угрозы или возможности. Например, такая характеристика внутренней среды, как конфликтность внутри семьи, может показывать сильную сторону семьи

при отсутствии конфликтов или слабую при их наличии. Внешняя характеристика «экономическое состояние региона проживания», передающая состояние рынка труда, средний уровень инфляции, предоставляемые регионом социальные гарантии, может отражать как угрозу для существования семьи, например при отсутствии вакансий на рынке труда и небольшом количестве региональных социальных гарантий, так и возможности при стабильном рынке труда с высокой оплатой и низкими темпами инфляции.

Характеристики, подлежащие оценке при проведении SWOT-анализа в рамках прокурорской проверки, должны определяться исходя из субъектного состава и индивидуальных особенностей семьи, целей проведения прокурорской проверки. Вместе с тем можно предложить перечень наиболее универсальных из них.

Характеристики внутренней семейной среды:

- 1) состав семьи, степень ее сплоченности;
- 2) состав доходов семьи и их распределение внутри семьи;
- 3) жилищные условия (в том числе безопасность и санитарные условия жилища);
- 4) наличие предметов, обеспечивающих удовлетворение первичных потребностей человека (пища, вода, одежда, игрушки, условия для сна и обучения);
- 5) педагогическая компетентность родителей;
- 6) наличие факторов асоциальности семьи (зависимости, умышленная безработица, криминализация);
- 7) конфликтность внутри семьи;
- 8) организация совместного семейного досуга и досуга несовершеннолетних;
- 9) состояние здоровья несовершеннолетних и родителей (физического и психического);
- 10) наличие жалоб детей на родителей и родителей на детей;
- 11) степень активной самозащиты семьи от внешнего воздействия и угроз.

Характеристики внешней среды, окружающей семью:

- 1) экономическое состояние региона проживания (рынок труда, инфляция, социальная поддержка);

2) социокультурные особенности общности, к которой принадлежит семья (национальность, религия, традиции брака и воспитания, политические взгляды);

3) наличие форс-мажорных обстоятельств, которые не могли быть учтены семьей заранее (чрезвычайные ситуации, пожары, введение военного положения, мобилизация члена семьи и т. п.);

4) полнота реализации государством мер социальной и правовой защиты семьи;

5) степень давления органов образования и системы профилактики на семью и его обоснованность (профилактические учеты, посещение семьи, факты изъятия детей);

6) наличие устойчивых социальных связей семьи с внешним миром и степень их влияния на семью (коллеги, друзья, знакомые, родственники).

Представленные характеристики семейной среды, содержащие большое количество вопросов педагогики и психологии, обнаруживают необходимость подбора специалистов, привлекаемых к проверке еще на этапе ее подготовки. Поскольку SWOT-анализ во многом опирается на субъективные оценки, для обеспечения максимальной объективности выводов, получаемых по его результатам, целесообразно привлекать специалистов из числа лиц, не работающих в органах профилактики, чья деятельность входит в предмет проверки, в рамках которой проводится сам анализ.

На этапе проведения проверки осуществляется сбор фактических данных, необходимых для наполнения выбранных характеристик [7, с. 11]. В зависимости от предмета проверки и ее задач объем необходимой информации для оценки тех или иных характеристик будет различаться. Вычленив лишь необходимые сведения позволит применение принципа разумной достаточности, под которым понимается правильный выбор приоритетов и разумное расходование временных и организационных ресурсов в целях получения информации, достаточной для проведения оценки. Так, при оценке характеристики «наличие устойчивых социальных связей семьи с внешним миром и степень их влияния на семью» нет необхо-

димости анализировать связи родителей со всеми их коллегами. Однако если в трудовом коллективе происходит вовлечение одного из родителей в алкогольную зависимость, то такой факт нуждается в отражении в качестве угрозы благополучию семьи.

В целях сбора фактических данных изучаются документы, которыми располагают органы профилактики и прокурор. Руководствуясь принципом достаточности, прокурор может осуществить сбор эмпирического материала путем личного наблюдения за условиями проживания семьи, взаимодействием ее членов между собой и с иными лицами, опроса ребенка, членов его семьи, а также сотрудников органов профилактики и педагогов, непосредственно взаимодействующих с семьей. При этом прокурор использует наблюдение и опрос как стратегию создания целостного образа семьи [8, разд. VI]. Образ семьи, воспринятый посредством наблюдения прокурором, может существенно отличаться от образа, воспринятого сотрудником органа профилактики, особенно в случае, когда последний проявляет формализм и необъективность при оценке семейного благополучия. Таким образом, наблюдение прокурора за семьей является не подменой функций органов профилактики, а одним из способов сбора эмпирического материала для эффективной оценки деятельности указанных органов.

Сбор эмпирической базы для оценки характеристик внешней среды требует также анализа политико-экономического состояния условий, в которых проживает семья. Для этого разумно обладать актуальными данными об изменениях законодательства в социальной, трудовой, налоговой сферах. В ходе обязательного мониторинга СМИ может быть получена информация о тех решениях органов власти, которые могут создать угрозы или, наоборот, новые возможности для существования семьи.

Заключительный этап прокурорской проверки в части применения SWOT-анализа зависит от полученной информации. Оценке подлежат как количественные, так и качественные показатели. В оценке части характеристик, для оценки которых необходи-

мы специальные знания, может участвовать привлеченный специалист. Например, привлечение специалистов психологов и социологов позволит более эффективно оценивать семейное благополучие в семьях «внешнего благополучия», где проблемы воспитания и социализации детей имеют латентный характер. При этом окончательный анализ всех собранных материалов и формулирование выводов прокурор должен проводить самостоятельно.

Нельзя забывать, что оценка внутренней среды семьи невозможна без оценки внешних угроз и возможностей. Их соотношение может свидетельствовать как о негативных тенденциях в семье, так и о попытках позитивного выхода из ситуации. Оценка семейной среды без учета соотношения внутренних и внешних факторов может привести к неверным выводам и решениям, которые усугубят семейную проблему. Наиболее выраженный положительный эффект использования SWOT-анализа как комплексного инструмента может быть достигнут при оценке семейного благополучия в семьях, в которых родители желают заботиться о своих детях, любят их, но по объективным причинам нездоровья, низкого уровня образования или невозможности трудоустроиться не могут в полной мере обеспечить реализацию функций семьи. В таком случае SWOT-анализ позволяет увидеть и оценить необходимость принятия соответствующих мер по преодолению слабых сторон семьи и возникших внешних угроз, избегая формальной оценки семейного благополучия в отрыве от существующей действительности.

Применение механизма SWOT-анализа прежде всего направлено на установление причин и условий неблагополучия семьи и поиска способов его устранения и профилактики. В то же время необходимо придерживаться принципа, согласно которому прокуратура не подменяет иные органы, в частности органы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Проведенный прокурором анализ семейного благополучия посредством SWOT-анализа в рамках проверки законности деятельности органов профилак-

ки не должен подменять их деятельность, а призван оказать помощь в оценке соответствия закону принятых ими решений с учетом фактически сложившейся семейной среды, а также выявлении тенденций к формализму и необъективности должностных лиц органов профилактики при реализации профилактических мер.

Одновременно использование SWOT-анализа органами профилактики может повысить эффективность их деятельности, поскольку результаты анализа показывают исследователю широкую картину семейной среды, учитывающую и внутренние и внешние факторы.

В настоящее время единого для всех органов профилактики диагностического подхода в выявлении семейного неблагополучия не разработано. Существующие методики основываются на маркерах семейного благополучия, что в фактической деятельности органов профилактики приводит к поиску указанных маркеров без проведения комплексного анализа семейной среды. В то же время если органами профилактики применение SWOT-анализа должно быть организовано в комплексе с иными методиками, направленными в том числе на поиск подходящих форм профилактических мер, то в прокурорской деятельности применение исключительно данного метода является достаточным для оценки состояния законности.

SWOT-анализ как метод прокурорской проверки призван обеспечить эффективность прокурорской деятельности по защите прав несовершеннолетних в сложной с этической точки зрения сфере оценки благополучия семейной среды. Действуя в рамках принципа научности, указанный метод по итогам исследования предлагает широкую картину, но одновременно не требует глубокого вмешательства в жизнь семьи. Оценка не только внутренних сторон жизни семьи, но и внешних угроз и возможностей, а впоследствии и анализ деятельности органов профилактики создают механизм для обеспечения комплексной защиты семьи как социального института с сохранением баланса между публичными интересами общества и частными интересами семьи.

Список источников

1. Социология семьи : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности (040200) 0203000 «Социология» / А. И. Антонов, О. В. Дорохина, В. М. Медков [и др.] ; под ред. А. И. Антонова. 2-е изд., испр. Москва : ИНФРА-М, 2010. 636 с.
2. Ермаков А. В. Организация прокурорского надзора в сфере защиты прав несовершеннолетних : специальность 12.00.11 «Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ермаков Алексей Васильевич. Москва, 2007. 23 с.
3. Дытченко Г. В., Никитин Е. Л. Средства прокурорского реагирования (постановка и анализ проблемы, способы ее решения) // Криминалистика. 2009. № 1 (4). С. 83–93.
4. Патрахина Т. Н. Swot-анализ как инструмент планирования стратегии образовательной организации // Вестник евразийской науки. 2015. № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/swot-analiz-kak-instrument-planirovaniya-strategii-obrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения: 01.06.2022).
5. Коршунова О. Н. Защита прокурором прав несовершеннолетних в современных условиях: проблемы и решения // Защита здоровья нации и надзорная деятельность: актуальные вопросы и современные решения : монография по материалам Междунар. науч.-практ. симпозиума / под ред. Т. И. Отческой. Москва : Проспект, 2022. С. 208–215.
6. Коршунова О. Н., Головки И. И. Предмет деятельности прокурора – новая категория или необходимость // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 207–218.
7. Прокурорская проверка: методика и тактика проведения : учеб. пособие / О. Н. Коршунова, Е. А. Бурмистрова, И. И. Головки [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : Юридич. центр, 2017. 431 с. (Учебники и учебные пособия).
8. Подберезный В. В., Шимко З. И. Наблюдение объекта как стратегия создания его образа // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nablyudenie-obekta-kak-strategiya-sozdaniya-ego-obraza> (дата обращения: 01.09.2023).

Информация об авторе

О. К. Анацкая – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

O. K. Anatskaya – Postgraduate Student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.963

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ
К ИЗУЧЕНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛ
В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ольга Николаевна КОРШУНОВА¹, Полина Витальевна ШИРОКОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ olga_korshunova1@mail.ru

² shirokov4444@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты исследования проблем реализации этических норм в деятельности прокурорского работника, обоснован вывод о необходимости комплексного подхода к изучению данной сферы в единстве определения понятия и сущности этических начал в профессиональной прокурорской деятельности, их места в системе ее регулирования, а также условий и обстоятельств, способствующих осуществлению профессиональной деятельности в максимальном соответствии нормам закона и этики.

Ключевые слова: прокурорская деятельность, профессиональная этика прокурора, этичность поведения

Для цитирования: Коршунова О. Н., Широкова П. В. К вопросу о комплексном подходе к изучению и реализации этических начал в прокурорской деятельности // Криминалистъ. 2023. № 4 (45). С. 119–126.

Original article

MORE ON THE INTEGRATED APPROACH TO THE ETHICAL PRINCIPLES STUDY
AND ITS IMPLEMENTATION IN PROCURATORIAL WORK

Olga N. KORSHUNOVA¹, Polina V. SHIROKOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

¹ olga_korshunova1@mail.ru

² shirokov4444@mail.ru

Abstract. The results of research on the implementation of ethical norms in the work of procurators have led to the conclusion about the need for a comprehensive approach to studying this area, including the concept definition in conjunction with essence of ethical principles in professional procuratorial activity, their place in the system of regulation, and the conditions and circumstances that will contribute to discharging professional functions in maximum compliance with the norms of law and ethics.

Keywords: procuratorial activity, professional ethics of the procurator, ethical behavior

For citation: Korshunova O. N., Shirokova P. V. More on the integrated approach to the ethical principles study and its implementation in procuratorial work. Criminalist. 2023;4(45):119-126. (In Russ.).

© Коршунова О. Н., Широкова П. В., 2023

На современном этапе развития государственно-правовых теорий вновь значительное внимание уделяется такой традиционной философской категории, как этика. Рассматриваемая первоначально во взаимосвязи с категориями права и морали, в последние десятилетия она стала приобретать явно выраженный деятельностный характер.

В самом широком смысле этика — это часть философской науки о нравственности человека, его морали [1, с. 10]. Первый ее компонент — нравственность — свойства характера человека, определяющие его поведение, а второй — мораль представляют собой совокупность универсальных правил и норм поведения людей.

В историческом аспекте термин «этика» принято связывать с трудами Аристотеля, в которых данный термин, как произошедший от понятия «этос», употреблялся в смысле привычки, обычая, нравы [2, с. 11], т. е. свойства, присущие человеку. Этим обуславливались предмет и содержание этики как науки. Однако с течением времени данное понятие получило более широкое толкование, применительно к юридическим наукам заметным было тяготение к использованию его в контексте теоретических государственно-правовых основ юриспруденции в соотношении с категориями права и морали [3] в их взаимосвязи и взаимозависимости. И тогда упомянутое выше деятельностное его содержание также стало активно развиваться и использоваться для обозначения уже не в качестве просто свойства человека, но такого свойства, которое неизменно проявляется в поступках, решениях, деятельности человека в целом.

Оценка с точки зрения этики (этичности поведения) присуща различным сферам деятельности человека. В последние годы появилось много исследований, посвященных решению этических проблем деятельности, прежде всего профессиональной деятельности, например в сфере театральной архитектуры [4], бизнеса [5], трудовой деятельности молодежи [6], в спорте [7] и др. Этическая составляющая присутствует практически во всех сферах жизни. В свою очередь, деятельность в любой профессио-

нальной сфере, несмотря на ее нормативное регулирование, неразрывно связана с этикой поведения ее участников. Представляется обоснованным проблемы этического характера рассматривать прежде всего в связи с возникновением, развитием и разрешением конфликтных либо конфликтогенных ситуаций, возможных в различных сферах человеческой деятельности. Вместе с тем следует признать, что необходимость рассматривать такие ситуации чаще всего возникает применительно к деятельности, осуществляемой в профессиях типа «человек-человек». К ним традиционно принято относить профессии, связанные, например, с медицинским и бытовым обслуживанием, обучением и воспитанием. И конечно, применительно к различным аспектам юридической деятельности, т. е. деятельности, связанной с правоприменением.

Не умаляя того значения, которое на современном этапе имеет исследование морально-нравственных и этико-моральных свойств и качеств отдельного человека [8] или различных социальных групп [9; 10], в данной статье мы исходим из того, что именно профессиональная этика представляет особый интерес в силу целого ряда причин. Прежде всего это обусловлено тем, что профессиональная этика, на наш взгляд, служит фундаментом, определяющим систему условий, принципов и правил поведения людей той или иной сферы профессиональной деятельности. Кроме того, этичность поведения представителей различных профессиональных сообществ и принимаемых ими решений важна не только для членов указанных сообществ, но и для более широкого круга лиц, так или иначе вовлеченных в сферу такой деятельности.

Именно поэтому вопросы этики применительно к профессиональной деятельности юристов вызывают столь пристальное внимание ученых и практиков. Представители различных юридических профессий осуществляют свою деятельность в рамках норм соответствующих отраслей законодательства, которые регламентируют и саму деятельность юристов, и принимаемые ими решения. Вместе с тем законодатель не мо-

жет и не должен регулировать нормами соответствующей отрасли (отраслей) законодательства все многообразие возникающих ситуаций, поскольку часто даже конкретизированное их прогнозирование весьма затруднительно. Однако очень важно, чтобы правовые основы и границы осуществления профессиональной юридической деятельности были дополнены нормами и границами этического свойства, которые бы признавались большинством представителей юридической профессии и служили основой именно профессионального осуществления такой деятельности.

Традиционно особое внимание представителей юридической науки и практики привлекают различные этические аспекты профессиональной деятельности, осуществляемой в сфере уголовного судопроизводства [11; 12; 13; 14; 15; 16]. В условиях инициирования и осуществления уголовного преследования учет основных положений профессиональной этики для участников уголовного процесса приобретает особое значение в силу того, что конституционные права и свободы человека в данной сфере чаще, чем в других сферах профессиональной юридической деятельности, оказываются ограниченными, поэтому нуждаются в особом уровне защиты.

Исходя из приоритетности обеспечения законности в различных областях человеческой деятельности, соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства особенно высокие требования, в том числе этического характера, должны предъявляться и предъявляются к работникам органов прокуратуры.

Именно в силу указанных положений нравственные основы профессиональной сферы деятельности работников органов прокуратуры вообще и прокурора в частности получили закрепление и на международном, и на национальном уровне и нашли детальную регламентацию в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹.

¹ Приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 года № 114 (ред. от 21 июля 2023 г.) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского

На 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 1996 года Резолюцией 51/59 принят Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, обязывающий их действовать в интересах государства, проявляя абсолютную преданность своей стране и народу (пп. 1, 3).

Поскольку прокурорские работники являются государственными служащими, на них в полной мере распространяются положения Указа Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 года № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». Данным Указом для всех государственных органов был задан вектор на повышение внимания к нравственному поведению служащих, в связи с чем этические нормы были унифицированы посредством последовательного принятия кодексов профессиональной этики и поведения сотрудников различных государственных органов и учреждений². Не стала исключением и

работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации», от 22 декабря 2021 года № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации», от 31 марта 2023 года № 227 «Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры» и др. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

² См., напр.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3> (дата обращения: 16.06.2023); Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих : утв. Приказом МЧС России от 7 июля 2011 г. № 354. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/kadrovoe-obespechenie/grazhdanskaya-sluzhba-v-mchs-rossii/kodeks-etiki-i-sluzhebno-go-povedeniya-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhashchih> (дата обращения: 16.06.2023); Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. : текст с изм. и доп. на 15 апр. 2021 г. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 16.06.2023); Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. : текст с изм. и доп. на 1 дек. 2022 г. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Kodeks/>

прокуратура Российской Федерации. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 года № 114 был утвержден Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации¹.

Прокурорские работники как блюстители законности, которые отождествляются с носителями соответствующих этических идеалов, осуществляют свою деятельность в соответствии с установленными профессиональными стандартами. При этом презюмируется, что они должны быть в состоянии выявлять этические проблемы в своей работе и пользоваться ясными принципами для их разрешения².

Существующий подход к формированию представлений о личности прокурора и сущности осуществляемой им деятельности имеет давние исторические корни. В отечественном законодательстве еще в Именном указе от 3 сентября 1733 года «О должности прокурора» предписывалось исполнять возложенные на прокурора обязанности взвешенно, «дабы бесчестия не учинить». Аналогичные требования предъявлялись к прокурорским работникам на всех этапах более чем 300-летней истории существования и развития органов прокуратуры в России.

Преемственность такого подхода сохраняется и сегодня. Не случайно Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов постоянно подчеркивает

важность моральной чистоты и неподкупности прокурорских работников, помимо неукоснительного соблюдения законодательных предписаний [17], что однозначно подтверждает движение права к «идее правового прогресса», формированию права гуманистического [18, с. 13].

Справедливой представляется позиция, в соответствии с которой проблемы, сопровождающие современное общество, особенно в условиях процесса глобализации, противостояния культур, стран, граждан внутри государств, неизбежно ведут к поиску и созданию новых моделей жизнеустройства. На фоне мировых и отечественных политических, экономических и культурных реалий указанные вопросы приобрели особую актуальность и требуют первостепенного и немедленного реагирования [19, с. 5].

В исследованиях теоретического и прикладного характера постоянно уделяется внимание различным аспектам этики осуществления прокурорской деятельности на основе соблюдения соответствующих положений Конституции Российской Федерации, Кодекса этики прокурорского работника, Присяги прокурорского работника, общепринятых принципов и правил морали и нравственности. Однако до настоящего времени указанные исследования носили относительно разрозненный характер, поскольку их предметом выступали, как правило, этические вопросы осуществления прокурорской деятельности в том или ином направлении. Представляется, что сегодня уже созданы предпосылки для формулирования этических основ прокурорской деятельности в целом, единых для всех направлений прокурорской деятельности (как надзорного, так и ненадзорного характера) принципов и правил, этических начал организации, осуществления прокурорской деятельности, принятия соответствующих решений, использования предоставленных законом полномочий и т. д.

Отсутствие результатов комплексного изучения проблем реализации этических норм и правил в прокурорской деятельности, как представляется, создает определенные пробелы в исследовании теоретических основ прокурорской деятельности, особенно в той части, которая не урегулирована не-

Pages/default.aspx (дата обращения: 16.06.2023) ; Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Верховного Суда Российской Федерации : утв. Приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2011 г. № 192/кд. URL: <https://www.supcourt.ru/files/562/> (дата обращения: 16.06.2023) и др.

¹ Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Европейские нормы и принципы, касающиеся прокуроров (ССРЕ (2014)4) : Заключение № 9 (2014) Консультативного совета европейских прокуроров. Страсбург, 17 ноября 2014 г. (включая Римскую хартию (Рим, 17 декабря 2014 г.) и Пояснительную записку). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

посредственно нормами права. В результате имеются определенные сложности в правоприменительной практике, поскольку существуют затруднения для прокурорских работников в принятии решений организационного, методического и тактического характера в ситуациях, когда применения только норм законодательства для принятия таких решений оказывается недостаточно.

Расширение сферы применения этических норм и правил характерно для различных сфер профессиональной деятельности, что позволяет констатировать необходимость исследования проблем, возникающих в современной правовой реальности, и, как следствие, целенаправленного познания закономерностей успешного обоюдного влияния и конструктивного взаимодействия морали и права, в том числе и в прокурорской деятельности. Однако следует учитывать, что выявление и изучение указанных закономерностей представляет определенные сложности, обусловленные тем, что границы между понятиями права (норм права), морали, нравственности и этичности поведения и решений носят условный характер. А для прокурорской деятельности весьма важным представляется определение границ применения этических норм и правил, чтобы не было места усмотрению в ситуациях, когда необходимо применять те или иные конкретные нормы права по отдельности либо в целесообразных, обусловленных требованиями закона сочетаниях¹.

При оценке уровня профессионализма прокурорского работника как государственного служащего сегодня особое внимание должно уделяться степени соблюдения им не только требований закона, но и этических норм как неотъемлемой части его профес-

сионального статуса. Сформированное внутреннее понимание морали как регулятора общественных отношений, а также этической сущности и круга морально-нравственных запретов, ограничений и обязанностей государственной службы, нравственных основ законодательной и правоприменительной деятельности, нетерпимого отношения к противоправному, в частности коррупционному, поведению выступает залогом успешного осуществления прокурорских полномочий.

В контексте рассматриваемого вопроса представляется обоснованной позиция, согласно которой «там, где право отказывается давать какие-либо предписания, со своими велениями выступает нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением» [20].

Вместе с тем следует признать, что явно недостаточно предъявлять требования этичности только к профессиональной деятельности прокурора. В целях формирования личности прокурорского работника не только как профессионала в области юриспруденции, но и как специалиста, являющегося образцом неукоснительного соблюдения правовых норм в своей личной жизни, который руководствуется общепринятыми нормами морали, основанными на принципах законности, справедливости, независимости, объективности, честности и гуманизма, важно ориентироваться именно на мораль как главный ориентир существования и функционирования человека в социуме, поскольку практически все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и правовая, неизбежно подвергаются ее влиянию. В этом случае совесть человека служит главным критерием в процессе нравственного воспитания индивида, именно она формирует такие важные для любого правоприменителя, в том числе для прокурорского работника, качества, как профессиональная честь, долг перед Отечеством и патриотизм.

На фоне глобальной информатизации современного общества, колоссального объема поступающей информации, значительного увеличения количества задач, стоящих

¹ О соотношении принципов законности и целесообразности см., напр.: Коршунова О. Н. Законность и целесообразность в организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации // Практика реализации судами и прокуратурой требований закона о защите прав участников экономической деятельности : сб. ст. по материалам круглого стола, проведенного в рамках V Московского юридического форума / под ред. Т. И. Отческой. М., 2018. С. 37–42; Коршунова О. Н. Законность и целесообразность в организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 88–93.

перед работниками органов и организаций прокуратуры, и реализуемых в связи с этим функций процесс воспитательного воздействия на прокурорского работника выходит на новый, более высокий уровень, что обусловлено потребностью формирования правосознания прокурора в соответствии с системой ценностей и профессионально значимых свойств личности, необходимых для безупречного исполнения служебного долга, поддержания в общественном мнении высокого авторитета государства в целом и государственных органов в частности, включая прокуратуру как «око государево». Активное использование прокурорскими работниками различных информационных технологий в профессиональной и внеслужебной деятельности требует также определения границ дозволенного с точки зрения не только норм права, но и этических требований к общению в социальных сетях и правил использования различных интернет-ресурсов.

Прокурорам следует помнить, что соблюдение норм Кодекса профессиональной этики учитывается и при аттестации на соответствие занимаемой должности, и при формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности. Кроме того, совершение прокурорским работником проступка, порочащего честь прокурора, является основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности.

В этой связи представляется весьма актуальным исследование возможностей предупреждения неэтичного поведения прокурорских работников на службе и в быту, принятия ими решений, противоречащих нормам служебной и внеслужебной этики и морали.

Согласно положениям организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, при наличии оснований полагать, что в действиях (бездействии) прокурорского работника имеются признаки дисциплинарного проступка, например нарушения Присяги прокурора, проступка, порочащего честь прокурорского работника, в том числе связанного с нарушением норм Кодекса

этики прокурорского работника Российской Федерации, распространения сведений, порочащих честь и достоинство прокурорского работника, проводится служебная проверка, по ее результатам составляется заключение и при наличии оснований решается вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности.

Такая проверка может быть проведена комиссией в составе трех и более прокурорских работников. Именно такой подход представляется наиболее эффективным, в том числе и с этической точки зрения. Во-первых, лицо, в отношении которого проводится подобная проверка, в полной мере осознает неотвратимость наказания за содеянное. Во-вторых, с точки зрения этики присутствует элемент воспитательного воздействия как на самого нарушителя, так и на других. Для реального воздействия на внутренние установки человека, допустившего нарушение, необходимо вызвать у него чувство вины, раскаяния и стыда за содеянное, в том числе с учетом негативной реакции на его поведение со стороны коллег. Лицо должно не только осознать неправильность своего поступка, но и сформировать на будущее установку должного, единственно верного варианта этичного поведения. В-третьих, придание таких ситуаций гласности среди прокурорских работников (направление информационных писем и обзоров) будет выполнять профилактическую функцию в отношении других работников, особенно имеющих незначительный опыт работы в прокуратуре, в связи с тем что их этические установки, определяющие профессионально-этический выбор на службе и во внеслужебной деятельности, только формируются.

При необходимости принятия решения в ситуации нарушения этических норм и правил конкретным прокурорским работником возникает еще одна проблема: о целесообразности времени, порядке проведения проверки по данному факту, а также выборе вида наказания, определении его соразмерности и справедливости. При выборе вида ответственности за нарушение этических норм необходимо учитывать, насколько серьезный характер носит нарушение, на-

сколько существенный вред причинен тем или иным общественным отношениям, репутации органов прокуратуры и авторитету прокурорского работника. Помимо этого важно учитывать характеристику личности виновного лица, отношение к своим профессиональным обязанностям, поведение в коллективе и внеслужебной жизни, соблюдение правил профессионального этикета и в целом отношение к нормам морали и нравственности.

Кроме того, в целях формирования единого подхода при привлечении лиц к ответственности за неэтичное поведение необходимо, чтобы представление о должном и недопустимом поведении было не только закреплено нормативно (основывалось на общих принципах юридической ответственности — справедливости, равенстве, соразмерности, законности, вине, гуманизме), но и было сформировано в правосознании каждого работника.

На наш взгляд, при изучении проблем реализации этических норм в деятельности прокурорских работников следует использовать комплексный подход: надлежит исследовать в совокупности вопросы определения понятия и сущности этических начал профессиональной прокурорской деятельности, их места в системе регулирования этой деятельности, а также условий

и обстоятельств, способствующих осуществлению профессиональной деятельности в максимальном соответствии с нормами закона, морали и нравственности. Составными частями этого единого комплекса должны выступать выявление и изучение предпосылок и обстоятельств, способствовавших нарушению требований этики прокурорским работником, особенностей процесса правовой оценки данных обстоятельств руководителем и принятия адекватного решения, а также исследование профилактического потенциала воздействия принятых мер на конкретного работника и на других прокуроров.

Самостоятельное значение в рассматриваемом комплексном исследовании имеют вопросы воспитания будущего прокурорского работника в процессе обучения в высшем учебном заведении, этические основы создания благоприятного психологического климата в прокурорском коллективе.

Подобный подход будет способствовать совершенствованию правовых и организационных основ прокурорской деятельности, способов развития механизма реализации нравственных начал профессиональной деятельности прокурора, позволит повысить эффективность деятельности российской прокуратуры, обеспечит ее устойчивое и стабильное развитие.

Список источников

1. Ковалев А. Н., Кулик Н. В. Профессиональная этика : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2018. 101 с.
2. Халиулина В. П. Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. Москва : РУДН, 2014. 160 с.
3. Никифорова О. Б. Этические проблемы правоприменения : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Никифорова Ольга Борисовна. Саратов, 2007. 22 с.
4. Карпов С. В. Профессиональная этика архитектора в культурной традиции театральной архитектуры: этико-философский анализ : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Карпов Сергей Викторович. Иваново, 2022. 18 с.
5. Исаев Д. И. Нравственные основания и перспективы развития социальной ответственности бизнеса : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Исаев Дмитрий Иванович. Саранск, 2013. 19 с.
6. Зубащенко Я. В. Феномен трудовой этики современной молодежи (на примере деятельности студенческих отрядов) : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Зубащенко Ярослав Викторович. Иваново, 2019. 23 с.
7. Серёгин Б. В. Социокультурные основания спортивной этики : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Серёгин Борис Викторович. Иваново, 2021. 25 с.
8. Слепцова А. О. Феномен талантливой личности: этико-философский анализ : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Слепцова Анна Олеговна. Иваново, 2015. 22 с.

9. Абрамов С. В. Этико-философский анализ национализма : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Абрамов Сергей Витальевич. Саранск, 2019. 24 с.
10. Руженцев С. Е. Проблема морали и политики в социокультурных процессах России : специальность 09.00.05 «Этика» : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Руженцев Сергей Евгеньевич. Иваново, 2020. 45 с.
11. Ароцкер Л. Е. Об этике судебного эксперта // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 5. Киев : МООП УССР, 1968. С. 135 – 141.
12. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика: некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. 272 с.
13. Асташенков В. Г. Этико-психологические аспекты расследования преступлений (к общим положениям методики расследования) // Вопросы совершенствования криминалистической методики / Выш. следств. шк. МВД СССР. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1981. С. 114 – 120.
14. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов : учеб. пособие / Ю. С. Блинов, А. А. Гришин, С. В. Гуцин [и др.] ; под ред. Г. В. Дубова, А. В. Опалева. 2-е изд. Москва : Щит-М, 2001. 384 с.
15. Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. Стадия предварительного расследования. Москва : Спарк, 1996. 125 с.
16. Закомлистов А. Ф. Судебная этика : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 256 с.
17. Краснов И. В. «Решалам» в прокурорских рядах мало не покажется // РИА Новости : сайт. 2021. 9 дек. URL: <https://ria.ru/20211209/krasnov-1762837054.html> (дата обращения: 16.06.2023).
18. Лукьянова Н. Г. Право и мораль как нормативно-ценностные регуляторы поведения человека. Пятигорск : РИА-КМВ, 2006. 178 с.
19. Капинус О. С. Значение нравственных ценностей в системе подготовки кадров для органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1 (69). С. 5 – 10.
20. Новгородцев П. И. Право и нравственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 6. С. 103 – 113.

Информация об авторах

О. Н. Коршунова – заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

П. В. Широкова – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

O. N. Korshunova – Head of the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in hearings of criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor;

P. V. Shirokova – Senior Lecturer of the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in hearings of criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.963

ПРОКУРАТУРА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА
В СФЕРЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Светлана Игоревна КОРЯЧЕНЦОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, sv3833308@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу обеспечения законности в сфере градостроительной деятельности при реализации полномочий органами контроля и надзора. Действующий мораторий на проведение проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности определил эффективность осуществления прокурорского надзора, что повлекло необходимость изучения вопроса о месте прокуратуры в системе органов государственного контроля и надзора в сфере градостроительной деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурорская проверка, согласование внеплановых проверок, органы контроля, градостроительная деятельность

Для цитирования: Коряченцова С. И. Прокуратура в системе органов государственного контроля и надзора в сфере градостроительной деятельности // Криминалист. 2023. № 4 (45). С. 127 – 132.

Original article

PROSECUTOR'S OFFICE IN THE SYSTEM OF STATE CONTROL
AND SUPERVISION IN THE FIELD OF URBAN DEVELOPMENT

Svetlana I. KORYACHENTSOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, sv3833308@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of law enforcement in the field of urban planning activities while exercising by control and supervision authorities of their powers. The current moratorium on inspections of business entities has determined the effectiveness of procuratorial supervision, which has led to the need to study the place of the Procurator's Office in the system of state control and supervision in the field of urban development.

Keywords: procurator's supervision, procurator's inspection, coordination of unscheduled inspections, control bodies, urban planning activities

For citation: Koryachentsova S. I. Prosecutor's office in the system of state control and supervision in the field of urban development. Criminalist. 2023;4(45):127-132. (In Russ.).

Градостроительная деятельность в современных условиях претерпевает существенные изменения, которые обусловлены в первую очередь изменениями законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, а также изменениями в под-

ходах к реализации контрольных и надзорных полномочий органами государственной власти и местного самоуправления. Обеспечение законности в данной сфере при обязательном соблюдении прав и свобод человека и гражданина невозможно без развитой

© Коряченцова С. И., 2023

системы учета результатов самой градостроительной деятельности и без постоянного повышения эффективности деятельности органов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в целях обеспечения качества и безопасности градостроительства.

Для рассматриваемой сферы правоотношений характерно сочетание частных и публичных интересов, что требует особого внимания к прогнозированию потенциально конфликтных ситуаций, их предотвращению и определению разумных путей разрешения возникающего конфликта таких интересов. При этом следует учитывать, что планирование и осуществление градостроительной деятельности — это процесс долгосрочной (стратегической) перспективы, что влечет необходимость выделения относительно самостоятельных ее этапов с целью уяснения характера и особенностей правоотношений, складывающихся на каждом этапе и определяющих задачи как самих застройщиков, так и органов, наделенных полномочиями в части контроля и надзора.

Успешная реализация прав и законных интересов всех участников рассматриваемых правоотношений, которые носят сложный составной межотраслевой с правовой точки зрения характер, во многом зависит от правильного установления направлений совершенствования такой деятельности, а также целесообразной структуры публично-правового механизма обеспечения законности в организации и осуществлении градостроительной деятельности, включая установление роли и места в данном механизме каждого органа власти и контроля, а также способа их наилучшего взаимодействия между собой и с институтами гражданского общества, группами граждан и отдельными гражданами.

Представляется, что именно такое взаимодействие позволяет определить оптимальный вектор развития контрольно-надзорных полномочий в сфере градостроительства.

Необходимость обеспечения единства и эффективности деятельности государственных органов контроля и надзора на основе целесообразного сочетания публичных и частных интересов, а также защиты прав и

свобод человека и гражданина, институтов гражданского общества обуславливает потребность во взаимодействии прокуратуры с контрольно-надзорными органами и в определении приоритетов. Пределы взаимодействия зависят от общих задач и субъектного состава участников градостроительных правоотношений. Реализуя законные полномочия, органы прокуратуры и органы государственного контроля участвуют в решении поставленных задач, направленных на создание благоприятных условий для проживания населения, функционирования объектов производства, социальных объектов, а также формирование и сохранение экологической среды.

С учетом непростых реалий экономических процессов, происходящих в России, глобальных изменений в сфере бизнеса и с учетом возможностей исследования круга вопросов, ограниченного в том числе объемом статьи, рассмотрим отдельные вопросы осуществления государственного контроля и надзора в сфере градостроительной деятельности, а также возможности, целесообразность и особенности согласования внеплановых проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Реализация надзорных полномочий органами прокуратуры в данном направлении осуществляется достаточно активно с 2009 года. Результаты изучения материалов прокурорской практики свидетельствуют о том, что на протяжении прошедших почти полутора десятилетий постоянно совершенствуются как содержание работы органов контроля и прокуратуры, так и формы контрольной и надзорной деятельности.

Например, Федеральным законом от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» на органы прокуратуры возложена обязанность по согласованию внеплановых проверок. Законом было предусмотрено всего две формы проведения проверочных мероприятий — это документальные и выездные проверки, которые могли проводиться на плановой и внеплановой основе. Позднее законодатель ввел возможность осуществления контрольной закупки,

но указанная форма контроля широкого распространения не получила.

В 2021 году на органы прокуратуры законодательно была возложена обязанность по согласованию внеплановых выездных проверок по жалобам граждан и по контролю предписаний, а также по согласованию документарных проверок, что сократило количество административных барьеров и нарушений, допускаемых в отношении предпринимателей.

Впоследствии, 1 июля 2021 года, вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и были приняты в соответствии с ним подзаконные акты, во исполнение положений которых работа органов контроля была модернизирована, что также потребовало перестроения и совершенствования форм и методов работы органов прокуратуры.

Несомненно, 2021 – 2023 годы были уникальными, поскольку фактически в эти периоды действовал мораторий на проведение проверочных мероприятий в соответствии с Постановлениями Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2021 года № 1520¹ и от 10 марта 2022 года № 336².

Меры по поддержке бизнеса, в частности озвученное Президентом России снижение административной нагрузки на бизнес и предпринимателей путем полного отказа от проведения плановых проверок в отношении ряда организаций и индивидуальных предпринимателей, нашли отражение в Постановлении Правительства Российской

Федерации от 10 марта 2022 года № 336. После вступления указанных правовых актов в силу плановые контрольные (надзорные) мероприятия, плановые проверки осуществляются только в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасных производственных объектов II класса опасности, гидротехнических сооружений II класса. Принятые меры организационного и нормативно-правового характера, их содержание и последовательное расширение сферы и сроков применения позволяют прогнозировать, что отмена плановых проверок будет носить постоянный, а не временный характер, что решения о проведении проверок будут основаны на перспективном риск-ориентированном подходе, который приобретает все более широкое применение в различных сферах деятельности и явно будет полезен в сфере градостроительства.

По мнению Президента Российской Федерации, «есть все основания пойти на кардинальный шаг — навсегда, на постоянной основе, отказаться от большинства проверок бизнеса, деятельность которого не связана с высоким риском причинения вреда гражданам и окружающей среде»³.

Кроме того, по итогам совещания с членами Правительства Российской Федерации, состоявшегося 3 ноября 2022 года, руководителем государства был утвержден перечень поручений по разработке мер поддержки субъектов предпринимательской деятельности.

Меры такой поддержки касаются: погашения долговых обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в объеме налоговых доходов, поступающих в федеральный бюджет от реализации новых инвестиционных проектов; обеспечения за счет реструктуризации бюджетных кредитов возможности реализации инвестиционных проектов; внедрения механизмов поддержки государственных организаций, реализующих корпоративные

¹ Об особенностях проведения в 2022 году плановых контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2021 г. № 1520. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 : текст с изм. и доп. на 10 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-pplenarnogo-zasedanija-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-17-06-2022.html> (дата обращения: 10.06.2023).

программы повышения конкурентоспособности, и др.¹

Однако введение финансовых и бюджетных мер поддержки бизнеса, прежде всего малого и среднего, а также индивидуального предпринимательства, минимизация контрольных мероприятий органов контроля и надзора вовсе не свидетельствуют о снижении нарушений, допускаемых субъектами правоотношений.

Государство заинтересовано в развитии активности субъектов градостроительной деятельности и поддержке именно законопослушных представителей этой сферы бизнеса. В связи с чем внушительный пакет мер господдержки направлен на развитие строительной отрасли, финансирование градостроительных проектов, согласование документации, развитие градостроительных и земельных отношений. Планирование и осуществление градостроительной деятельности требуют совместных усилий и участия органов государственной власти, органов местного самоуправления, архитекторов, строителей и заказчиков. Использование же традиционных методов затрудняет визуализацию изменений в реальном времени, поскольку каждый работает со своими объектами, вместе с тем в целях достижения задач градостроительной деятельности такая работа должна образовывать единую модель.

Представляется, что при определении законного и целесообразного соотношения предмета и полномочий при осуществлении прокурорского надзора и государственного контроля следует использовать объединенную модель. С учетом изложенного важным является установление оптимального соотношения функций, реализуемых органами прокуратуры, и функций органов государственного и муниципального контроля и надзора [1, с. 13 – 15] в сфере градостроительной деятельности, поскольку прокурорский надзор за исполнением законов в градостроительной деятельности осуществляется с учетом межотраслевого подхода. При этом, на наш взгляд, необходим ком-

плексный подход к определению содержания предмета прокурорской деятельности в данном направлении при условии сочетания составных частей надзорного и ненадзорного характера и включения в «надзорную» часть указанного предмета деятельности [2, с. 66] исполнения соответствующих норм различных отраслей права.

В свою очередь, функции органов, наделенных полномочиями по осуществлению государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, должны определяться с учетом степени и эффективности участия каждого из таких органов в решении государственных задач. А составные элементы функции органов государственного и муниципального контроля (цели, задачи, сферы воздействия, процедуры, полномочия и правовые последствия) определяют правомочия органа контроля.

Общие задачи контролирующих органов и прокуратуры формируют сферу их сотрудничества [3, с. 23 – 25], однако характер контрольных и надзорных полномочий различен.

Так, в соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации при осуществлении градостроительной деятельности органы местного самоуправления реализуют полномочия по разработке и утверждению правовых актов, планированию землепользования и застройки, выдаче разрешительных документов, обеспечению условий осуществления градостроительной деятельности и ряд контрольных полномочий на предмет технического состояния и надлежащего технического обслуживания объектов строительства. Однако с учетом моратория полномочия по контролю за градостроительной деятельностью в настоящее время не реализуются. В связи с чем возрастает значение достижения цели прокурорской деятельности — обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства².

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/40/events/70047> (дата обращения: 10.06.2023).

² О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 24 июля 2023 г. Ст. 1, п. 2.

В качестве основной функции прокуратуры определен надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина¹, в первую очередь посредством проведения проверок. Поскольку прокурорский надзор за исполнением законов в сфере градостроительной деятельности является частью надзора за исполнением законов, то при его осуществлении соблюдаются общие требования, изложенные в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 года № 195 (ред. от 31 августа 2023 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» и других ведомственных правовых актах.

Вмешательство прокуратуры может быть компенсаторным, когда возможности других органов исчерпаны или недостаточны, либо принятые решения не соответствуют закону, либо в силу объективных особенностей переходного периода, когда ввиду упразднения или переориентации прежних государственных структур контроль за исполнением законов в той или иной сфере правовых отношений не обеспечен надлежащим образом [1, с. 13 – 15].

Учитывая мораторий на проведение проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности, представляется необходимым рассмотреть вопрос формирования целостного понимания специфики деятельности прокуратуры по согласованию внеплановых проверок субъектов градостроительной деятельности, использованию предоставленных прокурору законом полномочий в процессе осуществления прокурорского надзора посредством самостоятельных надзорных мероприятий, а также особенностей выявления и пресечения нарушений.

В существующей иерархической системе органов контроля, которая обусловлена нецелесообразностью дробления на более частные сегменты системы контролирующих органов, реализация полномочий прокурорами не должна подменять деятельность контроли-

рующих органов и выходить за пределы осуществления прокурорского надзора.

Так, в соответствии с Указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 11 марта 2022 года № 140/20² в условиях неблагоприятных внешнеполитических и экономических факторов, связанных с недружественными действиями ряда государств в отношении российских граждан, предприятий и организаций, а также в целях обеспечения законности при реализации принимаемых органами государственной власти Российской Федерации мер по преодолению последствий указанных действий работа на данном направлении должна проводиться с учетом результатов оперативного мониторинга складывающейся ситуации и конструктивного взаимодействия с уполномоченными органами.

При осуществлении надзора за соблюдением прав субъектов градостроительной деятельности необходимо обеспечить поддержание нормальных условий для работы бизнеса, дальнейшую реализацию инвестиционных проектов, гарантировать законность при оказании хозяйствующим субъектам государственных и муниципальных услуг, в том числе по выдаче лицензий и разрешений. Кроме того, плановые и внеплановые проверки контролирующими органами с учетом моратория должны быть своевременно отменены или завершены.

С учетом изложенного можно констатировать, что в настоящее время функциональное предназначение контрольно-надзорных органов, их полномочия ограничены Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Федеральным законом от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.)

² Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности : Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 11 марта 2022 г. № 140/20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Там же.

«О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Вместе с тем, как и прежде, «прокурор надзирает в целом за исполнением законов, без оговорок о сферах, регулируемых данным законодательством» [1, с. 13 – 15], но с учетом особенностей, определенных организационно-распорядительными документами.

Результаты анализа правовых актов, образующих законодательную основу функционирования градостроительной отрасли, позволяют сделать вывод о том, что существующая национальная законодательная регламентация не только создает условия для обеспечения необходимого уровня законности осуществления деятельности контрольно-надзорных органов, но и выступает основой такой деятельности, что способствует дальнейшему успешному решению задач повышения уровня соблюдения прав предпринимателей в рассматриваемой сфере.

В свою очередь, риск-ориентированный подход, закрепленный законодательно и используемый в правоприменительной деятельности, необходимо рассматривать как фактор, обеспечивающий возможность повышения эффективности мер государственной поддержки активно развивающихся сфер предпринимательства, в том числе градостроительной деятельности. Применение указанного подхода позволяет еще бо-

лее избирательно и обоснованно подходить к решению вопросов о наличии оснований для согласования контрольно-надзорных проверок.

В завершение следует подчеркнуть, что значимость прокурорского надзора в укреплении законности обеспечивается путем принятия мер по выявлению, предупреждению и устранению причин нарушений и их условий в области градостроительства, начиная с подготовки соответствующих нормативных правовых актов до ввода объектов строительства в эксплуатацию. Вмешательство органов прокуратуры должно быть компенсаторным и иметь место только в случае ненадлежащего исполнения законов, что позволит обеспечить единство и эффективность деятельности государственных органов контроля и надзора, целесообразное и обоснованное сочетание публичных и частных интересов, а также защиту прав и свобод человека и гражданина, институтов гражданского общества.

С учетом упомянутой выше необходимости комплексного подхода к определению содержания прокурорской деятельности в данном направлении самостоятельное значение имеет законное и целесообразное сочетание полномочий надзорного и ненадзорного характера, что исходя из специфики и разнообразия направлений ненадзорной деятельности органов прокуратуры должно стать предметом самостоятельного исследования.

Список источников

1. Бойков А., Скворцов К., Рябцев В. Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода) // Уголовное право. 1999. № 2. С. 13 – 15.
2. Коршунова О. Н., Головки И. И. Категория объекта в теории прокурорской деятельности: теоретический и прикладной аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 62 – 79.
3. Гулягин А. Ю. Проблемы соотношения прокурорского надзора и иного государственного контроля // Юридический мир. 2012. № 4. С. 23 – 25.

Информация об авторе

С. И. Коряченко – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

S. I. Koryachentsova – Senior Lecturer of the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in hearings of criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

СПЕЦИФИКА ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евгений Львович НИКИТИН

*Санкт-Петербургский юридический института (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, nikitin.el@inbox.ru*

Аннотация. В статье определяется понятие и подчеркивается специфика прокурорской проверки исполнения законов в оперативно-разыскной деятельности, указываются ее отличия от проверки исполнения законов и законности правовых актов. Анализируются законодательные и ведомственные нормативные источники, на основе которых автор рассматривает цель и задачи, субъект и объект проверки, раскрывает поводы и основания, периодичность и сроки ее проведения, исследует предмет и указывает содержание проверочных действий и мероприятий.

Ключевые слова: прокурорский надзор, исполнение законов, прокурорская проверка, оперативно-разыскная деятельность, уполномоченный прокурор, проверочные мероприятия

Для цитирования: Никитин Е. Л. Специфика прокурорской проверки исполнения законов в оперативно-разыскной деятельности // Криминалистъ. 2023. № 4 (45). С. 133 – 140.

Original article

SPECIFICITY OF THE PROCURATORIAL CHECK OF THE CRIME DETECTION OPERATIONS COMPLIANCE WITH THE LAW

Evgenii L. NIKITIN

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, nikitin.el@inbox.ru*

Abstract. The article defines the concept and emphasizes the specifics of the procurator's verification of the compliance with the law in operational-search activity pointing out its differences from checking out law enforcement implementation and the legality of legal acts. The paper analyzes legislative and departmental normative sources, drawing on which the author considers the purpose and objectives, the subject and object of the inspection, identifies the reasons and grounds, the frequency and timing of its conduct, explores the subject and specifies the content of verification actions and activities.

Keywords: procuratorial supervision, enforcement of laws, procurator's check, operational-search activity, authorized procurator, verification activities

For citation: Nikitin E. L. Specificity of the procuratorial check of the crime detection operations compliance with the law. Criminalist. 2023;4(45):133-140. (In Russ.).

Прокурорская проверка представляет собой основной способ достижения целей и решения задач прокурорского надзора и прокурорской деятельности. Теоретические проблемы и прикладные аспекты

определения ее сущности и содержания, а также организации и проведения уже давно находятся в фокусе внимания теоретиков и практических работников [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Авторами предлагаются различные опреде-

© Никитин Е. Л., 2023

ления понятия «прокурорская проверка», поскольку на законодательном уровне оно не сформулировано. В статье 21 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 24 июля 2023 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) используется термин «проверка исполнения законов», но не раскрывается его содержание, указывается только на обязанность проведения проверки при наличии соответствующей информации о нарушениях законов. Иные нормы Закона о прокуратуре не содержат положений о проведении «прокурорской проверки», упоминается только право прокурора «проверить» (ст. 22, 27, 33), в связи с чем возникает потребность определиться с этим понятием на доктринальном уровне и раскрыть сущность прокурорской проверки. Это представляется важным, поскольку особенности прокурорской проверки исполнения законов в оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) должны уясняться с учетом ее общей сущности и содержания во всех сферах прокурорского надзора и прокурорской деятельности. В теории прокурорская проверка рассматривается в качестве: юридической формы и правового инструмента выявления прокурором нарушений законов и установления лиц, их совершивших [1, с. 63]; правового средства прокурорского надзора, связанного с выявлением любых правонарушений [2, с. 89]; основного способа выявления прокурором нарушений законов [3, с. 6]; процедуры, состоящей из урегулированных Законом о прокуратуре действий [5, с. 11]. Приведенные определения не противоречат друг другу и являются достаточно схожими. Они подчеркивают, что прокурорская проверка — это некий инструмент, средство, способ, применяемые в рамках установленной процедуры, реализуемой в правовой форме путем совершения конкретных действий и мероприятий, направленных на выявление нарушений законов и лиц, их допустивших. Полагаем, что по своей сущности прокурорская проверка исполнения законов в ОРД, как и любая иная проверка, представляет собой отдельный вид расследования (прокурорского), осуществляемого

специальным должностным лицом (прокурором) в соответствии с установленными полномочиями в предусмотренной законом форме путем системного применения правовых средств, направленных на установление наличия (отсутствия) нарушений законов и лиц, виновных в допущенных нарушениях.

Прокурорская проверка может проводиться в рамках реализации как функции надзора, так и ненадзорных функций, некоторые из них могут носить смешанный характер [6, с. 12–15]. При этом с учетом законодательного выделения отраслей прокурорского надзора (раздел III Закона о прокуратуре) специфика подготовки и проведения прокурорской проверки зависит от задач, предмета и объектов прокурорского надзора, полномочий прокурора в конкретной отрасли.

Следует констатировать, что в настоящее время процедура прокурорской проверки в целом и в ОРД в частности урегулирована менее подробно и четко, нежели процедура административного или уголовно-процессуального расследования. Некоторое усиление процессуализации прокурорских проверок в сфере надзора за исполнением законов и законностью правовых актов (общий надзор) и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина произошло с принятием Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 2-П¹. Это решение повлекло

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр „Мемориал“», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и

уточнение и некоторое увеличение объема законодательных норм, регламентирующих вопросы проведения проверок, в части цели и задач, предмета, оснований, сроков прокурорской проверки, прав и обязанностей ее участников. Однако указанные изменения не затронули проведение проверок в специальных отраслях прокурорского надзора (главы 3 и 4 раздела III Закона о прокуратуре), поскольку изменения были внесены исключительно в содержание ст. 21 и 22 Закона о прокуратуре, а согласно его ст. 6 установленные в Законе сроки представления информации, документов и материалов или их копий распространяются только на случаи проведения проверок исполнения законов и законности правовых актов (общий надзор) [4, с. 35].

В этой связи следует констатировать наличие как общих, универсальных основ, подходов и принципов проверочной деятельности, так и существенных отличий при ее организации и осуществлении в специальных отраслях прокурорского надзора. С учетом необходимости выделения и рассмотрения общих категорий любой прокурорской проверки — цель и задачи, субъект и объект, поводы и основания, предмет, периодичность и сроки, а также этапы и проверочные мероприятия — определим сущность и установим особенности проведения прокурорской проверки исполнения законов в ОРД.

Своеобразие прокурорской проверки в рассматриваемой отрасли прокурорского надзора во многом задается сущностью и принципами ОРД. В частности, ОРД как разведывательно-поисковая работа предполагает ее особую организацию и использование специальной тактики, включает применение специальных методов и средств, засекречивание источников и значительного объема получаемой оперативной информации, осуществление особого делопроизводства по документам ОРД, а к специально-отраслевым

гражданки С. А. Ганнушкиной : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

принципам ОРД относятся конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств.

Следует оговориться, что цель и задачи прокурорской проверки не тождественны цели и задачам прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. По содержанию они носят более узкий характер. Вместе с тем цель прокурорской проверки исполнения законов в ОРД определяется с учетом общих целей деятельности органов прокуратуры, регламентированных в ст. 1 Закона о прокуратуре. Целью является выявление нарушений (либо их отсутствия) прав и свобод граждан, чьи права затрагиваются либо ограничиваются при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ), интересов юридических лиц, охраняемых законом интересов общества и государства, установление лиц, виновных в допущенных нарушениях. Для достижения указанной цели в ходе проверки ставятся и решаются задачи, определенные в Приказе Генерального прокурора Российской Федерации, регламентирующем вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности¹, и иных нормативно-правовых актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации. С доктринальной точки зрения к основным задачам проверки можно отнести: своевременное и полное изучение дел оперативного учета и иных оперативно-служебных документов и материалов, книг и журналов учета и регистрации, иных номенклатурных дел; анализ объяснений и показаний должностных и физических лиц; оценка решения оперативно-разыскными службами задач ОРД (ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)) с точки зрения их действий или бездействия; оценка своевременности и полноты мер, принимаемых оперативно-разыскными службами и

¹ Приказ является документом ограниченного доступа с отметкой «для служебного пользования».

выполнения ими своих обязанностей (ст. 14 Закона об ОРД); оценка законности проведения и документирования ОРМ, в том числе ограничивающих права и свободы человека и гражданина (ст. 6–10, 12 Закона об ОРД); оценка законности решений, принимаемых должностными лицами оперативно-разыскных органов (ст. 10 Закона об ОРД).

Прокурорские проверки исполнения законов в ОРД могут проводиться только специальным субъектом – уполномоченным прокурором (ст. 21 Закона об ОРД). Для обретения статуса уполномоченного прокурора должностное лицо органов прокуратуры должно пройти процедуру допуска для работы со сведениями, составляющими государственную тайну, и быть назначенным в качестве такового специальным приказом вышестоящего прокурора регионального или федерального уровня. Возможность проведения прокурорских проверок исполнения законов в ОРД предоставляется только должностным лицам, получившим допуск по форме № 2 (№ 1), и только при наличии предписания на ее проведение по форме № 5, подписанного вышестоящим прокурором¹. Это создает определенные сложности в организации работы, заключающейся в проведении проверок, в прокуратурах районного звена с небольшой штатной численностью, поскольку в их составе таким статусом, как правило, обладает только прокурор – руководитель (в лучшем случае – еще и заместитель прокурора). Иные сотрудники, в том числе надзирающие (за следствием и дознанием) прокуроры, не имеющие соответствующего допуска, проводить проверки в сфере ОРД не имеют права. При этом на практике нередко возникают ситуации, требующие проведения комплексной проверки законности как уголовно-процессуальной, так и оперативно-разыскной деятельности, например связанные с установлением фактов совмещения ОРД и процессуальной

¹ Инструкция о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63 : текст с изм. и доп. на 29 окт. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности или подмены следственных действий оперативно-разыскными мероприятиями [8, с. 51–53]. Для оптимизации организации проверочной деятельности в рассматриваемой сфере считаем целесообразным расширить круг уполномоченных прокуроров за счет более широкого назначения в качестве таковых помощников прокуроров районного (городского) уровня.

Объектами прокурорских проверок исполнения законов в ОРД по общему правилу выступают специальные оперативные подразделения правоохранительных органов, перечисленных в ст. 13 Закона об ОРД. Их перечень определяется ведомственными нормативно-правовыми актами открытого и закрытого характера². Наличие отдельных правоохранительных органов и различных по направленности деятельности подразделений вызывает необходимость установления их компетенции, которая влияет на содержание проверок. Например, в органах внутренних дел правом осуществления ОРД и проведения ОРМ наделены подразделения уголовного розыска (выявление и раскрытие преступлений против личности, собственности, розыск лиц различных категорий и т. д.), экономической безопасности и противодействия коррупции (выявление и раскрытие экономических и коррупционных преступлений), по контролю за оборотом наркотиков (выявление и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств), специальных технических мероприятий (проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан)

² Об утверждении перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-разыскную деятельность : Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении перечня оперативных подразделений таможенных органов Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и их полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности : Приказ ФТС России от 17 апреля 2012 г. № 715 : текст с изм. и доп. на 11 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

и др. Вместе с тем, как показывает практика, имеют место случаи организации и проведения ОРМ сотрудниками иных подразделений, не наделенных правом осуществления ОРД. Например, сотрудником ДПС ГИБДД УМВД района по поручению руководства было организовано и посредством личного участия в качестве «покупателя» проведено ОРМ «проверочная закупка» наркотического средства амфетамин. Аналогичные случаи имели место и в практике деятельности участковых уполномоченных полиции¹. При этом указанные подразделения органов внутренних дел не относятся к оперативным и не наделяются правом проведения ОРМ. Поэтому в ряде случаев существует необходимость проведения проверок и в иных подразделениях правоохранительных органов, чья деятельность должна находиться в фокусе внимания не только надзирающих, но и уполномоченных прокуроров.

Прокурорская проверка по общему правилу должна проводиться на основании поступивших в органы прокуратуры сведений о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без ее проведения (ст. 21 Закона о прокуратуре). Наличие информации о нарушениях законов, по сути, образует фактическое основание проведения проверки, в то время как юридические основания (поводы) в Законе о прокуратуре не названы. Однако такое указание не содержится в положениях ст. 29 и 30 этого же Закона, что вызывает необходимость уяснить, что является поводом и основанием проведения проверки исполнения законов в ОРД. К формальным основаниям (поводам) прокурорской проверки в рассматриваемой области в соответствии с приказами Генерального прокурора Российской Федерации относятся: обращения граждан, юридических и должностных лиц; материалы уголовных дел о нераскрытых

¹ Архив кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

преступлениях; информация о ненадлежащем исполнении «следственных» поручений по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях; планы работы соответствующей прокуратуры и др. Формальным основанием проведения проверки можно признать и ходатайство руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации о проверке исполнения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по конкретному уголовному делу². Безусловно, указанные поводы должны свидетельствовать о возможном наличии соответствующих нарушений законов. Вместе с тем в специальных отраслях надзора в отношении отдельных поднадзорных объектов сложилась практика проведения прокурорских проверок на постоянной основе в силу прямого нормативного предписания, даже при отсутствии конкретизированных сведений о нарушениях законов, наличие которых фактически презюмируются в силу их распространенности. Например, проверки исполнения законов в специальных приемниках и изоляторах временного содержания органов внутренних дел с учетом требований Генерального прокурора Российской Федерации проводятся ежедневно, законность содержания под стражей в следственных изоляторах проверяется регулярно, проверки обоснованности содержания лиц в камерах административно-задержанных проводятся систематически³. Прокурорскую

² Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации : Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2. П. 1.23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов ФСБ России, на гауптвахтах, в конвойных помещениях судов (военных судов) : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 8 августа 2011 г. № 237 : текст с изм. и доп. на 22 февр. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопро-

проверку, проведенную в силу прямых ведомственных нормативных предписаний, вряд ли можно рассматривать как проверку по «надуманным мотивам» [9, с. 237], поскольку в этом случае достаточным для ее законности будет являться наличие юридического основания. Соответственно, в этом случае вопрос оснований проведения проверки непосредственно связан с обязательностью и периодичностью ее проведения. Не определяя периодичность проведения проверок исполнения законов в ОРД в целом, ведомственные нормативно-правовые акты устанавливают ее в отношении отдельных сфер оперативно-разыскной деятельности. Например, проверки исполнения законов о выявлении и раскрытии коррупционных преступлений предписывается проводить ежеквартально¹, о противодействии экстремистской деятельности, о противодействии терроризму, о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма — не реже одного раза в полугодие², о розыске без

изводстве : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27 ноября 2007 г. № 189 : текст с изм. и доп. на 19 авг. 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 : текст с изм. и доп. на 24 марта 2023 г. ; Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 мая 2018 г. № 295 : текст с изм. и доп. на 24 марта 2023 г. ; Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 87. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

вести пропавших лиц — не позднее 10 суток после заведения дела оперативного учета, в последующем с периодичностью не реже одного раза в квартал³ и др.

Сроки проведения проверки исполнения законов в ОРД законодательно также не установлены. Однако можно сделать вывод, что хотя этот вопрос отдан на усмотрение уполномоченного прокурора — руководителя, тем не менее для плановых проверок срок определяется планом работы прокуратуры, для проверок по поступившим обращениям — сроками рассмотрения и разрешения обращений граждан и должностных лиц. С учетом требований Генеральной прокуратуры Российской Федерации о необходимости изучения всех (100 %) дел оперативного учета и иных оперативно-служебных материалов, которые составляют весьма значительный массив, неустановление временных лимитов представляется правильным решением.

Предмет прокурорской проверки задается предметом прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД и всегда уже его по содержанию. В число элементов предмета прокурорской проверки в зависимости от вида проверки (специальная, целевая, комплексная) будут включаться: соблюдение прав и свобод человека и гражданина, соблюдение установленного порядка проведения ОРМ, законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, в лице их руководителей. Следует отметить, что целый ряд ОРМ (контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации и др.), ограничивающих конституционные права граждан, предполагают

³ Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : утв. Приказом МВД России № 38, Генерального прокурора Российской Федерации № 14, Следственного комитета Российской Федерации № 5 от 16 января 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

их проведение исключительно при наличии разрешающего судебного решения. То есть судебное решение, допускающее проведение такого ОРМ, является неотъемлемой частью его правомерности и законности. Несмотря на то обстоятельство, что исполнение законов при осуществлении судебной деятельности (судебного контроля) и законность судебных актов (принятых в порядке судебного контроля) в предмет прокурорского надзора не входят, тем не менее оценка порядка проведения ОРМ предполагает изучение такого судебного решения на предмет его законности, обоснованности и мотивированности. В зависимости от оценки в рамках прокурорской надзорной проверки делается вывод о законности или незаконности проведения того или иного ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан.

Содержание проверочных действий в рамках прокурорской проверки исполнения законов в ОРД зависит от предоставленных уполномоченным прокурорам правовых средств, применяемых с учетом имеющихся полномочий. При наличии сложившейся правоприменительной практики теоретический вопрос об используемых уполномоченным прокурором средствах является проблемным, поскольку фактически ст. 30 Закона о прокуратуре, будучи бланкетной, полномочия уполномоченного прокурора, а следовательно, и применяемые им средства, не предусматривает, да и нормы иных законодательных актов, на которые идет отсылка, таких положений не содержат. Поэтому в связи с правовой неопределенностью полномочий уполномоченного прокурора в сфере надзора за исполнением законов в ОРД им

применяются средства прокурорского надзора за исполнением законов (общий надзор) и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина с учетом особенностей рассматриваемой сферы.

Так, уполномоченный прокурор истребует у руководителей оперативно-разыскных служб и изучает оперативно-служебные документы (дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию) и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий; получает письменные объяснения должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, по поводу выявленных нарушений законов, а при необходимости — также объяснения граждан, представителей юридических лиц; знакомится в судах с журналами учета вынесенных судебных решений (с разрешения председателя суда либо и. о. председателя суда), производит их сверку и изучает в подразделениях специальных технических мероприятий сведения об ОРМ данной категории, проведенных как по судебному решению, так и без него.

С учетом вышесказанного полагаем необходимым осуществить правовую регламентацию полномочий уполномоченных прокуроров и определить применяемые при проведении прокурорской проверки правовые средства на законодательном уровне путем включения соответствующей статьи в главу 3 раздела III Закона о прокуратуре или дополнения содержания ст. 30 этого Закона.

Список источников

1. Амирбеков К. И. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход) // Российский следователь. 2020. № 2. С. 63–68.
2. Ломовский В. Д. О понятии и содержании прокурорской проверки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 5. С. 89–93.
3. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / О. Н. Коршунова, Е. А. Бурмистрова, И. И. Головкин [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2017. 428 с. (Учебники и учебные пособия).

4. Плугарь Д. М. Вопросы процедурных условий проведения прокурорских проверок // Законность. 2019. № 8. С. 33 – 37.
5. Проверка прокурором исполнения законов : пособие / Л. И. Александрова, С. В. Борисов, Н. Д. Бут [и др.] ; под ред. Н. В. Субановой. Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 124 с.
6. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / О. Н. Коршунова, Е. А. Бурмистрова, И. И. Головки [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстиция, 2019. 408 с.
7. Теоретические и организационные основы прокурорской проверки : монография / В. К. Артеменков, С. В. Борисов, Н. В. Буланова [и др.] ; под общ. ред. Н. В. Субановой. Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 321 с.
8. Лошкарев В. В. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные проверки: недопущение совмещения // Законность. 2018. № 5. С. 51 – 53.
9. Иванов П. И. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: поводы и основания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 236 – 248.

Информация об авторе

Е. Л. Никитин – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. L. Nikitin – Associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 343.13

ОБЗОР II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ»

Николай Валентинович КУЛИК¹, Дмитрий Анатольевич СЫЧЕВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ Kulik-n@mail.ru

² ds999rus@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности». Изложены основные положения докладов ведущих ученых, выступивших на конференции.

Ключевые слова: уголовный процесс, научно-практическая конференция, исследования

Для цитирования: Кулик Н. В., Сычев Д. А. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности» // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 141 – 148.

Review article

REVIEW OF THE II ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «CRIMINAL PROCEDURE: FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT»

Nikolay V. KULIK¹, Dmitry A. SYCHEV²

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia*

¹ Kulik-n@mail.ru

² ds999rus@rambler.ru

© Кулик Н. В., Сычев Д. А., 2023

Abstract. The article presents an overview of the II All-Russian scientific and practical conference «Criminal procedure: from the origins to the present». The main provisions of the reports of the leading scientists who spoke at the conference are outlined.

Keywords: criminal proceedings, scientific and practical conference, research

For citation: Kulik N. V., Sychev D. A. Review of the II All-Russian scientific and practical conference «Criminal procedure: from the origins to the Present». *Criminalist*. 2023;4(45):141-148. (In Russ).

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации 22 сентября 2023 года состоялась ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовный процесс: от истоков к современности», посвященная исследованию широкого спектра вопросов и проблем в уголовно-процессуальной сфере.

В работе конференции приняли участие практические работники органов прокуратуры, представители высших учебных заведений России: Казанского и Иркутского филиалов Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России, Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Санкт-Петербургского государственного университета, Кемеровского государственного университета, Санкт-Петербургского военного ордена Г. К. Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции и других органов и организаций, профессорско-преподавательский состав кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, аспиранты, студенты, слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института.

В рамках конференции были рассмотрены вопросы формирования современной уголовно-процессуальной политики, тенденции развития уголовно-процессуального

права, вопросы формирования и функционирования моделей судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве континентальной и англосаксонской систем права, правового регулирования судебного штрафа в отечественном законодательстве и его применения, эффективной реализации прокурором полномочий на различных стадиях уголовного процесса и др.

Особый интерес вызвали доклады, представленные известными процессуалистами: профессорами Т. Г. Николаевой, С. А. Рогановым, А. В. Смирновым, Н. А. Даниловой, М. А. Гавриловым, доцентами Н. А. Назыровой, Е. Г. Шадринной, Ю. Б. Самойловой, Е. В. Елагиной, старшими преподавателями П. А. Каматесовым, О. Ю. Ватутиной, специалистами-практиками Н. И. Ибрагимовым, А. И. Поповым, А. С. Гусевым и другими.

Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент Е. Б. Серова, открывая работу конференции, отметила, что исторический анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о его эволюции. Начиналось оно с довольно примитивных институтов и постепенно усложнялось и обогащалось передовыми идеями своего времени. На сегодняшний день представляет собой разветвленную систему правовых институтов и норм, вобравших в себя достижения многих наук и рекомендации правоприменительной практики. Указав на важность исследования конкретных проблем уголовно-про-

цессуальной науки, Е. Б. Серова выразила надежду, что высказанные участниками конференции предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) будут учтены в законотворческой деятельности.

С докладом на тему «Уголовно-процессуальная политика и тенденции развития современного уголовно-процессуального права» выступила профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Т. Г. Николаева.

Современная уголовно-процессуальная политика как составная часть уголовной политики, по мнению профессора Т. Г. Николаевой, может быть охарактеризована через выделение в ее составе трех уровней: доктринального, законодательного и правоприменительного. Состояние доктринального уровня как концептуального вектора развития отечественного уголовного процесса обусловлено принятием таких документов, как ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, Национальная стратегия противодействия коррупции, и ряда других, не имеющих своим предметом исключительно уголовно-процессуальную политику. Никаких же концепций или стратегий уголовно-процессуальной политики в целом не разработано.

Профессор Т. Г. Николаева отметила, что на парламентских слушаниях, которые прошли в Совете Федерации 5 апреля 2017 года, состоялось обсуждение подготовленного по заказу Центра стратегических разработок доклада «Уголовная политика: дорожная карта (2017 – 2025 гг.)». В данном документе, в частности, отмечено, что призывов к радикальному обновлению уголовного процесса (за исключением доктринальной модели УПК РФ, разработанной учеными Нижегородской школы процессуалистов, а также неопределенных предложений Верховного Суда Российской Федерации по принятию нового процессуального кодекса) практически не встречается. В связи

с этим делается вывод, что данное обстоятельство свидетельствует об удовлетворенности современными конструкциями уголовно-процессуального закона. При этом авторами дорожной карты обозначены два стратегических этапа развития уголовного судопроизводства:

2017 – 2018 годы – частные корректировки уголовно-процессуального законодательства, нацеленные на устранение так называемого обвинительного уклона в деятельности органов государственной власти;

2019 – 2025 годы – обсуждение и возможная реализация крупных корректирующих шагов, направленных на совершенствование уголовного судопроизводства: создание единого следственного комитета или сохранение *status quo*; решение судьбы стадии возбуждения уголовного дела (сохранение или отмена); деформализация уголовного судопроизводства за счет внедрения более простых способов фиксации его хода и результатов; расширение полномочий адвокатов; расширение дискреции прокурора; внедрение принципа целесообразности. Результаты рассмотрения данной дорожной карты в Администрации Президента России до настоящего времени широкой научной общественности не известны.

Состояние уголовно-процессуальной политики с точки зрения ее законодательного уровня характеризуется определенным несоответствием между нормами УПК РФ и нормами других законов, в частности Федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О государственной судебно-экспертной деятельности» и др.), а также тем, что в УПК РФ с момента его принятия были внесены более 330 поправок, Конституционным Судом Российской Федерации принято несколько десятков решений, в которых Суд давал свое толкование норм уголовно-процессуального закона, нередко отличное от буквального.

Относительно правоприменительного уровня Т. Г. Николаева отметила, что существенным фактором применения тех или иных норм уголовно-процессуального

закона является их ведомственная оценка. Например, существенное сокращение, а в ряде регионов полное прекращение использования сокращенной формы дознания. Другим значимым фактором на этом уровне являются «изобретения» правоприменительной практики, которые при поддержке судов превращаются в обычную законную практику. Свидетельством такой тенденции может являться расширяющаяся практика производства выемки до возбуждения уголовного дела, причем как с разрешения суда, так и без.

В завершение Т. Г. Николаева констатировала, что в области уголовно-процессуального права предстоит разработать и представить для широкого обсуждения концепцию уголовно-процессуальной политики, в которой должны быть отражены основные направления развития уголовного судопроизводства, определены базовые принципы, составляющие основу уголовно-процессуального законодательства.

Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного ордена Г. К. Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации доктор юридических наук С. А. Роганов свое выступление на тему «Совершенствование уголовно-процессуального статуса понятых в уголовном процессе» посвятил проблемам и теоретико-правовому анализу института понятых в отечественном уголовном процессе. Им было отмечено, что важную роль в реализации назначения уголовного судопроизводства играют не только участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты, но и иные участники, выполняющие вспомогательные функции. К данным участникам уголовного судопроизводства, в частности, относится понятой, процессуальный статус которого регламентируется уголовно-процессуальным законом. Анализ юридической литературы и правоприменительной практики показал наличие неоднозначного подхода к участию понятого в уголовном процессе, что приводит к проблемным ситуациям, ко-

торые возникают в процессе производства по уголовным делам. Докладчик остановился на наиболее значимых из них. Отмечено, что интересы данного участника не всегда совпадают с публичными интересами лиц, осуществляющих уголовное преследование. Последние не всегда уделяют должное внимание вопросам безопасности и соблюдения этических норм при привлечении граждан в качестве понятых. Обращено внимание на проблемы технического характера при использовании различной аппаратуры (техника морально устаревает, аккумуляторные батареи не предназначены для длительной работы, специалисты не соблюдают правила относительно методов и видов съемки и т. д.). Например, приостановление видеозаписи в связи с заменой источника питания в видеокамере будет являться основанием для выдвигания версий защиты. В завершение доклада профессор С. А. Роганов отметил, что скорейшее законодательное разрешение указанных проблем возможно только на основе их комплексного анализа.

Профессор кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации М. А. Гаврилов в докладе «О роли суда в повышении правовой культуры граждан» отметил следующее.

Одним из факторов, формирующих правовую культуру граждан, является причастность простых людей к деятельности правоохранительных органов и суда.

Последние десятилетия либеральных реформ не оказали решающего позитивного влияния на доверие граждан к отечественному правосудию. При этом одной из возможных причин неверия граждан в эффективность современного отечественного судопроизводства, по мнению докладчика, является недостаточная степень участия самих граждан в отправлении правосудия. А потому связи участников судопроизводства с обществом, способствующие повышению правовой культуры в российском обществе, сегодня нуждаются в восстановлении.

Помимо таких форм привлечения граждан к работе правоприменительных органов, как деятельность народных дружинников и внештатных сотрудников, важное значение для повышения правовой культуры российских граждан имеет расширение открытости правосудия, в том числе уголовного судопроизводства, с усилением роли судов в этом направлении. Действенным инструментом формирования правового сознания граждан является проведение выездных судебных заседаний по уголовным делам, что основывается на постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 1967 года № 35 в редакции 2007 года «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения». Такие заседания проводятся в образовательных организациях, на предприятиях и т. п.

Учитывая отечественный положительный исторический опыт, а также положительный опыт таких государств, как Туркменистан, Таджикистан, Беларусь, Эстония, Узбекистан, Куба, КНР, КНДР, Вьетнам, Монголия, сохранивших советскую модель участия в отправлении правосудия народных заседателей, и государств Восточной Европы, где судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей (Польша, Болгария, Словакия, Чехия, Сербия, Словения, Северная Македония, Хорватия, Черногория), на взгляд автора доклада, наиболее приемлемым представляется возврат к форме народного участия в отправлении правосудия, которая близка по своему содержанию институту народных заседателей советского периода. Дополнительным аргументом в пользу такого решения является тот факт, что в настоящее время в большинстве стран континентальной Европы уже не существует суда присяжных в его классическом понимании, а используются другие формы народного участия в отправлении правосудия. Например, в Германии граждане участвуют в рассмотрении уголовных дел в составе смешанных судов — судов шеффенов (1–3 профессиональных судьи и 2–3 шеффена, которые совместно принимают решение о

виновности или невиновности подсудимого и о назначении меры наказания), а также в составе ряда специализированных судов. В Швейцарии суд из 12 присяжных отменен во всех кантонах, кроме Женевы, сохранен в федеральных судах, где используется крайне редко. Еще одной важной составляющей повышения правовой культуры граждан является обеспечение прав граждан на получение своевременной, объективной, полной и разносторонней информации о деятельности судебной системы. Помимо таких форм реализации этого права, как создание судами в сети «Интернет» официальных страниц, публичных страниц (пабликов) в социальных сетях, эффективным может стать использование сетевых ресурсов в качестве площадок для выступления профессиональных судей.

Выступление заведующего криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидата юридических наук, доцента А. В. Холопова было посвящено вопросам обеспечения наглядности в суде с участием присяжных заседателей и ее границам. А. В. Холопов отметил, что в современных условиях реализация принципа наглядности и его криминалистическое обеспечение требуют повышенного внимания, так как в уголовном судопроизводстве появился относительно новый субъект познания преступления — присяжные заседатели, которые обладают профанными (от «светский», «мирской», «не сведующий») знаниями в области криминалистики и юриспруденции в целом. В этой связи следует учитывать ряд психологических особенностей, которые влияют на восприятие присяжными той информации, которую стороны представляют в ходе судебного разбирательства.

Исходя из того, что доказывание является процессом познания, принцип наглядности применительно к государственному обвинителю следует рассматривать как систему правил в деятельности по обеспечению по-

знания преступления участниками судебного разбирательства путем организованного представления доказательственной информации в судебном заседании с целью формирования в сознании присяжных целостного образа события преступления. Обеспечение наглядности (реализация принципа наглядности) в судебном разбирательстве является творческой деятельностью, психологические основы которой составляют создание, представление (демонстрация и визуализация) доказательственной информации, а также управление вниманием, процессами восприятия и осмысления визуального (наглядного) образа события преступления, формируемого в сознании присяжных. Присяжным информацию целесообразно представлять как в образовательном процессе, т. е. максимально наглядно. Это создаст условия для формирования в их сознании системы чувственно-наглядных образов, на основе которых будет принято решение и вынесен вердикт. Ранее искусство поддержания обвинения в суде заключалось в судебном красноречии, научно-технические средства и методы, обеспечивающие наглядность представляемой доказательственной информации, были не столь совершенны и разнообразны. В настоящее время ораторское мастерство прокурора в суде присяжных с точки зрения наглядности представления информации следует рассматривать как профессиональную способность, равнозначную знаниям и навыкам в криминалистическом обеспечении наглядности в представлении доказательственной информации.

Законодателем в ч. 8 ст. 335 УПК РФ установлены ограничения на исследование информации, касающейся личности подсудимого. По мнению докладчика, в определенных случаях применение данной нормы противоречит логике уголовного судопроизводства, построенного на положениях теории доказательств и теории доказывания, которые, в свою очередь, основаны на теории познания.

Ярким событием конференции традиционно является участие в ней слушателей

факультета переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

С остродискуссионным докладом на тему «Проведение выемки в ходе проверки сообщений о преступлении» выступил слушатель факультета – заместитель Коломенского городского прокурора Московской области О. С. Вдовиченко. Докладчик отметил, что одним из значимых шагов законодателя, направленных на совершенствование уголовно-процессуального регулирования стадии возбуждения уголовного дела, явилось расширение инструментария проверяющих субъектов, в частности закрепление за ними права «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Вместе с тем отсутствие законодательно разработанной процедуры приводит к серьезным затруднениям на практике. Так, нередко в целях изъятия отдельных предметов и документов в рамках проверки, проводимой в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, без достаточных на то оснований и вопреки целям такого следственного действия, как осмотр места происшествия, последним подменяется процессуальное действие «изъятие». Учитывая изложенное, автором доклада положительно оценивается практика таких субъектов Российской Федерации, как Москва и Московская область, в которых такая специальная процедура изъятия предметов и документов, как выемка, в полном объеме с опорой на синонимичность понятий «выемка» и «изъятие», а также уголовно-процессуальную аналогию экстраполирована на стадию возбуждения уголовного дела. О том, что такая практика небесспорна, говорит тот факт, что правоохранительными органами подавляющего большинства регионов следственное действие «выемка» проводится только в рамках возбужденного уголовного дела.

С совместным докладом на тему «Уголовный процесс и уголовное право в новых субъектах Российской Федерации» выступили заместитель начальника Главного

управления Минюста России по Ростовской области кандидат юридических наук А. А. Артамонов и адвокат, соучредитель регионального отделения Ассоциации юристов России в Донецкой Народной Республике Я. Н. Ющенко. Они справедливо отметили, что одним из значимых аспектов вхождения новых регионов в состав Российского государства является максимально быстрая адаптация их органов власти к законам Российской Федерации и что в сфере применения уголовно-процессуального закона остаются нерешенными ряд вопросов. Во-первых, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ особенности применения на территории Донецкой Народной Республики в течение переходного периода уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации должны быть определены федеральным законом, но по прошествии восьми месяцев такой федеральный закон принят не был. Имеющиеся два законопроекта требуют серьезной доработки, поэтому они «завязли» в соответствующих комитетах и до сих пор не рассмотрены даже в первом чтении. И если до 4 октября 2022 года правоохранители применяли уголовно-процессуальное право Донецкой Народной Республики, то после 4 октября 2022 года они уже должны были моментально, без подготовки перейти на российский уголовный процесс, что даже при наличии соответствующей подготовки сделать достаточно сложно. Остаются иные неурегулированные вопросы. Так, соответствующий нормативный акт, дающий старт суда присяжных на территории Донецкой Народной Республики, пока не принят. Кроме того, дискуссионным и достаточно острым остается вопрос, связанный с так называемым мораторием на применение смертной казни, применение которой к военным преступникам в условиях вооруженного конфликта продолжает оставаться актуальным. В связи с последним обращает на себя внимание опыт Беларуси, которая мораторий на смертную казнь не вводила и

где в соответствии с последними изменениями законодательства расширен перечень субъектов, к которым данный вид наказания может применяться, в частности перечень дополнен военнослужащими, совершившими государственную измену, а также чиновниками. Безусловно, сложным, на взгляд авторов доклада, остается вопрос о том, кто будет применять законодательство, т. е. кадровый вопрос, потому что в Донецкой Народной Республике была общая мобилизация, которая затронула практически все мужское население Донбасса. Министр внутренних дел В. Колокольцев озвучил, что для комплектования личного состава правоохранительных органов на территории новых субъектов Российской Федерации, т. е. Донецкой, Луганской Народных Республик, а также Херсонской, Запорожской областей, необходимо сорок две тысячи новых сотрудников. Причем этих сотрудников придется либо учить работать в условиях российского законодательства прямо на работе, либо вообще учить с нуля без отрыва от производства. Все это требует отдельного внимательного подхода к каждому сотруднику, чтобы он мог и выполнять свою работу, и повышать уровень квалификации. Вариантом решения этой проблемы является воплощение в жизнь январских поручений Президента России о привлечении ветеранов правоохранительных органов в качестве наставников для передачи опыта, в том числе при обеспечении функционирования вновь созданных подразделений правоохранительных органов новых субъектов Российской Федерации. В завершение докладчики выразили уверенность в успешном решении такого вопроса с учетом практики формирования территориальных управлений Минюста России во всех четырех новых российских субъектах, в частности Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Донецкой Народной Республике. За короткий срок Управление удалось укомплектовать высококвалифицированными юристами, мотивированными российскими гражданами, у каждого из которых есть и хорошее обра-

зование, и глубокие теоретические знания, и опыт применения различного законодательства при остром желании трудиться и приносить пользу нашей общей Родине.

В своем выступлении на тему «Модель судебной экспертизы в уголовно-процессуальном праве России» старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета кандидат юридических наук О. Ю. Ватутина отметила, что модель судебной экспертизы, которая реализуется сегодня в уголовно-процессуальном праве России, не является исключительно континентальной, поскольку обладает определенными особенностями, проявившимися в связи с тенденцией правовых систем к сближению. Современная российская модель судебной экспертизы позволяет в некоторой степени нивелировать ключевые недостатки классических моделей судебной экспертизы: англо-американской — заинтересованность экспертов в вовлечении в уголовный процесс специальных знаний, континентальной — монополия лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, на вовлечение в уголовный процесс специальных знаний.

Конференция продолжилась выступлением преподавателя кафедры уголовного процесса и криминалистики юридическо-

го факультета Санкт-Петербургского государственного университета кандидата юридических наук П. А. Каматесова на тему «Уголовно-процессуальные проблемы применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», сообщившего ученому собранию следующее. Институт судебного штрафа является проявлением гуманизма со стороны государства. Однако несовершенство его правовой конструкции привело к существенному сокращению практики применения судебного штрафа. Расширение полномочий прокурора на стадии предварительного расследования в части утверждения постановления следователя о направлении в суд ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа является механизмом, который позволит сократить количество необоснованных ходатайств следователя.

Предложенные докладчиками направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения вызвали оживленную дискуссию и интерес со стороны участников мероприятия. Ряд новаций и идей, предложенных в ходе работы конференции, надеемся, будут положены в основу совершенствования уголовно-процессуального законодательства и станут предметом дальнейших научных исследований.

Информация об авторах

Н. В. Кулик — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Д. А. Сычев — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. V. Kulik — Associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

D. A. Sychev — Associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).